

**ЛИЧНОСТЬ
МОРАЛЬ
ВОСПИТАНИЕ**

Серия художественно-публицистических
и научно-популярных изданий

КИМ
СМИРНОВ

ФАУСТ
ПРОТИВ МЕФИСТОФЕЛЯ?

Ким Смирнов

**ФАУСТ
ПРОТИВ МЕФИСТОФЕЛЯ?**

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	5
1. ОБРЕТЕНИЕ ПУТИ	10
2. СКАЛЬПЕЛЬ ДОБРОТЫ	20
3. ТРУДНЫЕ ЗВЕЗДЫ	38
4. ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ОПТИМИСТОМ?	70
5. ЧАС ВНЕДРЕНИЯ	92
6. ЛЕСОРУБ ИЛИ ЛЕСОВОД?	114
7. ПО ТУ СТОРОНУ РАДУГИ	134
8. АУДИТОРИЯ РЕМА ХОХЛОВА	154
9. «ЛИШЬ ТОТ, КЕМ БОЙ ЗА ЖИЗНЬ ИЗВЕДАН...»	186
Эпилог	205

**ЛИЧНОСТЬ
МОРАЛЬ
ВОСПИТАНИЕ**

**Серия художественно-публицистических
и научно-популярных изданий**

КИМ СМИРНОВ

**ФАУСТ
ПРОТИВ
МЕФИСТОФЕЛЯ?**

**Диалоги и размышления
о нравственных проблемах
в мире науки**

**Москва
Издательство
политической литературы
1982**

87.7

C50

Scan+DjVu: AlVaKo

05/04/2025

C $\frac{0302050000-171}{079(02)-82}$ 137-82

© ПОЛИТИЗДАТ, 1982 г.

ПРОЛОГ

Я люблю Университетскую набережную в Ленинграде. Ее сфинксов. И книжный ларек у бывшего здания двенадцати коллегий. И колыхание невской воды рядом с вечной неподвижностью гранита. Мне почему-то здесь особенно хорошо не в белые ночи, а осенью, когда моросит мелкий дождь и желтеет на мокром граните невесть откуда залетевший кленовый лист.

Какая уж тут связь — не знаю, но именно здесь, у сфинксов, на набережной, возникла у меня мысль написать эту книгу.

В один из командировочных приездов в Ленинград заглянул я в университетскую библиотеку, чтобы по чисто рабочей необходимости, в связи с темой о гениальной инженерии, посмотреть страницу о Гомункуле в «Фаусте». Но — увлекся и, проведя в читальном зале еще несколько вечеров, перечитал всю трагедию. А потом, бредя сквозь дождь по набережной, думал о колдовстве «вечной книги», о том, почему меня так растревожила, захватила и не отпускает старинная, со студенческих лет известная история. И вдруг понял, почему.

Потому что она и ныне современна и современна. Потому что «Фауст» Гёте — это ведь, пожалуй, и один из первых серьезных диспутов на тему «Знания и нравственность», и в то же время ключ к сегодняшним моральным проблемам науки.

В основу книги, которую ты сейчас открыл, читатель, легли диалоги с известными советскими учеными о некоторых из таких проблем. Конечно, в реальной жизни диалоги эти не всегда были специально посвящены нравственности. Обычно задания газеты касались новых научных работ. Тем не менее разговор неизбежно выходил за рамки того, как популярно объяснить формулы, модели, принципы, лежащие в основе новых идей, химических реакций, экспериментальных установок, машин. И чаще других «побочных» вопросов затрагивались как раз вопросы морали. Объясняется это, мне думается, тем, что они устойчиво удерживаются в центре общественного внимания.

Несколько широких дискуссий о знаниях и нравственности прошли в «Комсомольской правде» и «Литературной газете». В последние два десятилетия эта тема буквально не сходит со страниц общественно-политических, философских, естественнонаучных и литературно-художественных журналов. Ее анализ дан в целом ряде серьезных исследовательских работ, статей, научных монографий¹.

¹ См.: Астауров Б. Л. Homo sapiens et humanus — Человек с большой буквы и эволюционная генетика человечности. — Новый мир, 1971, № 10; Волков Г. Н. Истоки и горизонты прогресса. Со-

Данная книга не претендует на всестороннее и систематическое рассмотрение проблемы. Задача ее более скромная: диалог между читателями и учеными о нравственных аспектах познания.

Чтобы не возникло недоразумений, сразу хочу подчеркнуть: вопросы, которые задаются в этой книге ученым, не мои. Более того, с авторами некоторых вопросов я не согласен, некоторые поставил бы иначе. Но здесь они приведены в той форме, в которой были заданы в письмах, приходивших в редакцию «Известий» от рабочих, молодых исследователей, студентов, школьников, учащихся ПТУ, в записках, полученных на встречах с читателями. Ответы ученых составили основу книги. Однако я не ограничил свое участие лишь ролью добросовестного посредника, переводчика или стенографа, оставив за собой право высказывать личное мнение по поводу читательских вопросов.

Но это не только диалог о знаниях и нравственности. Это и рассказ о творцах современной науки.

Когда-то в средние века к семи рыцарским добродетелям относилось умение ездить верхом, плавать, владеть копьем, фехтовать,

психологические проблемы развития науки и техники. М., 1976; Голованов Л. Нравственный климат в научной среде.— Коммунист, 1981, № 9; Наука и нравственность. Сб. статей. Серия «Над чем работают, о чем спорят философы». М., 1971; Семенов Н. Н. Наука и общество. М., 1981; Энгельгардт В. А. Наука, техника, гуманизм.— Вопросы философии, 1980, № 7; Яновский Р. Г. Формирование личности ученого в условиях развитого социализма. Новосибирск, 1979, и др.

охотиться, играть в шахматы, слагать и петь стихи. Сегодня посвящение в «рыцари науки», как называл ученых академик Н. Н. Семёнов, предъявляет им куда более высокий, трудный (в том числе нравственный) счет. В чем он заключается, каково моральное кредо современного советского ученого? Об этом и пойдет разговор в книге.

1

Источники! В пергаментях ли благо?
Источники не на страницах книг.
Кто жаждет знанья, тот упьется влагой,
Когда из сердца прямо бьет родник.

Гёте. «Фауст»

ОБРЕТЕНИЕ ПУТИ

Вложенная в уста Фауста похвала «живому» знанию — в противовес знанию книжному — невольно обращает нас к самому творению Гёте. Не стало ли сегодня и оно, отдаленное от нас многими десятилетиями, теми самыми пергаменами, которые часто почитают, но редко читают? Или все-таки не совсем прав Гёте...

Мир сегодняшней науки намного сложнее, богаче и красочнее, чем тот, который раскрывается перед нами в келье Фауста. Его колбы и магические пентаграммы ничего общего не имеют с современными ускорителями и орбитальными станциями. Но в нынешних дискуссиях о том, куда идет наука, о ее взаимосвязи с моралью не случайно так часто упоминается наряду с именем Галилея из пьесы Бертольта Брехта и имя Фауста из трагедии Иоганна Вольфганга Гёте. Навряд ли это произошло бы, если б в самом произведении Гёте не содержалась мысль о двух возможностях, двух путях познания, не пульсировал родник, питающий современные раздумья о нравственной стороне наших новых знаний о мире.

Трагедия Фауста, как верно заметил один из исследователей, заключена уже в стремлении к абсолюту, ибо знание не имеет «массы покоя»¹. Мгновение не может остановиться и стать «моментом вечной истины», как не может остановиться на лету фотон.

Замысел Мефистофеля в том и состоит, чтобы заставить Фауста объявить относительное абсолютным, принять какой-либо из миражей, суррогатов истины за смысл жизни человека на земле, за конечную истину, в которую сам-то он, Мефистофель, не верует, ибо «знает все». Его стихия — разрушение всего, что возвышает человека, обесценивание его стремления к духовным вершинам, крушение его иллюзий, низведение его во прах. Для Мефистофеля в пафосе, в апофеозе отрицания заключен, как в замкнутом круге, весь смысл бытия.

Даже в самой идее искушения Фауста присутствует этот пафос. Проводя Фауста через полную гамму земных и «неземных» соблазнов и иллюзий, Мефистофель убежден, что святых людей не бывает, что любой человек обязательно где-нибудь на чем-нибудь да и споткнется, что само познание приведет к обесцениванию морали.

Внешне в финале он торжествует. Фауст принял иллюзию за действительность. Он думает, что по его воле люди превращают вчерашнее море в цветущую землю. Но ослепленному Фаусту только кажется, что это

¹ См.: *Золотусский И.* Фауст и физики. М., 1968, с. 7.

роют каналы. На самом деле лемуры роют ему могилу.

Если взглянуть с точки зрения разрушительной концепции Мефистофеля, победа осталась за ним. Более того, это вроде бы подтверждается и рядом моральных поражений самого Фауста — от гибели Маргариты до гибели стариков, отданных якобы в жертву великой идее общечеловеческого счастья.

Но ведь есть и другая, глубинная правда этого финала. Правда, добытая ценой суровых проб и ошибок, жестокой ценой познания. Фауст не нашел конечной истины. Но он обрел путь, по которому есть смысл идти, цель, которой есть смысл отдать жизнь: превращение Земли в цветущий край и человечества — в созидающую, а не в разрушающую силу на Земле.

К этому итогу «всего, что ум скопил» приходит Фауст. К этому приходит и сам Гёте, сфокусировавший в «Фаусте» все века, все человеческие цивилизации и отдавший их на суд познающему разуму. Он называет не только цель, к которой ведет обретенный путь, но и средство ее достижения, средство превращения иллюзии в действительность:

Лишь тот, кем бой за жизнь изведен,
Жизнь и свободу заслужил¹.

Мефистофель делает все, что в его «нечеловеческих» силах, чтобы не допустить возвышения человека с помощью познания, поддержать его на ступени анализа и — после испытания иллюзиями — низвергнуть в не-

¹ Гёте. Фауст. М., 1953, с. 554.

верие. И очень многого достигает. Но разум человека, его воля, его борьба преодолевают «дьявольское» начало в познании.

Гёте как бы оспаривает союз познания с «нечистой силой», проповедовавшийся издавна религиями всех мастей в разных вариантах — от самых грубых и жестоких до самых утонченных, от костров инквизиции, испепелявших книги еретиков и сердца их авторов, до строк Экклезиаста: «Во многой мудрости много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь». И потому в многовековом споре о том, чему служит познание, Гёте, не закрывающий глаза на то, что оно может служить и злу, все же в финале, в конечном выборе, — в лагере добра.

На земле жил когда-то Иоганн Георг Фауст, выпускник высшей школы магии. Родился в 1480 году и погиб в 1540 году от взрыва во время очередного алхимического эксперимента. Ему даже поставлен памятник на его родине, у ратуши в городе Книтлингене. Кстати, сам Гёте ничего не знал о существовании этого человека, полагая, что опирается на сюжет народной легенды. И все же спор Фауста и Мефистофеля начался даже раньше, чем родился реальный Фауст. Этот спор уже продолжался, когда Джордано Бруно утверждал: «Там обо мне будут верно судить, где научное исследование не есть безумие, где не в жадном захвате — честь, не в обжорстве — роскошь, не в богатстве — величие, не в диковинке — истина, не в злобе — благоразумие, не в предательстве — любезность, не в обмане — осторож-

ность, не в притворстве — умение жить, не в тирании — справедливость, не в насилии — суд»¹.

Этот спор не прост и не окончен по сей день. Наивными оказались надежды многих ученых, которые на заре нашего века верили, что революция в естествознании принесет человечеству только благие вести и только добрые плоды. Само определение добра и зла по отношению к науке и ее открытиям имеет смысл лишь тогда, когда ясно, какие социальные силы стоят за этими понятиями. Не случайно инициаторами всех бесчеловечных применений научных результатов — от газовых атак в первую мировую войну до атомных бомбардировок во вторую — были в нашем веке крупные империалистические державы.

У добра и зла по отношению к познанию и ко многим другим понятиям нашего времени есть сегодня точные синонимы: мир социализма и мир капитализма; и никакие ухищрения буржуазной пропаганды не в силах заставить человечество забыть, что именно великий теоретик и первостроитель социализма Владимир Ильич Ленин провозгласил: «Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общим народным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены

¹ Слово о науке. М., 1976, с. 24.

в средства насилия, в средства эксплуатации»¹.

В нашем столетии очень конкретным, реальным противостоянием социальных идей и социальных сил обернулась корнями уходящая в прошлое легенда о докторе Фаусте — ученом, запродавшем душу черту. Разве не повторилась на новом витке истории «вечная» драма Фауста, когда физики, движимые мечтой подарить людям огонь Прометея, новую, небывалую энергию для созидания, вдруг с ужасом увидели, что открыли путь для рождения атомной бомбы и что современные Мефистофели готовы, не задумываясь, пустить ее в ход?

Своеобразие драмы Фауста, драмы ученого, состоит еще и в том, что сам он не есть безоговорочное олицетворение добра, что противоборство с Мефистофелем проходит и сквозь его душу, что в нем самом порой верх берет Мефистофель. Фауст — это олицетворение познания, перед которым открываются два пути, две возможности утверждения своей истинности.

Вокруг моральных заповедей науки всегда, и сегодня в особенности, идет острейшая борьба, которая своеобразно преломляется в личности ученого, его мировоззрении, его жизненных принципах. Корни этой борьбы кроются в общественно-политической поляризации современного мира, в идейном противоборстве коммунизма, которому принадлежит будущее, и уходящего в прошлое, но жадно цепляющегося за жизнь, всеми сила-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 289.

ми (в том числе, как это ни парадоксально, и силами науки) пытающегося продлить свой век капитализма.

Если познакомиться с позициями отдельных ученых, живущих в разных странах, на разных континентах, то вместе они представляют очень пеструю, весьма противоречивую картину. И в то же время все более четко прорисовывается общая закономерность: именно социалистическое общество берет на себя роль наиболее последовательного и реального защитника моральных основ науки, утверждает ее служение гуманным целям. Эта закономерность прямо связана с одним из главных направлений строительства нового общества — коммунистическим воспитанием, формированием нового человека, его высоких идейных и моральных достоинств, с победой и расцветом лучших нравственных начал в человеке. И не случайно XXVI съезд КПСС еще раз подчеркнул связь формирования нового человека с социально-экономической политикой партии. «Советский человек, — отметил Леонид Ильич Брежнев в своем докладе на съезде, — это добросовестный труженик, человек высокой политической культуры, патриот и интернационалист. Он воспитан партией, героической историей страны, всем нашим строем. Он живет полнокровной жизнью создателя нового мира.

Это не значит, конечно, что мы уже решили все вопросы, связанные с *формированием нового человека*. Задач здесь стоит перед нами немало. И успех воспитания обеспечивается лишь тогда, когда оно опирается

на прочный фундамент социально-экономической политики»¹.

Ученый в служении социалистическому обществу, коммунистическому строительству обретает истинный путь служения добру, справедливости, гуманизму. И этот путь с каждым годом все яснее прочерчивается на пестрой, разноцветной и многообразной карте современной науки.

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 63.

2

Я убеждаюсь, что дождался часа,
Когда природы тайную печать
Нам удалось сознательно сломать
Благодаря пытливости привычной,
И то, что жизнь творила органично,
Мы научились кристаллизовать...

.....

Нам говорят «безумец» и «фантаст»,
Но, выйдя из зависимости грустной,
С годами мозг мыслителя искусный
Мыслителя искусственно создаст.

Гёте. «Фауст»

СКАЛЬПЕЛЬ ДОБРОТЫ

Слова, приведенные в эпиграфе, произносит у Гёте Вагнер — ординарная, посредственная личность, — который, даже создавая искусственного человека Гомункула, создает нечто неодухотворенное, неспособное жить вне колбы, во взаимодействии с миром. То есть создает, по сути, мертворожденное существо. И не напоминает ли само это противопоставление искусственного естественному современные гимны «мыслящим машинам» и сенсационные сообщения о младенцах, выращенных в колбах?

Я совсем при этом не хочу сказать, что сегодняшние ученые далеки от той границы, о которой Гёте еще пишет как о невозможной, непреодолимой, как о чуде. Мы знаем, на какие чудеса способны современные биологи. Но все-таки их реальная работа и сегодня непреодолимо далека от той легкости, с которой современные Вагнеры интерпретируют успехи генной и клеточной инженерии, по сути дословно повторяя сентенции своего литературного «прародителя»: «Прежнее детей прижитье для нас — нелепость, сданная в архив». Не случайно Мефистофель отвечает

на философствования Вагнера едкой усмешкой. Мол, и не такое уж это небывалое открытие: «Я в годы многочисленных скитаний встречал кристаллизованных людей».

Парадоксально только, что ученых, ведущих эксперименты с зарождением жизни в колбах, почему-то журналисты тут же нарекли «современными докторами Фаустами». Хотя у Гёте подобными экспериментами занимается Вагнер, а Фауст в это время витает совсем в иных сферах: бредит античной Грецией и прекрасной Еленой...

Настоящие исследователи, работающие сегодня «на грани чуда», очень строги и к себе, и к своему труду, и к осмыслению его результатов. И когда кончилась наша беседа по читательским письмам с вице-президентом АН СССР, лауреатом Ленинской премии, Героем Социалистического Труда, академиком Юрием Анатольевичем Овчинниковым, он — как мне показалось с облегчением — сказал:

— Слава богу, вы не задали вопроса о передаче мыслей на расстоянии.

— А что, задают?

— И еще как часто! Особенно школьники.

Сегодня Овчинников — известный ученый. Но начинался его путь с уроков химии, с первых опытов в школьной лаборатории. О том, как это было, он поведал, обращаясь к молодым, идущим в науку: «...я был действительно очарован миром красочных превращений, белоснежных осадков и сверкающих порошков, неожиданных вскипаний, порой опасных взрывов, загадочных запахов и дымовых завес. Где-то в сокровенных мыслях я нередко

воображал себя почти алхимиком, упорно ищущим философский камень. Раздумывая о мире химии, на ощупь двигаясь по малознакомым лабиринтам менделеевской системы, порой забредая в редкие земли и миры трансурановых элементов, я оказывался все более замороженным царством удивительных веществ и их сложных превращений. Вместе с Вёлером я переступал порог химии неживого и живого и убеждал себя в мифичности «жизненной силы». Вместе с Пастером и Вант-Гоффом я пытался понять законы асимметрии, хиральности, разделившей весь мир на левый и на правый... Я блуждал по немыслимо сложным структурам соединений, встречающихся в мире животных и растений, и мечтал о том времени, когда я сумею хоть немного понять их назначение и их смысл...

А наяву, в будничном мире маленькой школьной лаборатории, мои дела были не столь радужны. Дело часто не клеилось, фокусы не получались, склянки и колбы валялись из рук, а ожоги оставались постоянно своеобразными «родимыми пятнами» на моих руках. Химия давалась мне с трудом, больно наказывала за ошибки, разочаровывала, но, как это часто бывает, вскоре я был вынужден признать, что химию я полюбил. Это была настоящая первая любовь»¹.

Может, в этом, в преодолении трудностей во имя любви, и был исток дальнейших свершений? Но не будем гадать. Отметим только, что уже тогда, на школьных уроках, будущий академик думал о грани живого и неживого

¹ Ленин. Наука. Молодежь. М., 1980, с. 243.

вого, о тайнствах жизни. Именно с относящегося к этой теме вопроса началась наша беседа.

Вопрос 1: «Имеем ли мы моральное право экспериментировать над жизнью, будь то жизнь обезьяны, дэльфина, собаки или подопытного кролика?»

Юрий Анатольевич Овчинников отвечает на вопрос вопросом:

— Но ради чего наука ставит такие эксперименты? Высшее назначение биологической науки и ее самый высокий объект есть человек. Над чем бы ни работали ученые, какие бы проблемы они ни решали, они всегда задумываются над тем, какую пользу данное исследовательское направление принесет человеку. Не случайно биология находит свое естественное выражение в достижениях современной медицины. И медицина очень заинтересованно впитывает то новое, что идет из современной биологии.

И это, считает академик Овчинников, касается не только биологов. В таком же отношении к человеку находятся химики, физики, математики, техники. Понять человека и служить человеку — то высшее, к чему стремятся ученые, экспериментаторы и теоретики. Самая теоретическая, самая «чистая» наука в конечном итоге подчинена этой цели. Вопрос только в том, будет она служить человеку сегодня, завтра или в достаточно отдаленном будущем.

— Я сторонник экспериментального отношения к жизни, — подчеркивает Юрий Анатольевич. — И работаю именно в таком направлении, которое предполагает экспери-

ментальный подход к любому организму, будь то микроорганизм, подопытное животное или человек.

Убежден, что только на основании теоретических концепций, общих рассуждений или знахарства невозможно решить сложнейшие проблемы, связанные с защитой здоровья и самой жизни современного человека. Например, найти противоядие против недугов, которые мы еще часто не понимаем (вернее, очень многое уже понимаем, но эффективно лечить некоторые из них еще не научились). Речь идет о таких опасных болезнях, как рак, тяжелые нервно-психические расстройства, болезни иммунно-эндокринной системы, болезни мозга. Мы в таких случаях просто обязаны вмешиваться, экспериментально работать над решением вопросов, на которые пока еще не дан ответ.

А чтобы при этом не повредить человеку, приходится губить подопытных животных. Но как это ни драматично, они погибают во благо людей. Еще такой великий гуманист, как академик И. П. Павлов, понимал необходимость этой жертвы, когда поставил памятник экспериментальному животному — собаке.

Конечно, жизнь экспериментальных животных — вопрос не простой, не абстрактный для исследователей. Для них эти животные, несмотря на все профессиональные привычки, не один «рабочий материал». Есть даже ученые, которые отказываются вести биологические эксперименты, потому что в их методике уже заложена жестокость по отношению к животным. Но в реальной действитель-

ности нет сегодня иного пути для спасения жизни людей. И в перспективе иного пути пока не предвидится.

Я думаю, наука будет идти этим путем, и ничто ее здесь не остановит. Потому что те результаты, которые на этом пути получены, в высшей степени гуманистичны по своему смыслу. Сегодня мы уже избавились от оспы. Перестал быть для нас проблемой туберкулез. Мы близки к победе над многими вирусными заболеваниями. Это очень серьезные достижения. Возможны ли они были бы без экспериментов над животными?

Мне очень понятно сверхбережное отношение к жизни вообще. Потому что в это понятие мы действительно вкладываем очень глубокое содержание. И если у кого-то возникает ощущение, что биологи и химики «коробят», деформируют, дискредитируют это высокое понятие, когда они говорят, что жизнь можно «уничтожать», «создавать», «конструировать» в чисто физиологическом, биологическом смысле, то это неточное понимание того, что происходит на самом деле.

Осознание того, что такое жизнь, материалистическое объяснение этого великолепного явления, высшего из того, что может подарить окружающий нас мир, что мы можем вообразить,— это магистральный путь науки. Познавая разнообразие жизни, проникая в ее тайны, мы ощущаем необыкновенное могущество природы. И в то же время ощущаем могущество человеческого разума, который способен понять это сложнейшее, прекраснейшее явление и влиять на него в положительном смысле. Это ощущение придает че-

ловеку новые силы и движет вперед прогресс. И именно поэтому я — за активное отношение к жизни.

Вопрос 2: «Есть предел, который нельзя переступать, экспериментируя в науке. Это человеческая жизнь. Ученые, однако, нередко обходят этот запрет. Медик (но это может быть исследователь и любой другой специализации) ставит эксперимент на себе, получает очень ценные для лечения людей результаты, а сам погибает. И мы называем это подвигом. Вроде бы это его личное дело. Но, с другой стороны, он создает прецедент, показывает, что человеческую жизнь в принципе ставить под опасный эксперимент можно. Разве может он распоряжаться человеческой жизнью, даже если это его собственная жизнь?»

Академик Овчинников с такой постановкой вопроса не согласен:

— Считаю, что речь здесь должна идти именно о героизме. Лучшие, самые высокие человеческие качества — любовь к людям, ненависть к их страданиям, к их боли — движут такими исследователями. Со стороны судить легко. Но не каждому даны их мужество, их совесть, их ответственность. И я не могу не уважать таких людей. Однако сегодня работа на отдельных индивидуумах не решает проблемы. Мир современной медицины — это мир статистики. И пока мы, следуя русской поговорке, семь раз не отмерим, мы не имеем морального права отрезать.

Только не семь — тысячи раз приходится отмерять. Эксперименты проводятся в разных клиниках, проводятся многократно. И до

тех пор, пока не будет абсолютной уверенности в благотворности, в полной безвредности нового препарата, он практическому здравоохранению не передается. В этом отношении советская медицина — в хорошем смысле слова — гораздо консервативнее, чем здравоохранение во многих других государствах. Есть люди, которые торопят исследователей: надо спешить, надо скорее внедрять новые лекарства — их ждут больные, да и за рубежом могут нас перегнать. Но разум все-таки сдерживает нас. И эта черта советского здравоохранения находит положительную оценку мировой медицины, и в частности Всемирной организации здравоохранения.

Прежде чем задать Ю. А. Овчинникову следующий вопрос, хочу сделать одно отступление. «Это героизм», — говорит он об ученых, которые ставят себя под опасные эксперименты. Но ведь во всех областях жизни, не только в науке, такие случаи в наш «трезвый век» нередко подвергаются и сомнению.

Человек погибает, спасая колхозную технику от пожара. И тут же находятся скептики, которые спрашивают: «А стоит ли рисковать жизнью ради железок?» Другой человек жертвует жизнью в научном эксперименте, чтобы спасти тысячи других жизней. И тут же слышится вопрос: «Имеет ли он право распоряжаться человеческой жизнью, даже если это его собственная жизнь?»

Справедливы ли такие доводы? Да, справедливы. Никакая самая дорогая машина не стоит одной человеческой жизни. Никакие сверхценные результаты не оправдывают

стремление рисковать ради них жизнью. Такое понимание ценности человеческой жизни заложено в нравственный фундамент любого трудового, учебного или исследовательского коллектива нашей страны. Так наше общество относится к жизни любого своего члена. Здесь двух мнений быть не может.

Но есть еще и отношение личности к общественному долгу. Бывают ситуации, когда человек, в силу своих внутренних убеждений, своих нравственных принципов, не может поступить иначе. И вопрос о степени опасности для него не самый главный. Защищать принципиальную позицию, рискуя своим спокойствием и благополучием, или ставить себя под опасный эксперимент, рискуя жизнью,— это для него явления одного нравственного порядка. Хотя для нас с вами это, конечно, ситуации неравнозначные. «Кто, жертвуя собою,— писал И. С. Тургенев в статье «Гамлет и Дон Кихот»,— вздумал бы сперва рассчитывать и взвешивать все последствия, всю вероятность пользы своего поступка, тот едва ли способен на самопожертвование»¹.

Отстаивание своих взглядов само по себе вызывает уважение. Конечно, такую позицию могут занять и упрямые фанатики, отстаивающие очевидно устаревшие концепции и точки зрения. Но все же и новые взгляды утверждаются в науке именно через такую позицию, утверждаются характерами мужественными, стойкими, способными на самопожертвование.

¹ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем, В 30-ти т. М., 1980, т. 5, с. 335.

Вопрос 3: «Когда-то препарирование трупов было для медиков моральным запретом. Многие подобные запреты наука, развиваясь, снимала и тем самым раскрепощала человека и человечество, освобождала их от нелепых, якобы «моральных» норм. Есть ли здесь определенные пределы, «вечные» нравственные принципы, которые человек никогда, ни в какие времена не должен нарушать? Или все подобные принципы относительны, и общество, чтобы нормально функционировать, создает для себя моральные запреты, но их характер меняется вместе с развитием общества?»

— Я не могу, естественно, — замечает Юрий Анатольевич, — высказываться ни за всех современников, ни тем более за тех, кто будет жить в грядущих поколениях, и то, что скажу, — это только мое личное мнение. Убежден, что есть нравственные границы, которые человек не имеет права нарушать ни сегодня, ни в будущем.

Человечество прожило уже многие столетия, начиная от времен античной культуры, пройдя через Возрождение, через становление и упадок капитализма. Сегодня мы с вами являемся свидетелями торжества социализма и успешного строительства коммунистического общества в нашей стране, утверждения норм и принципов коммунистической морали. Мораль классовая. И она изменяется по ходу истории. Но целый ряд основополагающих моральных норм люди пронесли через все века и общественные формации, естественно, выражая их в форме, соответствующей данному историческому периоду.

Читая, например, произведения древнегреческих авторов, мы очень часто находим удовлетворяющие нас с этической точки зрения объяснения человеческих поступков. Вообще, некоторые принципы, которые должны господствовать в человеческом обществе, на планете Земля, должны быть постоянными, вневременными. Такие принципы, которые сейчас активно утверждает в действительности Советское государство, как мирная жизнь человека, улучшение его благосостояния, развитие его культуры, общение народов, отрицание дискриминации, сегрегации по расовым и национальным признакам,— все это вопросы не только сегодняшнего дня.

Мы считаем их постоянными для человечества. Если хотите, это вопросы общественной, социальной Морали. Морали с большой буквы. Я убежден, что в развитии науки, в постановке конкретных экспериментов, в их направленности и интерпретации и в использовании достижений науки человечество должно следовать этой Морали, суть которой выражается в словах: на благо и прогресс человека. А сформулировать, что делается на благо и что делается во зло, сегодня в науке не так-то сложно.

Среди так называемых «вечных» принципов сегодня особую актуальность приобретает извечное стремление людей к миру. Этот вопрос затрагивает совесть буквально любого жителя планеты. Но ученого — в особой степени. Почему?

Вот мы говорим с вами о жизни, так сказать, в индивидуальном ее проявлении. Обсуждаем вопрос, имеем ли мы право экспери-

ментировать над жизнью отдельного дельфина, кролика, отдельной собаки. Считаем этот вопрос важным. И правильно считаем. Но ведь сегодня угроза нависла над жизнью в ее всеобщем значении — над всей биосферой, со всеми ее животными и растениями, над всеми ее цветами, лесами, обитателями Мирового океана и суши и над венцом органической жизни — человеком.

Кое-кто «успокаивает» себя и других тем, что так было всегда. Что всегда достижения науки и техники оборачивались либо на пользу людям, либо во вред, либо на созидание, либо на разрушение. Всегда, мол, были две чаши весов. Но такое самоуспокоение безнравственно и даже преступно, ибо ученым, как хорошо об этом сказал президент нашей академии Анатолий Петрович Александров, выступая на XXVI съезде партии, более, чем кому-либо, ясно, что никаких чаш весов, никаких альтернатив мирному развитию сегодня нет. На другой «чаше» — безумие, бессмысленная трата и природных ресурсов, и человеческих сил, энергии, талантов, опасность глобального самоуничтожения жизни.

В сознание человечества Хиросима вошла символом гигантского по своим масштабам уничтожения жизни. Но ведь мощь современных средств разрушения вообще трудно поддается осмыслению.

Углубление науки в тайны материи дошло сейчас до такой черты, когда крайне опасно для всей планеты ориентировать новые открытия на военные цели. И наоборот, этот же фактор, если его заставить работать исключительно на мирное развитие, мог бы ускорить

обеспечение людей продовольствием, победу над тяжелейшими болезнями и решение очень многих других проблем.

Повторяю, альтернативы миру нет. Если еще вчера можно было обосновывать его необходимость, апеллируя к гуманистическим началам в человеке и человечестве, то сегодня этот довод дополняется убедительными данными разных наук — как общественных, так и естественно-технических. И как раз на ученых падает огромная моральная ответственность за то, чтобы донести до миллионов людей эти данные, донести до сознания человечества и страшную опасность, которая над ним нависла, и реальную возможность, и даже необходимость — о них тоже говорят данные науки — отвести от себя беду.

Именно на строго научный анализ современной действительности опирается Программа мира на 80-е годы, провозглашенная XXVI съездом КПСС. И это очень реалистическая программа. То время, которое прошло с завершения работы съезда, было насыщено целым рядом конкретных мирных инициатив нашей партии, нашего правительства. Но это еще и высоконравственная программа!

Вопрос 4: «Как влияет на решение конкретных нравственных вопросов науки понимание ученым общественного, гражданского смысла своей работы?»

— Гражданственность сегодня, — отвечает ученый, — очень важный фактор в становлении исследователя и вообще в развитии науки. Наука гражданственна, ибо исследователь всегда творит на конкретной социальной почве.

Иногда высказывается мысль, что ученый имеет какое-то особое «право экстерриториальности» и не обязан принимать во внимание конкретные социальные задачи, проблемы государства, в котором он живет. Но это же не так! К ученому в полной мере относятся ленинские слова: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»¹.

Это нисколько не противоречит тому, что наука должна быть интернациональной, что должно усиливаться международное научное общение. Но когда ученый ставит перед собой конкретную исследовательскую задачу, он должен ясно понимать, в каких условиях она будет решаться, какими заботами живет его страна. Для ученых Советского Союза, стран социалистического содружества этот вопрос очевиден. И это не только патриотизм. Это и правильное понимание своей задачи на основе определенного мировоззрения.

Без понимания материалистических первооснов любого исследования, без диалектического метода сегодня трудно работать в науке. Ибо наука — не только огромные коллективы людей. Это еще и социальное явление сегодняшней действительности.

Ученый должен быть не только человеком, который следует определенным путем и в связи с этим планирует свою работу. Он должен прекрасно разбираться в мировоззренческих проблемах своего века. Вне этого критерия определение того, что истинно и что ложно, что этично и что неэтично, теряет всякий смысл.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 104.

Вопрос 5: «Где-то я однажды вычитал вопрос: моральна ли истина и истинна ли мораль? Не симптоматично ли это расщепление истины и морали? Не снижает ли трезвость науки высоту нравственных критериев?»

— Поиск истины — вещь не абстрактная. Это всегда направленность, содержание, смысл твоей работы. Всегда важно, ради чего ведется поиск. А это неизбежно включает в себя и нравственные моменты.

Академик Овчинников не признает науку как совершенно чистый, абстрактный поиск «чего-то вообще». Тогда, считает он, беспредметен сам поиск. Можно раствориться, аннигилировать в мире знания, если не знать, куда ты идешь. А когда ученый решает конкретную задачу, он невольно определяет и границы исследования. Потому что он хочет не только оградить себя от постороннего, лишнего для него знания, но и найти прямой, рациональный путь к цели.

Можно, конечно, ставить вопросы, связанные с познанием правды, истины, в самой общей, абстрактной форме и не ставить себе при этом никаких пределов. Но мы же так не делаем! У любого серьезного исследователя моральные аспекты вытекают из реальной его работы, из его мировоззренческих позиций, из того, какие важные для себя и других людей общественные проблемы он решает с помощью исследовательского инструментария. И почему «трезвость» науки, более адекватное приближение к истине должны снижать моральную высоту?

Поиск истины тоже должен быть во благо человека. Он должен быть осмыслен. И если

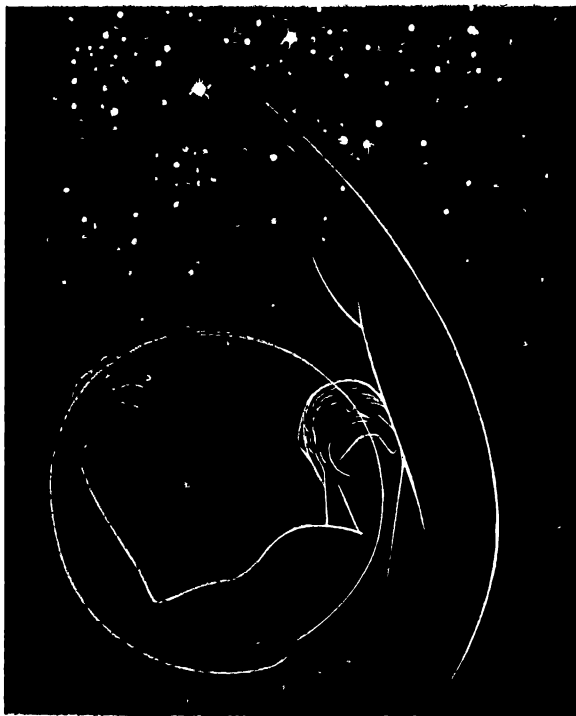
эти условия соблюдены, он никогда не приведет ученого к противоборству морали и истины, к потере нравственных устоев личности.

Ответ Ю. А. Овчинникова напомнил мне размышление знакомого врача о доброте хирургического скальпеля. В буквальном смысле сказано это неточно. Скальпель не может быть добрым или злым. Злым или добрым может быть лишь человек, который его держит. И в то же время как точно схвачена здесь суть, то, ради чего берется в руки скальпель! Человек, делающий это, обязан быть добрым и чутким, обязан так вмешиваться в жизнь организма, чтобы, отсекая болезнь, как можно меньше задевать живое, здоровое. Так же и с истиной. Сама по себе она не может быть «моральной» или «аморальной». Но в то же время добывающий ее, оперирующий ею исследователь не может быть просто равнодушным препаратом. Ибо в его руках тоже — *скальпель доброты*.

3

Или над нами неба нет,
Или земли нет под ногами,
И звезд мерцающее пламя
На нас не льет свой кроткий свет?
Глаза в глаза тебе сейчас
Не я ль гляжу проникновенно,
И не присутствие ль вселенной
Незримо явно возле нас?

Гёте. «Фауст»

ТРУДНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Когда рассвело, поезд уже шел по земле Армении. Я вышел в коридор. После душной ночи омыл лицо родниковый ветер. За окном проплывали уходящие к горизонту предгорья — желто-зеленые волны земли, выжженная трава, и повсюду — осколки острых скал. Все усыпано ими. Стоявшая у окна женщина, глядя вдаль, сказала: «Наши камни». Сказала с любовью — ибо это была родная земля. Но и с горечью — ибо это была трудная земля, где человек отвоевывает у камней место для плодородия — пядь за пядью.

Слова ее не выходили у меня из памяти всю оставшуюся дорогу до Бюракана, где я должен был встретиться с директором астрофизической обсерватории, академиком Виктором Амазасповичем Амбарцумяном. Мог ли он, всемирно известный ученый, дважды Герой Социалистического Труда, член президиума АН СССР, президент республиканской академии Армении и член еще нескольких десятков академий планеты, — мог бы он вот так же — с горечью и любовью — сказать о деле своей жизни: «Наши звезды»?

В мире есть поэтическая астрономия. Астрономия Фламариона, античных легенд о созвездиях, астрономия светил, бывших путеводными для парусников Колумба, Магеллана и Беринга. И есть современная астрофизика. Она опирается на сложный математический аппарат, имеет дело с новейшей наблюдательной и регистрирующей техникой. Для этой, наиболее молодой и бурно развивающейся отрасли древней астрономической науки звездное небо — гигантская, размерами во Вселенную, физическая лаборатория, где вещество, поле, энергия представлены во всех мыслимых и немыслимых видах и состояниях: от разреженного межзвездного пространства, где в кубическом сантиметре «прописан» всего один атом водорода, до пульсаров, где на тот же объем приходятся уже миллионы тонн массы; от холода, близкого к абсолютному нулю, до жары в миллиарды градусов; от испепеляющей энергии Солнца до энергии взрывов сверхновых звезд, когда за несколько дней ее выплескивается столько, сколько Солнце отдает за сотни миллионов лет.

Вот мир, в котором живет и работает этот человек. Непривычный, беспокойный мир, где термоядерные реакции стали изучать раньше, чем в земных лабораториях.

А за окном его бюраканского кабинета — прекрасный сад, глухие удары яблок, падающих в траву.

На стене своеобразный триптих. Слева красочная репродукция древней рукописи. Справа большой лист цвета слоновой кости с мелкими черными пятнами и спиралями

галактик, туманностей, звезд. В центре — фотография. Типичное лицо российского ученого первых десятилетий века.

— Ваш учитель?

— Да. Академик Белопольский. Человек, которым я никогда не перестану восхищаться. Особенно его буквально легендарной преданностью науке. Всю ночь он мог наблюдать звезды, а утром, когда другие уходят спать, остаться снимать спектр Солнца. Не было ни одной вспыхнувшей при его жизни новой звезды, спектр которой он не исследовал бы досконально.

Амбарцумян опирается на подлокотники кресла. Над глазами щетки густых бровей. Куполообразный высокий лоб, опущенный поредевшими пепельными волосами. Резкие вертикальные морщины врезаны в щеки. Красивый, по-молодому напряженный рисунок губ с острыми углами — как маленький тугой лук. Карие глаза под защитой очков спокойны.

Сколько стоит время? Для таких людей, как Амбарцумян, очень дорого. Его время спрессовано до удельного веса какого-то фантастического, самого драгоценного во Вселенной металла.

Поводи некоторых людей, мечтающих о рае на земле (для себя), по бюраканскому саду, они скажут: «Вот живут!» Но они и дня не выдержали бы того темпа работы, который задан Амбарцумяном здесь, среди этого райского сада, где повсюду колонки с фонтанчиками хрустальной воды горных ключей, где яблоки в августе падают чаще, чем звезды, но где нет скамеек для отдыха.

Мосты к звездам люди прокладывают не только от причалов космодромов. Они начинаются и там, где зеркала телескопов улавливают звездный свет и передают его чутким приборам. Бюракан — один из таких мостов человечества в космос.

Исследования бюраканских астрофизиков хорошо известны, и одно их перечисление заняло бы, наверное, всю эту главу. Но интересно, какие часы в своей жизни считает «звездными» сам академик Амбарцумян? Из многих своих работ, оставивших яркий след в науке, Виктор Амазаспович выделяет две. Вот как повествует о них Большая Советская Энциклопедия:

«В 1947 г. открыл и исследовал динамически неустойчивые, находящиеся в стадии распада звездные системы нового типа, названные им *звездными ассоциациями*. Крайняя молодость звездных ассоциаций, установленная Амбарцумяном, позволила решить ряд фундаментальных проблем звездной космогонии... Установил космогоническую активность центральных сгущений — ядер *галактик*, вызывающую грандиозные нестационарные явления (колоссальные взрывы, выбросы больших масс вещества, спокойное истечение материи, мощное радиоизлучение и т. д.)»¹.

А вот что говорит он сам:

— В 1947 году праздновалось 30-летие Октября. Готовилась юбилейная сессия АН СССР. Мне позвонил тогдашний прези-

¹ БСЭ. М., 1969, т. 1, с. 507.

дент академии С. И. Вавилов и предложил выступить с докладом о новых открытиях в астрономии. Меня давно интересовали странные особенности некоторых звездных скоплений и группировок. Сложность заключалась в том, что это были не просто скопления звезд, видимые невооруженным глазом или в телескоп. Они группировались по другому принципу. Когда звезды разбивались на спектральные классы, оказывалось, что горячие звезды определенных классов концентрировались на небольших участках неба.

Я решил сделать предметом доклада на юбилейной сессии именно эти группировки. Оставшиеся до сессии месяцы полностью были посвящены мною этим исследованиям. В результате именно на этой сессии Академии наук впервые прозвучали слова о звездных ассоциациях как центрах звездообразования. Был сделан первый шаг в деле понимания их природы.

Второй «звездный» час был у меня в 1955 году. Я тогда изучал некоторые нестационарные явления в галактиках, и постепенно становилось ясно, что очень важную роль в развитии галактик играют их ядра. Раньше этой ролью пренебрегали. И новое ее понимание вошло в науку не сразу.

Хотя некоторые из положений, ранее выдвинутых бюраканской школой и казавшихся при рождении своем ниспровержением первооснов, сегодня уже относят к золотому фонду астрофизики, но по-прежнему ломаются копыя вокруг предложенной Амбарцумяном гипотезы об образовании звезд-

ных систем из первоначальных очень плотных сгустков материи — «протозвезд». Многие астрономические школы у нас в стране и за рубежом придерживаются иной точки зрения, сводящейся к тому, что изначально существует некое разреженное состояние материи, а затем происходит конденсация ее в скопления звезд. Пожалуй, данных наблюдений все еще недостаточно, чтобы поднять победный флаг на одном из двух противоположных полюсов.

Спокойный, доброжелательный в беседе, в отношении к людям вокруг себя, Амбарцумян прослыл в науке непримиримым революционером, ученым, который все время в «разведке боем», все время — в полемике с коллегами из других научных центров. Это, может быть, более других факторов объединяет в некое бюраканское братство и молодых, и «старых». Последнее слово беру в кавычки, ибо оно не вяжется с реальными людьми. Молодыми звездами и галактиками занимается очень молодой коллектив, и его позиции, его концепции — на самом острие науки.

Рядом с телескопами обсерватории, на южном склоне Арагаца, живет один из интереснейших современных живописцев Армении — О. М. Зардарян. Естественно, такое соседство отражается в его полотнах. При этом художник стремится познать не формулы, не букву, но дух современного исследовательского поиска.

Один из сюжетов — он пока еще в работе, в эскизах — навеян международным астрономическим симпозиумом (их много было в

Бюракане) и посвящен взаимоотношениям учителя и ученика в науке. В центре — небольшой, узкий круг патриархов в академических мантиях и шапочках ведет дискуссию. Его окольцовывает другой, более широкий круг — новое поколение. Оно еще почтительно прислушивается к учителям, но уже готово и вмешаться в их споры, и поспорить с ними самими. Оно следует за учителями, но неизбежно со временем займет их место в центральном круге...

Вопрос 6: «Что вы думаете о проблеме отцов и детей в науке?»

— Не хотел бы, — отвечает академик Амбарцумян, — чтобы взаимоотношения учителя и ученика считали первоочередной проблемой. Но я далек и от мысли, что во всех областях жизни, в том числе и в науке, не существует проблемы учителей и учеников, отцов и детей (у нас иногда отсутствие конфликта между ними выдают за отсутствие самой проблемы).

Это, кстати, не узко «семейный» вопрос. В семье-то как раз, хотя и там не всегда все безоблачно, дети и отцы друг друга, как правило, любят. В более широком смысле это диалектическая проблема, где переплетаются смена поколений и борьба нового и старого. Здесь не все просто. Глубокий старик оказывается порой новатором, а молодой человек — ретроградом. Но в общем-то в истории, в науке новаторство — на стороне молодости. Новое вступает в противоречие со старым. Через развитие этого противоречия, через перевороты в науке и технике усиливается власть человека над природой,

расширяются и углубляются его знания о мире. Естественно, такие перевороты приводят и к резкой смене взглядов на окружающий нас мир.

Ученик должен нести в себе, в своей личности, в своем исследовательском почерке такое зерно, из которого вырастает новаторство. Зачем науке пустоцветы без этого зерна, даже если они молоды?

Мнение Амбарцумяна подтверждает опыт Бюраканской обсерватории. Характерна, например, история научной работы, выполненной двумя молодыми астрономами — Тиграном Магакяном и Арменом Гульбудагяном. В библиотеке обсерватории хранится копия Паломарского атласа (по имени Паломарской обсерватории в США). Это на сегодня самый полный астрономический атлас. Изучать по нему звездное небо — все равно что наблюдать его в натуре.

По нашим бытовым понятиям, чтобы открыть новую звезду или комету, надо обязательно смотреть на небо, прильнув к окуляру телескопа. Но как далека современная астрофизика от таких представлений! Телескопы на нужный участок неба наводятся автоматически, звезды фотографируются тоже автоматически. Время открытий начинается потом, когда исследователи склоняются над полученными снимками, по многу раз возвращаются к ним. Так что к новым открытиям в астрономии нередко приводит сегодня внимательный анализ не только новых снимков, но и старых, собранных в атласы.

И вот эти двое молодых людей провели по Паломарскому атласу «инвентаризацию» наи-

более слабых, кометарных туманностей. И открыли несколько десятков новых, не отмеченных ранее объектов.

Как раз тогда вводился в строй 2,6-метровый телескоп, и Амбарцумян выбирал для первых съемок объекты поинтереснее. Предложили им: дайте 2—3 свои туманности. Приносят атлас, показывают. Странная картина. Маленькая звезда и рядом с ней крохотный отрезок света. Обычно, где кометарная туманность, там рядом со звездой распускается световой веер. А тут... Амбарцумян удивился: «Почему это интересно? Не понимаю. Никакой туманности здесь нет». Но они горячо убеждали: есть! Он поддался их напору и потом целый вечер себя корил, что они его «уломали». Все равно ведь ничего путного не будет! Только пластинки зря израсходуют...

А когда были получены снимки — что-то фантастическое! От звезды расходился великолепный веер. Почему они увидели, а он нет? «Возможно,— размышляет Виктор Амазаспович,— дело в том, что они так много и пристально изучали подобные объекты, и нетипичные в том числе, что выработали уже навык смотреть целенаправленно. Значит, они вникли в это дело гораздо глубже, чем удалось мне».

Роль учителя в науке весьма своеобразна. Он должен помочь ученику прорастить в себе «зерно новаторства». А это, бывает, кончается и опровержением научных концепций самого учителя. И все-таки моральный долг учителя, его гражданская совесть, научная честь, человеческая порядочность (что не-

разделимо, по мнению Амбарцумяна) велят ему поступать именно так.

Отношение к «зерну новаторства» в ученике — пробный камень, на котором испытывается нравственная стойкость учителя. Он должен стать подвижником. Но и ученик должен стать подвижником. Преданность науке, верность при любых обстоятельствах научной истине обеспечивают при том противоречии, о котором идет речь, единство разных исследовательских поколений.

— Такое единство, — говорит Виктор Амазаспович, — характерно, например, для русской математической школы. Ляпунов считал себя учеником Чебышева, всегда это подчеркивал. Но это были очень разные исследователи. Ни тот, ни другой не полагали, что ученичество означает слепое следование по пути учителя, движение только друг за другом.

Естественно, лучше других я знаю коллектив Бюракана. И здесь немало примеров удачной «стыковки» разных поколений. Вот лаборатория звездной спектроскопии, которой долгое время руководил Эдуард Еремович Хачикян (с сентября 1980 года он декан физического факультета Ереванского университета, но по-прежнему активно участвует в работе лаборатории). Здесь разные поколения научных работников очень хорошо срабатываются. Почему? Что, нет у них противоречий? Есть. И споры есть. И несогласия. Но на первом плане — коллективное творчество, увлеченность работой, заинтересованность в ее результатах.

Они занимаются решением действительно очень интересной задачи, связанной с суще-

ствованием у галактик двойных и кратных ядер, с вопросом о том, насколько этот феномен является следствием активности галактик. Все — и руководитель, и готовящий по этой теме диссертацию А. Петросян, и другие участники работы — настолько увлечены ею, что просто не возникает вопроса, в каком иерархическом порядке должны двигаться вперед учителя и ученики.

Вопрос 7: «Теоретически сегодня можно представить ученого («чистого» математика, положим), живущего в одиночестве на Северном полюсе, регулярно снабжаемого всей новейшей научной информацией идвигающего свою науку вперед. Но на практике так не получается даже в тех областях, где нет непосредственной зависимости исследований от мощной экспериментальной базы или от нужд производства. Таланты в науке почему-то появляются «кустами», там, где есть соответствующий и научный, и человеческий климат. Какова роль морального климата исследовательского коллектива в ускорении научно-технического прогресса? В какой взаимосвязи находятся сила научного коллектива и яркость составляющих его личностей?»

— Можно, — замечает академик Амбарцумян, — ответить на этот вопрос однозначно: нравственный климат и в научном, и в любом другом коллективе влияет на результаты. Если климат нездоровый, то время, нервы, силы людей, которые уходят на передраги, — это то, что надо вычестить из работы, из ее результатов. И минусы бывают порой такие, что останавливается дело. С другой стороны, хороший моральный настрой дает ус-

корение научному поиску. Все это ясно при взгляде невооруженным глазом. Но, мне кажется, у вопроса есть и более глубокий смысл.

Что такое наука? Производство новых знаний, добывание истины, отделение ее чистого металла от гигантских объемов отработанной породы заблуждений, неверных или устаревших понятий. Не так-то легко порой исследователю отказаться от взглядов, которые он исповедовал десятилетиями, которые срослись с его жизнью, с его характером даже, но которые опровергнуты новыми данными.

Сама по себе истина, конечно, не содержит нравственного начала. Но поиск истины, человеческая деятельность по ее добыванию пронизаны этим нравственным началом, все время ставят исследователя в ситуации, связанные с моральным выбором. Выбор инструмента, способов, которыми добывается истина (сами понимаете, в данном случае я говорю не о телескопах или экспериментальных установках), выбор оружия, которым она отстаивается, условия и методы научной полемики — все это имеет прямое отношение и к требованиям этики, и к моральным коллизиям в науке.

Это стоит подчеркнуть, ибо в последнее время нередко ставится акцент лишь на нравственном или безнравственном применении уже добытых истин, акцент чрезвычайно важный, но не единственный. И вот здесь как раз незаменимую роль играет моральный климат научного коллектива, то гравитационное поле, которое призвано постоянно поддерживать высокие моральные требования к

личности, не позволяет им стать невесомыми, превратиться только в громкие слова, обеспечивает их связь с реальностью, с буднями.

Один человек не всегда может выдержать высокий счет истины. И коллектив в этом отношении дает ему крылья. Однако не надо думать, что эти крылья даются ему как бы со стороны. Без определенного (и довольно высокого!) нравственного уровня составляющих коллектив личностей не будет необходимого общего морального климата. Это очень взаимосвязанные факторы.

Бюраканская обсерватория, например, всегда находится в центре горячих научных дискуссий. Время подтвердило верность одних идей бюраканской школы, откорректировало другие, отвергло третьи. Но, во всяком случае, Бюракан никогда не был тихой заводью. С точки зрения разворачивающихся в нашей науке событий он скорее порой напоминал осажденный город. А это, естественно, предъявляет его защитникам повышенные моральные требования и сплачивает их. Тот, кто хочет спокойной жизни, в таком городе не останется и тем более в него не придет.

За этими словами академика Амбарцумяна — позиция, которая объединяет в коллективе обсерватории единомышленников. Не случайно само слово «Бюракан» так притягательно для молодежи.

Вероятно, в молодости и единстве бюраканской школы есть и свои опасности. Человеку, не разделяющему взгляды большинства, здесь приходится труднее, чем в коллективе, где исследования идут по десяткам сла-

бо взаимосвязанных направлений. В таком коллективе поддерживать широту взглядов, терпимость к позициям оппонента сложнее. Но и необходимость в этом здесь более настоятельная.

Один из парадоксов Бюракана: сказочный, «райский» сад и некоторый аскетизм по отношению к тому, что не касается работы. Но аскетизм этот окупается тем, что здесь живет коллектив по-настоящему увлеченных наукой людей. Увлеченность порой даже принимает довольно неожиданные формы.

Эльма Суреновна Парсамян известна своими астрофизическими работами (она — научный сотрудник отдела звезд и туманностей). Но в одном из отпусков, участвуя в археологических раскопках, она открыла древнейшую в Армении обсерваторию. И таких людей в Бюракане немало. Широта интересов и терпимость к этой широте — немаловажное условие формирования нравственного потенциала научной школы.

Это, по мнению Амбарцумяна, относится и к так называемым капризам, причудам талантливых людей, жалобы на которые приходится слышать в иных научных коллективах:

— Если человек дает высококачественные результаты в работе, надо порой мириться и с некоторыми его недостатками, странностями. Есть нечто абсолютное, кроме барометра то «повышающихся», то «понижающихся» наших мнений и оценок. Это преданность науке и результативность работы. Я считаю их единство лучшим нравственным фундаментом любого исследовательского коллектива, любой научной школы.

Роль морального климата в сегодняшней науке, которая движется вперед в основном усилиями коллективов, велика, как никогда. Научное общение, сама его атмосфера — условие более правильного, более рационального и быстрого познания людьми законов окружающего их мира. Важно лишь, чтобы интенсивное общение, дискуссии, столкновение точек зрения не перерастали в усложнение и деловых, и личных взаимоотношений. Это зависит не только от характеров, но и от оптимальных размеров коллективов. Я считаю таким оптимальным размером 100—200 человек. Бюраканская обсерватория ему соответствует. В противном случае усложняется циркуляция идей, усложняются и становятся слишком многоступенчатыми человеческие отношения. А научный коллектив весьма с этой точки зрения неформальный. Для него существует некая критическая масса, когда люди еще «заражают» друг друга идеями. Если же она превышена, коллектив становится неустойчивым, неуправляемым, подверженным всяким спонтанным процессам, все меньше у него становится возможностей для нравственной «саморегулировки».

Да, надо, чтобы обмен мнениями в науке кипел. Если идет интенсивная циркуляция, столкновение, противоборство идей, это и есть настоящая научная жизнь, приводящая в конечном итоге к серьезным результатам.

Вот почему исследователю-одиночке на Северном полюсе придется очень трудно. Гений разве что выдержит. Но эпоха гениев в классическом понимании этого слова прошла. Что лежало на поверхности и что можно было

поднять в одиночку (не скажу, что это легко, порой это требовало геркулесовой силы), уже поднято. Теперь пришло время планомерного освоения глубин. А это сподручнее делать сообща.

Что касается личностей в коллективе, то, естественно, чем ярче его люди, тем сильнее он сам. С яркими людьми труднее. Но, по большому счету, так и должно быть в сильном коллективе — взаимное «заражение» идеями и взаимное отталкивание идей. Если этого нет, если все только друг друга поддерживают, коллектив скоро придет в упадок и станет обсуждать вопросы типа: кто сколько получает. Их тоже надо обсуждать. Но лишь в контексте науки, лишь в связи со значимостью работы каждого.

Кроме зависимости силы коллектива от яркости составляющих его личностей важна и другая взаимосвязь — между значительностью научной проблемы и значительностью личностей, которые посягают на ее решение...

Виктор Амазаспович показывает мне полученный из Нью-Йорка толстый том в синем переплете — о фигурах равновесия небесных тел и возникающих проблемах разветвления решения. В предисловии сказано, что содержание этой книги связано с тремя великими именами: Пуанкаре, Ляпунов, Андронов.

— Это поистине великие имена, — говорит В. А. Амбарцумян. — Примечательно, что два из них принадлежат ученым России. И вот видите, значительная проблема может объединить очень ярких людей, не обязательно живущих в одной точке Земли и даже в одно время.

Удивительное и благотворное это чувство — осознавать, что ты являешься членом великого коллектива, охватывающего весь мир, — планетарной семьи исследователей! Можно, конечно, сознавать это и в одиночку на Северном полюсе. Но убежден: удалившись от людей, невозможно в сегодняшних условиях двигать науку вперед.

Вопрос 8: «Лучшие научные школы очень жизнестойки. Решение важной исследовательской проблемы, как правило, продолжительнее одной человеческой жизни, и, не передав эстафету в надежные руки, серьезный ученый просто обесценивает смысл своей жизни. Однако как передать от поколения к поколению не только интеллектуальный, но и нравственный потенциал науки?»

Амбарцумян не спешит с ответом:

— Как передать нравственный потенциал? Если коротко — для этого учитель во всем должен сам быть просто порядочным человеком. Но мне могут возразить: личность молодого исследователя формируется под влиянием многих факторов, и одного примера учителя (мол, делай, как я) порой недостаточно. Резонное возражение. Поэтому, кроме личного примера старшего поколения, в научном коллективе — под влиянием его ветеранов и усилиями руководства, общественных организаций — должна осуществляться, поддерживаться, постоянно воспроизводиться определенная система нравственных критериев, требований, идеалов, система приобщения молодежи к этим критериям и идеалам. Подчеркиваю — не «вообще система», а выкристаллизованная именно из условий, традиций

данной лаборатории, данного института, данной научной школы.

Мы иногда опасаемся системного, организаторского подхода к таким «тонким материям», как мораль. И в общем-то не без оснований. Да, подход здесь должен быть чутким, неформальным. Да, это очень тонкая грань — сочетать терпимость к людям и особенностям их характера, уважение к своеобразию и самостоятельности человеческой личности с нетерпимостью к нарушениям нравственных норм и традиций. И тем не менее, когда в силу своей «тонкости», индивидуальности, неформальности вопрос этот оказывается за границами внимания коллектива, мы терпим моральные убытки, которые во многих случаях оборачиваются и убытками материальными.

Конечно, если у людей есть интересное дело, в которое они с головой погружены, времени на всякие «передряги» обычно просто не остается. Интересная научная проблема, новаторский поиск способны «самонастраивать» коллектив. Но в то же время административное руководство коллектива, его партийная, профсоюзная, комсомольская организации чутко должны следить за тем, какая сегодня «нравственная погода» в институте или лаборатории, чтобы маленькое облачко на горизонте не разрослось завтра в тучи, закрывающие все небо.

Итак, если все же определенно ответить на поставленный вопрос (сам по себе сложный, проблемный, не имеющий пока, может быть, однозначного ответа; будем считать, что и мое мнение — лишь один из возможных пу-

тей поиска такого ответа), то я бы назвал несколько условий, которые, на мой взгляд, важно соблюдать, чтобы обеспечить передачу нравственного потенциала в науке, в научных школах.

Первое. Исследовательский коллектив должен заниматься проблемами, жизненно важными для прогресса общества и самой науки, выходить на «горячие точки» в своей области науки. Дух новаторства, отсутствие обожествления однажды найденных решений, бессребреничество поиска, необходимость рисковать — это прекрасное противоядие против нравственного застоя.

Второе. Научный руководитель любого ранга не в декларациях, а в повседневной жизни призван сам быть примером высоко-нравственного отношения к труду, к людям, к жизни. Хорошо, если у него это проявляется непроизвольно, если он над этим не задумывается, просто остается самим собой. Однако так бывает не всегда. Чаще ему приходится контролировать себя, предпринимать определенные усилия, приглядываться к себе со стороны. Такой взгляд со стороны необходим, ибо руководитель, как никто другой, определяет моральный климат в таком неформальном коллективе, как научный. И порой от одного сорвавшегося с языка раздраженного слова зависит рабочее настроение многих людей. Общение с руководителем всегда должно быть нравственным уроком. Но ни в коем случае не навязчивым уроком.

Третье. В ту систему общественно-политического воспитания, которая осуществляется

в жизни любого исследовательского коллектива, входит забота о нравственном климате. Я, естественно, говорю не о наборе формальных мероприятий, а именно об усиленном, повседневном внимании к вопросам морали. Нравственный климат — это, вроде бы, нечто неуловимое, в отчеты о проделанной работе не переводимое. И тем не менее он требует постоянных усилий по своему воспроизводству. Он — как воздух. Мы его не видим, не осязаем, но зато сразу же чувствуем, когда его не хватает. Во всяком случае, в любом коллективе общественное мнение довольно чутко на это реагирует.

Каждое из этих условий — необходимое, но не достаточное. Необходимыми и достаточными они становятся, когда выступают в единстве, в сплав.

Передача и интеллектуальной, и моральной эстафеты в науке, действительно, особенно интенсивно и плодотворно проходит в недрах научных школ. Ибо это передача эстафеты от личности к личности. Однако исследовательские школы складываются не только и не столько ради продолжения дела жизни старшего поколения (что абсолютно справедливо), но прежде всего ради утверждения нового в науке через молодежь. Благодаря тому, что в Советском Союзе во многих научных коллективах обеспечено такое единство, мы имеем немало хороших школ в математике, физике, биологии, астрономии, других науках.

Знакомлю академика Амбарцумяна со строками из письма, в котором упоминается его имя.

Вопрос 9: «У Константина Паустовского есть повесть «Созвездие Гончих Псов» — о том, как волею обстоятельств отрешенная от повседневности астрономическая обсерватория во время гражданской войны в Испании была вовлечена в самые жаркие события на земле. Контраст там слишком заострен. Но верно ведь и то, что современному астрофизику приходится иметь дело с характеристиками времени и пространства и вообще — с понятиями, несоизмеримыми порой с «бытовыми» нашими представлениями. Академик Амбарцумян, например, написал в одной из статей: «недавно». И уточнил, что речь идет о событии, произошедшем несколько десятков миллионов лет назад. Накладывает ли предмет и характер исследования отпечаток на исследовательский коллектив, его нравственный облик? В чем и как проявляется моральная ответственность ученого, занимающегося фундаментальными работами, нацеленными на дальние перспективы, перед современниками с их сегодняшними нуждами?»

Виктор Амазаспович говорит:

— Во все века, на всех участках науки существовала довольно высокая ответственность за результаты — и ближние, и отдаленные. Мы вот иногда представляем алхимика этаким монахом, отгороженным от мира стенами кельи — лаборатории. А он ведь вел что ни на есть «прикладные» исследования — пытался добыть золото какому-нибудь князьку. И отвечал за свои эксперименты головой. Но, конечно, сегодня степень ответственности очень высока. И мне думается, особенно высока она как раз в областях, связан-

ных с фундаментальным поиском, где прикладные результаты не всегда явны. Сроки здесь более неопределенны. Административная ответственность менее очевидна. Больше проявляется именно моральная ответственность. Большая надежда возлагается на совесть исследователя. Однако и в прикладных исследованиях, где должна быть очень конкретная ответственность за сроки, за результат, без высокого самосознания, без нравственной ответственности ничего не выйдет.

А в «чистых» исследованиях тоже не надо представлять дело так, будто все движется только совестью людей. Даже в этих областях есть и другие сильнейшие двигатели, есть негласное соревнование разных институтов и научных центров. Кто-то получает первым новые результаты и этим подхлестывает других... К тому же «независимость» фундаментальных, «чистых» исследований от сегодняшних нужд современников в наши дни стала на многих фронтах науки чисто условной. Ибо сегодня часто, чтобы сделать новый практический шаг вперед, приходится углубляться в фундаментальные первоосновы знаний о веществе, энергии, о природе и обществе. Косвенным показателем этого процесса является резко уменьшающееся расстояние между открытиями и их применением на практике.

И если когда-то еще можно было представить исследователя, позволяющего себе роскошь не задумываться над ответственностью за свой труд перед современниками, то сегодня я себе такого человека не представляю. То есть сам он и может питать определенные

иллюзии на этот счет. Но жизнь, как правило, заставляет его держать моральный ответ не перед потомками, а именно перед современниками.

Посмотрите, как быстро, буквально на протяжении жизни одного-двух поколений, ядерная физика, нацеленная, казалось бы, на самые отдаленные перспективы, обращенная скорее к звездам, чем к нуждам людей, превратилась и в практическую науку, и в сферу высочайшей моральной ответственности. Сколько нравственных потрясений принесла она многим из работавших в ней исследователей, думавших поначалу, что занимаются они далеким от нужд современников, «чистым» познанием!

Что касается особого нравственного отпечатка на коллективе, ведущем фундаментальные исследования, то какой-либо «элитарности», в отличие от прикладного научного коллектива или вообще от любого трудового коллектива, я лично не вижу. Особенно когда речь идет об исследовательском коллективе в условиях социалистического общества, в нашей стране.

Мы все являемся гражданами. Это означает, что мы ответственны за наше общество, за наше государство. И уже поэтому коллектив нашей обсерватории не «отрешен от повседневности», не говоря уже о том, что он выполняет и практические работы для народного хозяйства.

Стране нужны в единстве все виды труда — металлурга и биолога, историка и космонавта, хлебороба и астронома, шофера и художника. И в этом смысле я не вижу принци-

пиальной разницы между производственным и исследовательским коллективами. Труд — наш главный долг перед обществом. А долг надо выполнять честно. Поэтому повсеместно наладить честное, социалистическое отношение к своей работе и в результате поднять ее производительность и качество — это для всех нас сегодня основная задача.

Естественно, у каждого вида работы есть своя специфика. Положим, труд научного работника с самого начала — ненормированный. Да, и он сегодня планируется. Но ни один серьезный исследователь не даст вам гарантийного срока, что такая-то нерешенная теоретическая задача будет решена к такому-то празднику при нормальном восьмичасовом рабочем дне. Исследователь заведомо обречен на отставание и неудачу, если будет работать восемь часов в сутки, а не столько, сколько требует дело.

Именно в связи с таким взглядом на смысл исследовательского труда В. А. Амбарцумян не очень любит слово «ученый». В этом слове, по его мнению, есть какая-то самоудовлетворенность. Ученым человека должны назвать другие. Причем это исключительное, выделяющее, возвышающее звание. Виктор Амазаспович вспоминает, как пришел к нему однажды новый сотрудник и говорит: «Я как ученый...» Амбарцумян смотрел на него и удивлялся его смелости. Сам он уже больше полувека трудится над вопросами науки, но ученым себя не называет. Полагает, что, если уж нужно отрекомендоваться, лучше сказать: научный работник, а если похвалить кого-то — труженик науки. Так больше под-

черкнута моральная сторона. Труд подчеркнут...

Поводом одного из размышлений в нашем разговоре стали строки Пушкина:

Как беззаконная комета
В кругу расчисленном светил¹.

Человечество всегда видело над собой такой вот, расчисленный небесный купол, мировое согласие звезд. Роскошное звездное небо веками не знало в нашем восприятии иного движения, кроме медленного вращения вокруг Полярной звезды и мерцания сквозь колеблющиеся слои атмосферы. Наиболее обычным был термин «неподвижные звезды». Комета была исключением. И вот наука уже в нашем столетии открыла нам иное небо и иные звезды. Мы узнали слова: «расширяющаяся Вселенная», «белые карлики», «пульсары», «квазары». Небо перестало быть неподвижным. Но, как бы ни менялась его картина, оно никогда не было для человека лишь холодной бездной. Издавна человек привык сопоставлять звездный мир, мироздание с масштабом своей личности. «И не присутствие ль вселенной незримо явно возле нас?» — это ведь написано задолго до первых космических орбит...

Вопрос 10: «Когда Иммануил Кант писал свое знаменитое: «Звездное небо надо мной и нравственный закон во мне», он подразумевал под первым и вторым нечто неизблемое, на что можно опереться всегда. Наука сегод-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10-ти т. Л., 1977, т. 3, с. 66.

ня сорвала с якоря звездное небо. Это ясно. А как обстоит дело с «нравственным законом во мне»?»

Академик Амбарцумян перебирает конверты свежей почты, с интересом разглядывает марку на одном из них: хачкары Цахкадзора (камни с узорами, вырезанными армянскими мастерами XIII века). Потом возвращается к разговору:

— Кант, как известно, в понимании нравственности, в своей этической теории, был идеалистом. Правомерны ли тут прямые сопоставления с нашими сегодняшними дискуссиями о знаниях и нравственности, которые, во всяком случае, всеми корнями уходят в реальную жизнь? Думаю, неправомерны. Есть специалисты, которые годы посвятили изучению философии Канта. Я к таковым не отношусь. И поэтому считаю некорректным судить о том, что он подразумевал под теми или иными словами. Приведенное изречение Канта повторяется довольно часто. Но в сегодняшнем обиходе оно, по сути, давно утратило смысл, который вкладывал в него сам Кант, получило множество современных интерпретаций. Одну из них и дает автор вопроса, приписывая при этом свое толкование Канту.

Но, сделав эту важную оговорку, согласимся все же, что, живи Кант в наши дни, он действительно не узнал бы «звездного неба над головой». В наших современных представлениях это — бесконечный кипящий котел, где миры разбегаются, взрываются и расширяются, интенсивно взаимодействуют друг с другом. Где взрываются

звезды, отдавая пространству энергию, эквивалентную той, что таится в миллиардах водородных бомб. Такое небо подарила нам современная астрофизика.

Да, в той области знаний, где я работаю, все сейчас тревожно, переменчиво. Словно все здесь сорвалось с якорей. Что ни день, то новые доказательства нестабильности, бурных процессов. Мы убеждаемся, какая беспокойная жизнь идет в мире звезд, галактик, туманностей.

Ну а если говорить о морали, то ведь и она никогда не была чем-то окаменевшим, застывшим, данным человеку от века и на века. Она всегда несла на себе отпечаток времени, в котором живут люди, борения их идей и страстей, всегда была связана с их реальными потребностями и интересами. Ее изменения на разных этапах истории отражали смену социально-экономических формаций. Борьба различных моральных воззрений восходила в конечном итоге к столкновению интересов антагонистических классов. Это очень важно подчеркнуть, если уж говорить о современных интерпретациях «нравственного закона во мне». Да и так называемые «вечные» нравственные заповеди не даны человеку откуда-то «сверху» или «со стороны». Они выработаны человечеством, выстраданы им на протяжении истории, они родились из реальной практики многих поколений.

Естественно, чем выше ступень социального развития человеческого общества, тем больше возможностей для практического утверждения основных этических заповедей —

этой мечты людей о честных, братских взаимоотношениях друг с другом. Не случайно социализм и коммунизм для нас неразрывно связаны с подлинным и реальным гуманизмом.

Мне думается, очень часто тот, кто приводит «крылатые слова» Канта, пытается обозначить ими устойчивый интерес к глубинам Вселенной и одновременно к глубинам внутреннего мира человека. Обозначить то, к чему больше всего обращено наше внимание в окружающем мире. Я разделяю такое направление интереса в сторону звездного неба. Но между тем я знаю многих людей, которых привлекает куда более широкий круг проявления жизни природы. Они могут сорвать обыкновенный лист с дерева и искренне восхищаться тем, сколько целесообразности и красоты природа в него вложила.

Да и меня лично кроме звездного неба интересуют очень многие другие вещи. Потрясает, например, что мы довольно глубоко проникли во Вселенную, великолепно изучили поверхность своей планеты, но вот что под ногами глубже десяти километров — это для нас огромная тайна. Согласитесь: сознание того, что ты топчешь, по существу, еще не познанную землю, — это удивительная вещь!

Если вдуматься, то звездное небо и внутренний мир человека — это лишь два выдающихся примера труднопознаваемых явлений мира, в котором мы живем. Есть и другие. Например, история любого народа, культура любого народа — выдающийся феномен, достойный нашего интереса не меньше, чем

звездное небо над головой. Тем более это ведь родословная каждого из нас, людей Земли, чистые и животворные ключи, которые могут питать сознание современного человека.

Если же вернуться к звездам, то, согласен, астрономия веками была спокойной наукой (с той поправкой, что Кант как раз и был одним из первых «возмутителей спокойствия» в ней). Это был мир неподвижных звезд. И конечно же кометы, нарушавшие эту неизменность, производили во времена Пушкина ошеломляющее впечатление. Сегодня мы знаем, что неподвижность звездного неба — это всего лишь старая декорация. Зато какая прекрасная декорация!

Впрочем, непосредственно ведь мы и сейчас видим небо таким, каким видели его и Улугбек, и Пушкин. И дай бог современным поэтам с их современными знаниями о пульсарах и ядрах галактик увидеть и почувствовать при взгляде на звезды столько, сколько почувствовал Пушкин! Он писал о беззаконной комете в кругу расчисленном светилах. Но сказано-то ведь это прежде всего о человеке, о женщине. И как сказано!

За окном уже вечер. Розовый армянский туф, которым облицованы башни телескопов Бюракана, очень созвучен сумеркам, их неверному, призрачному свету, когда белый цвет контрастирует со всем миром, а розовый, телесный цвет туфа звучит в согласии с вечерней зарей, с тишиной, в которой особенно слышны голоса детей и птиц. Опоясывающий телескопные башни каменный узор как бы подчеркивает эстафету мастерства: от древнего искусства резать камень до современно-

го искусства улавливать самый слабый звездный свет.

В одном из кинофильмов об Армении мне запомнилась такая деталь. Авторам надо было в емкой, сжатой форме показать годы учения талантливого певца. Они дали звуковой ряд: от самых простых, самых первых гамм до самых сложных музыкальных фраз. А зрительным рядом была резьба по камню, рождение тончайшего узора. Это требовало времени. И терпения. Думаю, аналогия верна не только для искусства. Для науки тоже. Для астрономии, может, раньше других наук.

И не случайна эта перекличка времен. Не случайно при взгляде на башни бюраканских телескопов вспоминаются древние крепости и храмы Армении. У стен этой нестарой в общем-то обсерватории хочется думать о глубинных, вековых корнях науки.

В конце беседы я все-таки задал вопрос о «наших камнях» и «наших звездах».

— Когда говорят: «наши камни», — ответил Амбарцумян, — за этим встает мое детство. Моя родина. Мой народ, его история. Самое дорогое для меня. Что в сердце. А звезды, которыми занимается сегодняшняя астрофизика, — это все-таки нечто умозрительное. Современный астроном не так часто и на небо то смотрит во время работы. Естественно, мы рассматриваем каждый новый снимок звездного неба с большим волнением. Но оно несравнимо с тем, которое вызывает земля родины, наши камни. Если же имеется в виду преодоление препятствий, то, конечно, еще вопрос, что труднее — «ворочать камни» или исследовать звезды...

4 Он рвется в бой и любит брать преграды,
И видит цель, манящую вдали,
И требует у неба звезд в награду
И лучших наслаждений у земли,
И век ему с душой не будет сладу,
Чего бы поиски ни принесли.

Гёте. «Фауст»

**ЧТО ЗНАЧИТ
БЫТЬ
ОПТИМИСТОМ?**

В редакции нашей газеты обсуждался план новогоднего номера. Родилась идея: предложить известным в стране людям — рабочему, колхознику, ученому — поднять символический тост, обращенный к читателям. И вот я сижу в квартире академика Бонифатия Михайловича Кедрова. Уютная комната, тихая музыка — оркестр Поля Мориа играет «Мельницы моего сердца». Обстановка располагает к неспешной беседе. По совету Бонифатия Михайловича («Прежде чем пожелать что-то людям, хорошо бы узнать, чего они сами желают, что их волнует, о чем они спрашивают») я захватил несколько писем из редакционной почты.

Вопрос 11: «Академик Кедров говорит о четырех крупнейших «прорывах» науки в будущее на протяжении XX столетия: об освоении атомной энергии, о появлении самоуправляемых устройств и рождении кибернетики, выходе человечества в космос, создании современной генетики. Каких новых «прорывов» можно ожидать от науки в оставшееся до 2000 года время?»

— Можно,— отвечает Бонифатий Михайлович,— уноситься мыслью в обозримое и необозримое будущее, далеко отрываясь в мечтах от реальных возможностей и потребностей людей. Можно, наоборот, «дело делать», не находя и минуты, чтобы поднять голову и задуматься: а что нас ждет, там, у горизонта? Ясно, что оптимальным вариантом будет точно найденная мера между идеалом и нынешними возможностями, между «завтра» и «сегодня». Найти такую меру непросто. Мне кажется, в документах XXVI съезда КПСС, сочетающих планы на одиннадцатую пятилетку со взглядом на десятилетие вперед, эта задача решается успешно.

Прежде всего я выделяю для себя в документах партийного съезда те большие надежды, которые они возлагают на общественные, естественные, технические науки, на их взаимосвязь в решении важнейших экономических и социальных задач. Особо хочется сказать о роли общественных наук. В XX столетии они неоднократно доказывали свою важнейшую роль в прогрессе человечества, в правильном решении его проблем. На финише века эта роль, по-моему, значительно возрастет, ибо научный подход все больше и больше будет касаться самых различных сторон жизни нашего общества, строящего коммунизм. И именно поэтому будет все в большей степени утверждаться содружество общественных и естественных наук, скрепляемых техническими науками как связующим звеном между ними.

«Прорывы» науки в будущее логически развивались и развиваются один из другого.

Исходя из этого, мы можем предположить, что дальнейшее развитие научно-технической революции затронет прежде всего самого человека. Его биологию, психологию, мышление.

Человек, «перестраивая» окружающий мир, усиливая свою власть над природой, изменяет и условия своего существования. А поскольку масштабы и характер таких изменений в наши дни приобретают глобальный, планетарный характер, возникает необходимость взглянуть на человека с точки зрения его будущего не только в социальном, но и в биологическом разрезе. Наше здоровье, долголетие, способность при возрастающих психологических нагрузках сохранять биологическую активность — все это требует изучения таких вопросов, которые до сих пор не рассматривались подробно, с дальней перспективой, когда прогнозируются последствия, сказывающиеся не только на ближайшем, но и на отдаленном потомстве. И решение этих вопросов неизбежно выводит в лидеры научно-технического прогресса биологию, что определяет целый ряд новых аспектов связи науки с практикой.

В утвержденных XXVI съездом партии Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года среди задач, поставленных перед наукой, названа и такая: «...познание механизма физиологических, биохимических, генетических и иммунологических процессов жизнедеятельности человека, совершенствование методов профилактики, диагностики и лечения наиболее распростра-

ненных заболеваний, разработка новых лекарственных средств, препаратов и медицинской техники...»¹

Как видите, речь не только о поисках каких-то новых методов лечения. Речь идет об изучении самих основ жизненных процессов, происходящих в человеческом организме в связи с теми условиями, в которые он поставлен всем ходом научно-технической революции. О путях, на которых можно решить проблему в целом. Это потребует от науки, от советских ученых, огромных усилий. Не меньших, как мне представляется, чем те, которые были затрачены, когда перед нами встала задача проникновения в космос.

Переключение главного внимания науки на проблему человека даст и уже дает и другие практические приложения, связанные с биологизацией, биохимизацией производства, с синтезом биополимеров, синтезом продуктов питания сначала для домашних животных, а затем и для человека.

Конечно, дело не ограничится лишь биохимией и физиологией. Как человек, привыкший за тысячелетия к определенному ритму психической деятельности, может перестроить свою психику? До каких пределов? И насколько это целесообразно и нужно?

Положим, ясно: чтобы, выйдя за порог школы, молодой человек сразу же не отстал безнадежно от времени, надо резко увеличивать объем новой информации в школьных программах. Но как сделать при этом, чтобы уча-

¹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 146.

щиеся не получали перегрузки, не приходили в вуз уже психически истощенными?

Можно по-разному пользоваться телефонной книгой. Скажем, зазубривать все номера подряд. Но не лучше ли научиться при помощи алфавита быстро находить нужный в данную минуту телефон? Сделав необходимую ссылку на элементарность примера, посмотрим с этой точки зрения на школу и вуз. Если бы в них не только на словах, но и на деле активно развивали способность самостоятельно находить и добывать новые знания! О, тогда мы бы смогли в ближайшем будущем перевести и школу, и вуз на узаконенную в стране пятидневную неделю. Если же придерживаться традиционного взгляда и до бесконечности наращивать объемы обязательной для изучения информации, перегружая и память, и психику школьников и студентов, то мы неизбежно придем к учебе вообще без выходных. А это, сами понимаете, абсурд.

Что я могу предложить лично? В том-то и дело, что здесь мы нередко ограничиваемся личными мнениями и предложениями отдельных людей, пусть даже основанными на большом жизненном опыте и знакомстве с проблемой. А необходимы комплексные исследования психологов, педагогов, врачей, социологов, философов. Затем — кристаллизация их результатов в рекомендации, которые действительно помогают решить вопрос, а не пишутся по принципу: «С этим что-то делать надо, надо что-то предпринять». И затем — обязательное осуществление рекомендаций на практике.

Таким образом, психология, которая еще не так давно была развита у нас сравнительно слабо, должна в ближней перспективе стать одной из ведущих отраслей знания, не умозрительной, не созерцательной, а практически действенной наукой, активно вмешивающейся в жизнь современного человека.

Вопрос 12: «Если в оставшиеся до конца века неполные двадцать лет внимание ученых сосредоточится непосредственно на человеке — от его биологии до его духовного мира, то какова связь между этой объективной тенденцией науки и социальной природой, организацией общества?»

— Я все время подчеркиваю, — говорит ученый, — что речь идет прежде всего о нашем, социалистическом обществе, все устои которого опираются на гуманистические принципы: все для народа, все для полного раскрытия возможностей личности, удовлетворения ее материальных и духовных потребностей в интересах всего нашего общества.

Объективное переключение науки на проблему человека совпадает с нашими устремлениями, программами, планами. Мы строим будущее общество. Строим его для людей, которые должны принять от нас в наследство все лучшее, что мы успеем для них создать. А каковы будут эти люди — и физически, и духовно?

Когда исследуется эта проблема, наши философские, общественные, политические позиции не противоречат, а, наоборот, способствуют объединению научных усилий государств с различным социальным устройством. Было бы, например, нелепо, если бы, решая

такую глобальную проблему, как охрана жизненной среды, все мы, люди Земли, независимо от социального строя своих государств, не попытались бы найти платформы для совместных исследований и действий, направленных на улучшение взаимоотношений человека и природы.

Вопрос 13: «Начну с трех примеров.

Первый. Сейчас обострено внимание к педагогическому наследию В. А. Сухомлинского. Все оно отмечено стремлением сохранить, по крайней мере на первых ступенях, естественное вхождение ребенка в сегодняшний, усложненный мир.

Второй. Знаменитый парадокс Эйнштейна, когда он говорил, будто своими научными результатами обязан тому, что развивался медленно, но естественно (его развитие никто не «ускорял»).

Третий. Большой интерес к архитектурному решению жилого района Лаздинай в Вильнюсе (его создатели удостоены Ленинской премии). Многие новые застройки даже и оригинальны по-своему, но очень уж они не зеленые, очень оттесняют природу. А Лаздинай — дальновидное, бережное отношение к природе, погружение в нее.

Может, все три примера объединяет повышенный интерес современного человека ко всему естественному — от «естественного» становления личности до естественной природы — в противовес заполнившей нашу жизнь «химии»?»

— Такая «тоска по естественному», конечно, есть. Но объясняется она скорее тем, что далеко не все наши искусственные экви-

валенты пока еще могут соперничать по всем показателям со своими природными «прототипами».

Правда, когда речь идет о естественном, недетерминированном развитии человеческой личности — это особая, очень нелегкая проблема. Но когда, например, сравниваются лес и парк...

Кто скажет, что созданный ботаниками, экологами, художниками парк обязательно должен быть хуже дикого леса? Или что искусственные продукты питания не превзойдут со временем по своим качествам так называемые естественные?

Конечно, все мы — дети своего времени и пока еще с недоверием относимся ко всему искусственному. Положим, был я в Швейцарии. Забрался в горы. Совсем пустынное место. Вдруг смотрю — указатели. Налево — кафе, направо — отель. Если человек устал, проголодался, он, может быть, и обрадуется. А у меня сразу в душе какое-то разочарование.

Как нельзя духовный мир разных людей подравнивать под одну гребенку, так и нельзя воспитать в людях единообразное отношение к природе. Кто-то будет себя естественнее чувствовать в прекрасном парке, раскинушемся рядом с домом. А кто-то будет уезжать за тридевять земель, чтобы забраться в глухомань, в чащи, в которых еще не ступала нога человека.

Кто-то будет ратовать за то, чтобы звери жили на воле. И он прав. Но своя правота есть и у того, кто заводит домашних животных. Собака дома — какая же это природа? Но общение детей с домашними зверями спо-

способствует формированию положительных, гуманистических черт характера, воспитывает уважение к природе вообще (естественно, здесь нет однозначной, линейной зависимости).

Говоря об охране природы, мы имеем в виду прежде всего охрану человека с помощью природы. Ибо и физически, и духовно человек может развиваться только в здоровой природной среде. Речь должна идти не о лозунге: «Назад, к природе в ее первобытности!», а об использовании природы в том виде, в каком она больше всего удовлетворяет самого человека.

Вопрос 14: «Сегодня сложилась такая ситуация, что многие ученые, особенно в тех науках, которые связаны со значительной степенью абстрагирования от живых красок, звуков, впечатлений, от привычного восприятия мира большинством людей, несколько высокомерно относятся к необходимости быть понятыми широкими массами населения. У некоторых ведущих ученых нет внутренней необходимости быть понятыми специалистами. Конечно, для этого есть порой и серьезные причины (боязнь упрощения, вульгаризации и т. п.). Но ведь в целом и общество, и наука проигрывают, если между ними нарушается элементарное взаимопонимание?»

— И наука, замкнутая в кабинеты,— говорит Бонифатий Михайлович,— и общественное движение, не вооруженное наукой, сами по себе бессильны. По-моему, уже постановка такого вопроса содержит и ответ. Именно потому, что и общество, и наука проигрывают при отсутствии взаимопонимания между ни-

ми, чрезвычайно важно за такое взаимопонимание бороться, какой бы нележкой ни представлялась эта задача, какие бы мощные инерционные силы ни приходилось при этом преодолевать.

Но и тут движение должно быть встречным. Известный ученый не может опускаться до упрощения, до игры в популярничанье. И широкие массы трудящихся должны подниматься до понимания его идей. Как-никак, а у нас в стране уже всеобщее среднее образование.

Замечательные идеи были высказаны, например, академиком Вернадским еще в годы войны. Немцы стояли под Сталинградом, а он уже разрабатывал концепцию развития науки после победы над фашизмом. К сожалению, только сегодня массовая аудитория начинает по-настоящему понимать дальновидность и глубину его идей (может быть, в связи с тем, что обострился интерес к экологическим проблемам). Вышли и пользуются популярностью его «Размышления натуралиста» — о взаимосвязи мертвой и живой природы, о научной мысли как планетном явлении. Очень интересный мыслитель. Очень...

Вопрос 15: «Каково влияние научно-технической революции на духовный мир человека, каковы наиболее важные последствия этого влияния (и положительные, и отрицательные)? В каком направлении оно будет развиваться в ближней и дальней перспективе и что мы должны делать, чтобы это направление было благоприятно для человека и человечества?»

— Видите ли, — замечает Бонифатий Михайлович, — и об этих последствиях, и о боль-

ших возможностях, которые научно-техническая революция предоставляет для духовного обогащения человека, много сейчас сказано, написано. Это и экологические вопросы, и проблема перегрузок, которые испытывает психика человека, и очень сложные задачи планирования, прогнозирования, организации всего этого процесса. Но я бы отметил то, что относится непосредственно к влиянию развития науки на духовный мир человека. И может быть, больше буду говорить о том, что меня лично тревожит, чем о том, что радует. Последнее, как-никак, очевиднее.

Научно-техническая революция не охватывает только естествознание и технику. Это исторический процесс, который нельзя понять, если не раскрыть взаимосвязь между его социальной и естественно-технической сторонами, между развитием науки, техники и развитием общества и человеческой личности.

Личность сформируется, раскроется, расцветет, если будут развиты не только рациональные, логические ее стороны, но и вместе с ними гуманистические, эмоциональные, художественные. Естественно, они должны быть развиты в применении к новым условиям. Ведь не случайно некоторые, в общем-то прекрасные, черты литературных и не только литературных героев прошлого начинают казаться нам «непрактичностью», «идеализмом». Именно потому, что не всегда легко найти мостик от них к этим же чертам, но облеченным в «одежды» нашего времени. Ведь и у XX века есть и свои Дон Кихоты, и свои Гамлеты, и свои Жанны д'Арк.

Гармонично развить личность, нейтрализовать технократические влияния на нее, влияния узкого практицизма, в современных условиях нелегко. И в то же время если мы не усилим гуманистические, этические, эстетические тенденции в становлении личности, то огромное давление, которое оказывают на это становление техника и реализующаяся в ней наука, чистый утилитаризм могут отодвинуть на второй план и даже задушить в человеке интерес к духовной жизни. И тогда вакуум сейчас же заполнится такими «ценностями», таким убиванием времени, которые ничего не дают ни уму ни сердцу, стандартизируют личность и даже разрушают ее.

Потребности у человека всегда были, есть и будут. Но чрезвычайно важно, каков их характер, на какие ценности они сориентированы. Мне в этой связи всегда вспоминается прочитанный в детстве рассказ. Старого английского моряка спросили, что он купит, если у него будет очень много денег. Он ответил: «Ром и табак». А еще? Ром и табак. А еще? Ром и табак. Ну, а если он весь ром и табак на всем земном шаре купит, и еще деньги останутся? Он долго думал, а потом сказал: «Еще рому и табаку».

Если говорить о том, что мы должны делать, чтобы влияние научно-технической революции на внутренний мир человека было плодотворным, то сейчас чрезвычайно важно будить и закреплять в людях духовные потребности, превращать их в устойчивую традицию, в привычку, если хотите. Только полнокровно удовлетворяя эти потребности, человек может утвердить себя как личность, со-

знающую свою ответственность и перед обществом, и перед самим собой, делающую все от нее зависящее для сохранения и приумножения материальных и духовных богатств страны. Чтобы каждый понимал: он лично за это отвечает.

Конечно, научно-техническая революция порождает некоторый детерминизм общественной жизни, позволяющий человеку как бы плыть по течению, по заданной канве событий. Но этот детерминизм не снимает с человека личной ответственности за то, каков он есть, что он успевает и успеет сделать в жизни.

Я вот недавно показывал своим дочерям место из ленинской лекции «О государстве», где Владимир Ильич говорит о самостоятельности: «Только тогда, если вы научитесь самостоятельно разбираться по этому вопросу,— только тогда вы можете считать себя достаточно твердыми в своих убеждениях и достаточно успешно отстаивать их перед кем угодно и когда угодно»¹.

Социалистическому государству необходимы именно творческие личности, способные самостоятельно принимать верные решения и действовать в соответствии с ними. Но вот как-то так у нас часто получается, начиная со школы, а потом и в вузе, причем из самых благих побуждений, что мы стремимся ввести человека в некую колею. И эта колея, подавляя нередко индивидуальные запросы, подавляет прежде всего запросы духовные. Экзамен сдать надо, подписаться на газеты надо,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 65.

на собрание пойти надо. И все это уже расписано чуть ли не по минутам. И жизнь уже вроде predetermined. Человек может бездумно и спокойно плыть по течению.

А ведь настоящее становление личности связано с преодолением трудностей, с иногда мучительными поисками ответа на встающие вопросы, с самостоятельным решением трудных задач. Вы вот по себе, наверное, это знаете. Какие задачи еще в школе вызвали наибольший интерес, запомнились? Которые трудно решались. Которые долго не мог решить. А которые решаются легко — они часто проходят мимо сознания, не оседают в памяти, не воспитывают ни разума, ни воли. Мне приходилось расшифровывать рукописи Менделеева. Тысячи записей расшифровали. А особенно запомнилась одна. Далеко не самая важная. Но над ней мы ломали голову, наверное, год...

Да, личное должно вписываться в общественное и при необходимости подчиняться ему. Но подчиняться так, чтобы само личное тоже развивалось, а не подавлялось, не стусывалось.

Развитие индивидуальности, личности, полнокровно, естественно вписывающейся в коллектив, видящей смысл жизни в самоотверженном служении обществу, должно начинаться уже со школьной скамьи. И сама эта задача — сложнейшая, творческая по сути своей, не терпит прямолинейных решений.

Вопрос 16: «Часто говорят: текучка заедает. Но разве не зависит здесь многое от нас самих? Проявив не феноменальную, а обыкновенную волю, можно утвердить себя как

личность и противостоять течучке, стереотипам. Ну, я понимаю: пойти на собрание надо. Это — обязанность. Но вот пойти вечером выпить в компании или пойти на концерт, в библиотеку — здесь человек волен в своем выборе».

— Нельзя недооценивать силу «бытовых стереотипов». Вот в компанию втянуть — ничего не стоит. Это как-то естественно. А если отказаться от вечера в привычной компании и пойти на концерт, тут уж порой надо идти против течения. И при этом не только волю надо иметь, но и очень сильную потребность, воспитанную, развитую в человеке.

Когда человек повышает уровень знаний, квалификацию, занимаясь основной своей работой, это одно. А вот попробуйте самостоятельно овладеть необходимыми вам знаниями. Положим, самостоятельно — без репетиторов и занятий на специальных курсах — изучить иностранный язык... Мечтают «начать со следующего понедельника» многие. Действительно начинают единицы. Почему? Над этим стоит задуматься.

Или вот посмотрите. Сбивается стайка молодых ребят и целыми вечерами бродит по городу. И многие уже смотрят на них чуть ли не как на потенциальных хулиганов, хотя они никого не грабят, разве что песни горланят безо всякого вкуса и чувства меры. Но ведь не это самое тревожное. Они бездельничают. Они вырабатывают в себе систему убивания времени. А эта система, как правило, сопровождается угасанием духовных потребностей, что, в свою очередь, может послужить почвой и для иждивенческой позиции в жизни, и для

безответственности, и для антисоциального поведения.

Свобода воли в наши дни во многом зависит от духовного богатства и этической цельности личности. Чем глубже и шире ее духовные потребности, тем более свободна она в своем выборе, тем менее зависит от стереотипов, которые диктует научно-техническая революция.

...Попрощавшись, выхожу на улицу. В свете фонарей мельтешат снежинки.словно ночные бабочки, слетающие на огонь. И вместе со мной, и мне навстречу движутся люди. Густая, плотная толпа столичного города в канун Нового года. Мысленно продолжая наш разговор, думаю, что ведь не о какой-то абстрактной ответственности личности идет речь, а об ответственности вот перед этими конкретными людьми, спешащими сейчас с работы, толпящимися в магазинных очередях, на платформах метро и вокзалов, заполняющими залы Третьяковской галереи, кинотеатров, библиотек. Перед людьми с тысячами их малых и больших тревог, забот, радостей, со своими характерами и привычками, со своей замкнутостью и общительностью.

И снова возвращаюсь к вопросу о том, должен ли ученый искать общий язык со всеми этими людьми, с тысячами и миллионами своих современников, когда обращается к ним с трибун больших аудиторий, с экранов телевизоров, со страниц массовых газет и журналов, или есть у него право на «высокий штиль» формул и громоздких научных определений? Кто прав: Тимирязев, Ферсман или те (тоже первоклассные) ученые, которые

пишут «популярные» статьи так, что у читателей после них «мозги набекрень»?

Если речь идет просто о понятных каждому эквивалентах сложных вещей, то стоит ли отнимать у ученого драгоценное время? Для этого есть писатели-популяризаторы. Но что-то удерживает меня от такого толкования. Ведь, наверное, когда мы говорим об ответственности ученого, то имеем в виду не только его участие в общественной жизни, но и общественную интерпретацию, социальное осмысление его работы и ее результатов, а не просто популяризацию. Речь идет о формировании научного мировоззрения всего народа. Об ответственности ученого за те «химеры», которыми «заболевает» время от времени самое широкое общественное мнение,— будь то Бермудский треугольник, целительница Джуна или очередная «летающая тарелка», заброшенная с Марса.

Людам, не сведущим в тонкостях специальных наук, чрезвычайно важно услышать из уст авторитетного ученого понятное им объяснение и новых фактов науки, и новых произрастающих вокруг нее легенд. Такие объяснения имеют большой общественный резонанс, хотя сами ученые порой относятся к ним как к растрачиванию драгоценного времени на третьестепенные цели.

Вот я написал стереотипные слова: «авторитетный ученый». Написал привычно, не задумываясь. А ведь за словами об авторитете ученого в обществе кроется сегодня глубокий смысл. В наши дни авторитет этот необычайно высок и порой даже гипертрофирован до некоего культа личности ученого.

Чем это объяснить? Навязыванием этого авторитета и этого культа широким слоям населения, и особенно молодежи, откуда-то извне? Колоссальным психологическим воздействием, которое оказывают на людей великие научные открытия XX века — начиная от овладения атомной энергией и кончая синтезированием генов?

Думаю, речь идет прежде всего об объективных причинах. Авторитет знаний, убедительное их воздействие на жизнь планеты в нашем столетии приводит к своеобразному культу знаний, культу интеллекта, доходящему до крайности — до культа интеллектуала. И дело здесь не только в том, что миллионы людей хотят видеть в ученом некий идеал, героя нашего времени. Дело не только в смене исторической моды: сегодня в поле ее внимания — полководцы, завтра — поэты, послезавтра — ученые. Дело и в жажде познания, которой охвачены в нашем веке эти миллионы. Такие герои — в области их долговременных интересов, пристального внимания. Люди сами, в процессе познания, стремятся к ориентирам подобного рода, а не только любуются ими, как недостижимыми вершинами. Вот почему авторитет ученого, авторитет науки — это, можно сказать, постоянно действующий фактор XX века. И исследователь не может просто отмахиваться от того факта, что к его голосу прислушивается великое множество современников.

Естественно, не надо уходить в сторону и от того, что вокруг этого «ствола» появляется немало побочных веток. И далеко не все они развиваются в сторону общественной пользы.

Различного рода технократические «теории», «концепции» — яркий тому пример.

История инженера Гарина, поведенная Алексеем Толстым, не так уж прочно отгорожена от нас барьером времени и жанра научной фантастики.

На последующих страницах мы еще вернемся с тобой, читатель, к разговору об авторитете и «культе» ученого в современном мире. Пока же отметим для себя главное: да, авторитет человека науки вырос небывало. Но небывало возросла и его гражданская ответственность перед людьми. И поэтому, что бы ни принесли поиски научной истины, ему никогда не будет подарено нравственное успокоение.

Впрочем, не только к ученому это относится. Словно предвидя наши сегодняшние споры о моральной ответственности личности в условиях научно-технической революции, А. М. Горький в одном из писем Всеволоду Иванову заметил: «Захочется же людям быть спокойнее» — надеетесь Вы. Я на это не надеюсь. Т. е. им-то уже хочется спокойно жить, но — история сего не дозволит. Разворотив, растормошив действительность так, как это удалось сделать в России, не скоро приведешь ее в равновесие. Да оно и не требуется, равновесие-то, оно ведь вредная вещь для людей»¹.

Сегодня под влиянием великих социальных перемен, которыми отмечен XX век, но и не без влияния научно-технической революции история получила такое ускорение, при кото-

¹ Иванов В. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1969, с. 28—29.

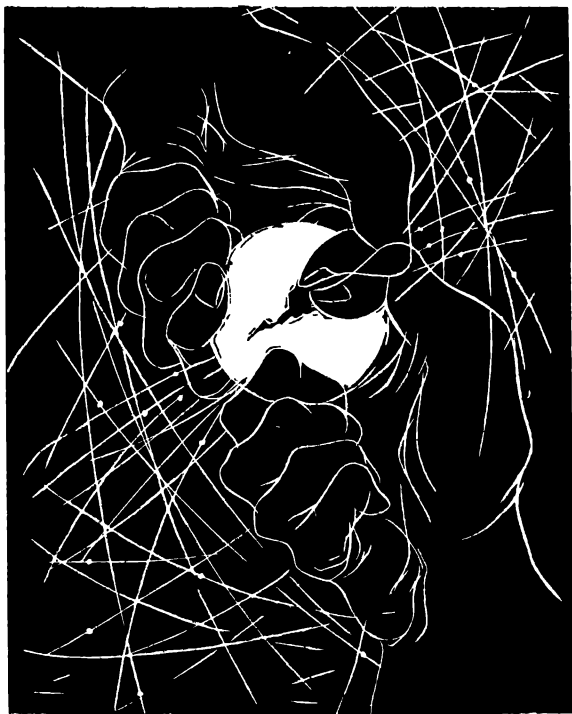
ром «равновесие», самоуспокоение человечества становится немыслимым. То здесь, то там исследования обозначают новые «прорывы» в будущее. И все явственнее прорисовывается главное, интегральное направление этих «прорывов» — наука о человеке. В этих условиях по-новому переосмысливаются, обретают особую актуальность такие извечные человеческие добродетели, как нравственная целеустремленность и устойчивость личности, способность ее не скользить по течению, но, если надо, и противостоять ему, способность брать на себя ответственность. Одним словом — способность быть личностью.

И, наверное, в этом смысл того новогоднего тоста, который продиктовал мне в блокнот академик Бонифатий Михайлович Кедров: «Я желаю каждому на своем месте, в своей работе, в своей жизни быть оптимистом. А что значит быть оптимистом? Легко им быть тому, кто видит лишь голубые и розовые оттенки действительности и умело уклоняется от ее трудных проблем и трудных дорог. Но я за другой оптимизм и за других оптимистов. Провозглашаю тост за тех, кто трезво видит трудности, но никогда не отступает перед ними. Кто понимает: нет таких трудностей, которые не таят в самих себе возможности их преодоления. Именно такого оптимизма, основанного на высочайшей гражданской ответственности, требует от каждого из нас время, в которое мы живем. И, желая этого всем читателям, я желаю им счастья. Ибо счастье — в преодолении трудностей на пути к вершинам, а не в бездумном движении вниз по течению».

5

О нет! Широкий мир земной
Еще достаточен для дела.

Гёте, «Фауст»

ЧАС ВНЕДРЕНИЯ

Ученый добровольно упрятал себя в сумасшедший дом, опасаясь, как бы сделанное им открытие не было применено в антигуманных целях. Его поступок обернулся трагикомедией. Двое сумасшедших, выдающих себя за Эйнштейна и Ньютона, а на самом деле представленные к нему разведчики, вывели все секреты ученого, и, пока он живет в своем затворничестве, по его формулам и расчетам уже работают военные заводы. В этой истории, поведенной в «Физиках» Ф. Дюрренматта, за внешней оболочкой комедийных ситуаций и диалогов таился не очень-то веселый вопрос: способен ли ученый предотвратить антигуманное применение своих открытий?

В нашей стране наука — и ее исследования, и ее результаты — служит высшей цели социализма: все во имя человека, все для блага человека. И подобные вопросы, конечно, носят для нас несколько умозрительный характер. Адресовать их скорее надо науке в капиталистическом обществе.

Но все же, хотя по совершенно иным причинам, проблема применения научных открытий на практике и для нас не так уж проста

и безболезненна. Указав на то, что это сегодня решающий, наиболее острый участок, что производство должно быть жизненно заинтересовано в том, чтобы быстрее и лучше осваивать плоды мысли, плоды труда ученых и конструкторов, Леонид Ильич Брежнев сказал в докладе на XXVI съезде партии: «Вместе с тем и сама наука должна быть постоянным «возмутителем спокойствия», показывая, на каких участках наметились застой и отставание, где современный уровень знаний дает возможность двигаться вперед быстрее, успешней»¹.

Только ли к экономическим и организационным вопросам связи науки с производством относится это требование? Не предъявляет ли оно и моральный счет к личности ученого, не обращено ли оно к его гражданской ответственности за конечные результаты своего труда?..

«Зеленая комната» старинного белоколонного особняка президиума Академии наук СССР. Я так ее назвал про себя. Но она действительно как бы утопает в зеленом свете: за окнами зелень, обилие цветов на подоконнике, зеленый ковер, зеленая обивка кресел. И даже в большом прозрачном кристалле фиаanita, этого детища советских физиков, в последние годы буквально завоевавшего мир, преобладают зеленые отсветы. Только маленькая доска на стене, на которой быстрым, резким жестом — это видно по следу — стерты формулы, написанные мелом, и лишь осталось: « $q \leq 2$ », — только эта доска голубая.

¹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 43.

Кабинет вице-президента АН СССР Евгения Павловича Велихова. Рабочее место. Но с таким же правом его рабочим местом можно назвать лаборатории Института атомной энергии. И цехи ЗИЛа. И аудитории его альма-матер, МГУ, где сейчас он читает лекции студентам.

Вопрос 17: «Личность открывателя и личность проводника идей в жизнь срастаются. Не повышает ли это ответственность за недодуманность идей? То есть ученый убежден, что его идея при внедрении окупится, принесет пользу. А потом вдруг начинают срывать непредвиденные факторы...»

Вопрос 18: «Почему люди легко «списывают» время, а порой и средства, затраченные на непродуманные рекомендации, предложения, теории? Почему бы не усилить ответственность за прогноз, за гипотезу?»

— Есть грань,— говорит Е. П. Велихов,— за которой кончается исследовательский поиск и начинается внедрение, хотя, конечно, обе эти стороны науки порой представляют трудно разделимый сплав. Но грань есть. И на этой грани надо принимать решение.

И конечно же за этим стоит целый ряд проблем, в том числе и нравственных. И всегда есть целый ряд альтернатив. Потому что внедрение сегодня, как правило, связано с крупными комплексными программами, требующими и тщательной проработки, и большой ответственности.

Правда, я не очень понимаю, что конкретно стоит за словами об ответственности за гипотезу. Исследователь всегда должен отвечать за свои результаты и за свои предполо-

жения. И, кстати, на стадии предположений, гипотез у него есть еще время добросовестно продумать, «просчитать» все возможные варианты. Но вот когда наступает час внедрения, наступает и время альтернатив. Надо выбирать единственный вариант, рассечь гордиев узел проблем. Это, так сказать, некий акт высокого гражданского мужества и высокой государственной ответственности.

Так было, когда принималось решение о строительстве в СССР первой в мире атомной электростанции. Или о запуске первого советского спутника. Это момент очень ответственный, особенно если нет в мировой практике прецедентов таким решениям, если дорога прокладывается впервые.

Сегодня время больших решений наступает в проблеме управляемого термоядерного синтеза. Заканчивается чисто поисковый этап, когда мы выясняли, а можно ли вообще, в принципе осуществить управляемую термоядерную реакцию. Исследователи, занимающиеся «термоядом», почти уверены, что скоро это докажут. Пришло время принимать следующее решение — о демонстрации того, что можно технологически решить этот вопрос.

Конечно, если бы работы по технологии управляемого термоядерного синтеза были начаты лет через 20—30, можно было бы получить гораздо лучшие решения: и наука, и техника за это время продвинулись вперед. Однако ждать 20—30 лет опасно. Можно до бесконечности заниматься поиском, истратить огромные деньги, но так никогда и не приступить к получению экономического эффекта от

затраченных средств. С другой стороны, опасно, конечно, переходить к внедрению слишком рано, когда результаты поиска еще не дают необходимой и достаточной почвы для серьезных решений.

По мнению ученых и энергетиков-практиков и у нас, и за рубежом, такая почва уже создана. Решение видится довольно определенным — система типа советской термоядерной установки «Токамак».

Естественно, в нашей стране это решение должно рассматриваться в контексте общего развития советской энергетики. Надо найти общий баланс термоядерного управляемого синтеза со всеми другими — традиционными и нетрадиционными — ее видами. Принимая такое решение, надо учитывать и наши государственные планы, и сотрудничество с социалистическими странами, и научные контакты с учеными капиталистических и развивающихся государств. Надо, словом, учитывать мировую ситуацию. И это далеко не полный перечень проблем. Понимаете, какая ноша ответственности ложится на плечи людей, принимающих решение? Я не беру какие-то исторические примеры или гипотетические альтернативы. Это сегодняшняя, практическая ситуация, с которой я знаком. И если при этом я не произношу слово «нравственность», то реально она всю эту ситуацию пронизывает.

Вопрос 19: «Не ограничивает ли слишком буквальное понимание ученым своих обязанностей перед обществом и научный и нравственный его горизонт? Речь идет об ученых, которые в силу очень развитого чувства дол-

га занимаются тем, что даст эффект буквально сегодня, хотя, может быть, душевно predisposed к таким темам, от которых больших рублей экономической прибыли пока ждать рано. Словом, я говорю об ученых, которые наступают «на горло собственной песне».

— Но разве стремление осуществить в жизни свои идеи — навязанная извне обязанность? — возражает Евгений Павлович. — Это внутренний двигатель человека. Вспомните Тенсинга. У него была мечта — подняться на Эверест. Никто его туда не гнал. Он сам готовил себя к этому. И, наконец, поднялся вместе с Хиллари. Первым в мире. Когда ученый или вообще любой человек наступает «на горло собственной песне», надо еще посмотреть, с чем мы здесь имеем дело — с чувством долга или с отсутствием характера.

О каком самоотречении, о каком «наступании на горло собственной песне» можно говорить, если ситуация, когда вы сами проходите весь путь от начала до конца, от идеи до внедрения, — это идеал, к которому стремится любой настоящий ученый?! Подобных примеров и судеб не так уж и много. Курчатов — от основ ядерной физики до создания атомной промышленности и техники. Королев — от первых полуигрушечных ракет до полета человека в космическое пространство и до начала освоения планет Солнечной системы с помощью автоматов...

Это ведь замечательная судьба! Но дана она людям очень сильного характера. И оплачена самой высокой ценой — поистине космическими перегрузками в работе и в жизни.

Кстати, когда они начинали, ничто еще не предвещало большого (в том числе и экономического) эффекта, который становится очевидным сегодня. Но они верили — впрочем, почему верили? — они знали, что занимаются проблемами, крайне важными для страны, для людей.

Словом, время предоставляет ученому возможность пройти путь от идеи до внедрения. Но надо иметь характер, чтобы этой возможностью воспользоваться.

Что есть настоящее внедрение? Не только некая организационно-технологическая акция. В центре его всегда стоит личность, созвездие личностей, коллектив. Внедрение — это и определенный процесс, ломка привычного образа мышления, ломка образа жизни, которые происходят и в коллективе, и во внутреннем мире человека.

Возьмите тот же «термояд». Сегодня, когда обозначился переход от поискового этапа к внедрению, здесь складывается довольно сложная ситуация. Те, кто им занимались и еще вчера считались «чистыми» физиками (скажем, академик Б. Б. Кадомцев, его сотрудники, многие другие ученые), — все теперь должны приобрести большой инженерный опыт.

Почему? Да потому, что трудно было бы сразу же передать дело в другие руки. Пока еще в этой области не сложились свои инженерные кадры. Конечно, они будут. С каждым годом все большую и большую роль станут играть в термоядерной энергетике именно инженеры. Будут и здесь, а не только в космических исследованиях, свои главные конст-

рукторы. Но и физикам придется перестраиваться. Словом, через плечо ученого все время должен как бы заглядывать инженер, через плечо инженера — ученый.

Моральные аспекты ответственности ученого перед обществом нередко обсуждаются широким общественным мнением довольно односторонне. Философы, ученые, журналисты выбрали несколько уже вошедших в обиход тем и по многу лет кругами ходят вокруг них. Это пьеса Бертольта Брехта «Жизнь Галилео Галилея». Это атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки и «дело» Роберта Оппенгеймера. Это, наконец, отрицательные экологические последствия крупномасштабной преобразовательной деятельности людей.

Все это чрезвычайно важные нравственные стержни. И дискуссии о моральном выборе ученого, об ответственности его за те изменения, которые наука диктует жизни, не потеряют своей актуальности, пока не потеряют свою остроту эти проблемы в самой действительности. Но есть, когда мы говорим об ответственности, и другая, не менее важная сторона. Ответственность за ускорение прогресса, за улучшение жизни людей, за то, чтобы дать им больше возможностей сделать свою жизнь яркой, осмысленной, богатой и в материальном, и в духовном отношении. Когда ученый находится на переднем крае, чувствует и видит новые шансы для прорыва человечества в будущее, когда он получает счастливую возможность заглянуть дальше других, на него падает и особая ответственность за то, чтобы его результаты быстрее были использованы для получения новых фундамен-

тальных преимуществ в технологии, технике, конструкторском деле.

Он не может при этом не быть гражданином своей страны, не думать о завоевании для нее плацдармов таких преимуществ на фронтах мировой науки, не может не понимать, что именно на этой основе наша страна может успешно участвовать в международном разделении труда, конкурировать на мировом рынке с научно-технической продукцией развитых капиталистических стран.

Вопрос 20: «Мы, группа сотрудников НИИ, занимаемся одной «беспризорной» идеей. Идея перспективная, нужная государству. Но в планы института не вписывается. Руководство полагает, что мы занимаемся не своим делом, уходим в сторону от исполнения своих обязанностей. На пути нашей работы ставят барьеры. Справедливо это?»

— Надо сначала посмотреть,— говорит Е. П. Велихов,— что за работа. Но, конечно, в подобных ситуациях многое зависит от мудрости руководителя. Я всю жизнь после окончания МГУ проработал в Институте атомной энергии. И хотя здесь решались большие государственные задачи, сами по себе диктовавшие довольно жесткую внутреннюю дисциплину и целенаправленность, в институте всегда была относительная свобода в выборе исследовательских задач.

Руководители традиционно поддерживали широкий поиск. И если даже он заводил в области, далекие от атомной физики, но результаты в целом для науки получались интересные, и И. В. Курчатов давал, и А. П. Александров дает им «зеленый свет». И, наверное,

это правильно. В таком коллективе, с высоким уровнем исследований, с высоким уровнем требований и в то же время понимающем перспективу, далеко смотрящем, могут рождаться совершенно неожиданные идеи.

Попытка же устраивать для науки прокрустово ложе никогда еще никому не удавалась. Познание — это в какой-то степени процесс броуновский. Если вы сделаете движение одномерным, закроете для него все координаты, кроме одной, то и в этом направлении движение исчезнет. Ибо столько энергии уйдет на столкновение со стенками, что ее совсем не останется на устремление вперед.

Вопрос 21: «В течение веков эталоном трезвой самооценки ученого считались слова: «Я знаю то, что я ничего не знаю». Но, может, нынче это лишь удобная ширма для ухода в сторону от решения при помощи знаний реальных вопросов? Должен же ученый, по крайней мере, знать, что его знания могут серьезно влиять на жизнь, изменять ее!»

Вопрос 22: «Иногда отдельные ученые и даже целые исследовательские коллективы подчеркивают только эффект, который может дать предлагаемая ими для внедрения идея, и всячески затеяют ее слабые стороны — ради того, чтобы идея не была отвергнута, отклонена, чтобы «вписаться в планы», выбить средства на исследования. Не приводит ли такой подход к падению нравов в науке?»

— Видите ли, нельзя науку определить каким-нибудь одним афоризмом или его отрицанием. Наука консервативна, и в то же время в ней должны быть революции. Мы, например, нередко воспринимаем борьбу старо-

го и нового обязательно как нравственную проблему. А всегда ли это так? Ведь есть люди, которые действительно очень много знают, и в систему знаний, которую они построили, ну просто совершенно не умещаются те новые идеи, которые им пытаются доказать. 99 процентов вероятности, что и правильно не умещаются, что эти новые идеи неверны. Но один процент несет с собой революцию и вдруг опрокидывает всю стройную систему...

Тогда я должен признать, что может быть абсолютно честный человек, который так и умрет с верой в свою концепцию, опрокинутую жизнью. Так было часто. Лорд Рэлей прекрасно знал теорию колебаний. Но в его представления не вписывались многие факты новой физики.

Наука есть, как и жизнь, борьба. Наивно представлять, что в науке все делается в полной гармонии, что все в ней друг друга понимают с полуслова. Это есть реальная борьба идей, позиций, характеров. Но борьба, так сказать, с достойными, честными целями, с открытым забралом. Очень плохо, когда она начинает увязываться с личным благосостоянием, ложно понятым авторитетом и т. п.

Конечно, нравственные проблемы в науке всегда есть. Приходится сталкиваться и с преувеличением значения своих результатов, со стремлением «протолкнуть» их во что бы то ни стало, вопреки их реальной значимости. С попыткой присвоить какой-то отдельной точке зрения, так сказать, статус национальной. Или с попыткой присвоить себе чужие результаты.

Ситуации здесь не всегда однозначны. Но все же есть очень четкий водораздел. Если естественно желание человека довести свою идею до внедрения, то закономерно и требование: убедить в ней оппонентов. Если есть возражения, пожалуйста — открытый научный спор!

У ученого должна быть строгость к себе, но и определенная решительность, напористость, настойчивость. Он должен иметь характер, силу рискнуть! Надо сказать, что часто при этом человек рискует фактически собственной жизнью: он может ее зря прожить. Он тратит время. А время — это его жизнь. Но ведь, как говорил Экзюпери, жизнь только тогда имеет цену, когда есть нечто большее, ради чего можно рисковать жизнью.

Вопрос 23: «Этично заниматься звездами, когда люди ждут от ученых хлеба насущного?»

— Этично! К идее термоядерного синтеза, который обещает в недалеком будущем и энергию, и «хлеб насущный», наука пришла как раз, когда занималась звездами. Собственно говоря, астрономия всегда была самой практичной наукой. Еще древние пастухи гоняли стада, ориентируясь по звездам. А затем корабли к новым континентам плавали по звездам. А теперь космические корабли летают по звездам.

Словом, звезды очень буквально связаны с хлебом насущным. Однако я вижу в вопросе и такой подтекст: мол, зачем нужны фундаментальные исследования, не имеющие сиюминутного практического выхода?

Да, развитие науки диктуется экономическими закономерностями, материальными потребностями человечества. Но не надо забывать, что ее двигают вперед и духовные потребности людей, жажда познания мира. Это тоже заложено в человеке. Он не может не стремиться к познанию непознанного даже вне связи со своими утилитарными нуждами.

Человек может узнать и очень опасные для себя вещи. Может опасно для себя осмыслить, обобщить новые факты. Добытые им знания могут привести к разрушительным результатам. Но если даже исследования дают нам тревожные, негативные результаты, их все равно надо узнать. Дело общества — применить научные достижения на пользу человеку, учесть открытые учеными, ранее неизвестные неблагоприятные факторы, ослабить их или даже свести на нет. Но само по себе знание не может быть недобрым, неэтичным началом.

Вопрос 24: «Кем должен быть современный ученый — Дон Кихотом, Гамлетом или деловым человеком?»

— Науке, за редкими исключениями, на уровне сверхталанта, гениальности, не нужны сегодня ни Дон Кихоты, ни Гамлеты, ни деловые люди сами по себе, вне исследовательского коллектива. Ибо современная наука решает крупные задачи именно коллективами. А вот коллективам этим крайне необходимы и Дон Кихоты, и Гамлеты, и деловые люди. И важно, чтобы все они работали дружно. Как говорят физики, в фазе, когерентно. Тогда практический результат будет пропорцио-

нален не числу людей, а минимум квадрату этого числа.

У нас в Советском Союзе вся трудовая атмосфера в целом настроена на это. Серьезную роль играют в ее создании партийные и комсомольские организации вузов, академических и отраслевых институтов. Но это и очень большое искусство — объединить совершенно разных людей, с разными характерами и подходами к науке, создать условия для их плодотворной работы вместе. Искусство. И наука одновременно!

И первым среди ученых, которые владели искусством руководить большими исследовательскими программами, объединять вокруг них цвет нашей науки, Велихов называет Игоря Васильевича Курчатова:

— У него был удивительный дар привлекать к общей работе совершенно разных, не похожих друг на друга и на него самого исследователей. Причем, как и всякий крупный руководитель, крупная личность, он не боялся привлекать людей, которые в чем-то существенно его и превышали. Но и он дополнял их в чем-то. Он умел в каждом, даже самом молодом своем коллеге, разбудить чувство значимости его работы, помочь быстро найти свое место.

Но если о Курчатове я все же в большей степени сужу по рассказам близко знавших его людей, то под руководством другого ученого такого масштаба мне посчастливилось работать. Я говорю об Анатолии Петровиче Александрове. Я с ним работал и продолжаю работать в Институте атомной энергии. И вот здесь, в президиуме академии. Надо вам ска-

зять, что та атмосфера, которая создается им (я уже не говорю обо всем остальном — он дальновидный ученый, практичный человек, у него отличное инженерное мышление), — это очень здоровая, располагающая к труду и творчеству атмосфера.

Человек должен чувствовать доверие. Тогда он работает с большей отдачей. Тогда он может рисковать. Без риска, без ошибок, может быть, где-нибудь и можно прожить. В науке — нет! Если вы, не чувствуя доверия со стороны руководителя, будете думать лишь о том, как бы не допустить ошибки, все это выльется в конце концов в чистую бюрократию. Потому что в науке нет таких дорог, по которым можно пройти без ошибок, о которых вы можете сказать, что знаете, чем они кончатся.

Вопрос 25: «Какие черты отличают советского ученого, положим, от ученого дореволюционных времен и, если уж не углубляться в историю, от современного западного ученого?»

Велихов усмехается: «Ну, по этому вопросу можно целый философский трактат написать, а это не моя специализация». Но отвечает серьезно:

— Всеохватывающая работа науки, которая так характерна для современного мира, вырабатывает и некий общий, глобальный «стиль». И у нас, и на Западе есть крупные исследовательские коллективы, нацеленные на выполнение больших программ. Это черта времени. По крайней мере с начала 40-х годов и после. Надо сказать, что сегодня очень многое по организации и планированию мировая наука и практика берут у нас.

В целом, когда мы имеем дело с таким, в общем-то однородным, материалом, как исследования, многое — методика работы, язык науки — оказывается универсальным. В этом отношении ученые представляют собой достаточно ответственную и интеллигентную часть общества, разговаривающую в основном на общем языке. И им легче установить контакты между собой, независимо от различия социального строя своих стран и всех других различий. Поэтому ученые очень часто выступают своеобразными парламентариями доброй воли — возьмите, к примеру, Пагоушское движение. Наука есть как раз хороший способ наладить взаимоотношения между странами, между народами. Это важно отметить. Важно, пытаюсь выделить особенное, понимать и общее.

Когда говорят о характерных чертах ученого нашего социалистического общества, надо помнить и то, что сформировались они не на голом месте. Российский интеллигент, кем бы он ни был — уездным врачом или ученым с мировым именем, испокон века, наверное, остро чувствовал необходимость положить свой труд, свою жизнь на алтарь народного блага. Невозможность, говоря современным языком, внедрения достижений науки в практику (в силу отсталости царской России, в силу недалековидности, равнодушия и тупоумия самодержавного правительственного аппарата) воспринималась тогда лучшими учеными страны не как освобождение от «дополнительных трудностей», «экономия времени» и т. п., а как личная трагедия.

Это, так сказать, нравственные предпосыл-

ки того типа ученого, который сегодня у нас доминирует. Победа Октября стала началом новых взаимоотношений между государственной властью и наукой, между Советским правительством и Академией наук. За годы Советской власти сложилась наша наука во главе с таким деятельным штабом, как АН СССР. Сложилось взаимодействие с современной экономикой. Сложилась мощная социалистическая экономика, которой и в помине не было в начале века. И вот именно в связи с этим, на этой материальной основе, сложился облик ученого, тесно связанного с промышленностью и сельским хозяйством, решающего крупные государственные задачи. Ученого с высочайшей степенью социальной ответственности. Ученого-гражданина, не чуждающегося активного участия в общественной жизни.

Об этом свидетельствуют жизнь и труд таких людей, как И. П. Бардин, Н. И. Вавилов, С. И. Вавилов, В. И. Вернадский, Н. Е. Жуковский, А. Ф. Иоффе, В. А. Обручев, И. П. Павлов, К. А. Тимирязев, А. Е. Ферсман, С. А. Чаплыгин и многие другие. Именно эти ученые заложили нравственный фундамент молодой советской науки и передали эстафету своих научных школ новым поколениям исследователей.

Если говорить о том, что особенно характерно для личности советского ученого, то это соединение высокой степени социальной ответственности, понимаемой как служение обществу, государству с глубоко гуманной направленностью и помыслов, и практической деятельности. Не собираюсь утверждать, что это свойственно исключительно

нашим ученым. Но им это свойственно в очень высокой степени.

Наверное, Евгений Павлович Велихов не случайно дает именно такой ответ на вопрос о чертах советского ученого. Сам он прошел прекрасную школу становления ученого в тесном взаимодействии с решением важных общественных проблем.

Физический факультет МГУ. Ему запомнилась одна из факультетских комсомольских конференций — он был тогда на втором курсе. Речь шла о том, какие кадры физиков нужны Советскому Союзу, каким для этого должен стать стиль и научной, и учебной работы на факультете. Рекомендации и просьбы комсомольской конференции были настолько серьезные и обоснованные, что последовали меры, значительно изменившие всю жизнь физфака. К преподаванию и исследовательской работе были привлечены крупные научные силы. Многие из тех, кто тогда активно участвовали в организации конференции и в обсуждении, потом стали людьми, известными в стране. Например, Вячеслав Дмитриевич Письменный, так много сделавший для организации студенческих строительных отрядов.

После окончания МГУ Велихова пригласил для работы на физфаке Лев Андреевич Арцимович. И Евгений Павлович помогал Письменному в создании большой лаборатории физики плазмы, которую тот организовал вместе со своими коллегами по студотрядам.

В настоящее время это одна из самых крупных и самых эффективных физических

лабораторий, родившихся за последние двадцать лет. Она выдала уже вполне реальные результаты, отмеченные Государственной премией СССР. Из тех студентов, которые были ее первооткрывателями, многие стали докторами и кандидатами наук. Но Евгений Павлович вспоминает именно рождение лаборатории. Она создавалась уникальным образом. На чердаке. Руками студентов. Они все делали сами. Кроме желания сделать у них было и умение сделать, умение преодолеть неизбежные организационные и хозяйственные трудности. У них был хороший целинный заряд.

Очень важным в жизни Велихова стал момент, когда Евгений Михайлович Тяжелников, бывший тогда первым секретарем ЦК ВЛКСМ, привлек его к работе комсомола с научной молодежью. Евгений Павлович занимался премиями Ленинского комсомола, затем два срока избирался в Центральный Комитет ВЛКСМ. Возглавлял совет молодых ученых при ЦК комсомола. По командировкам ЦК ВЛКСМ Велихов ездил в Тюмень, в Красноярский край, во многие другие «горячие точки».

Когда его спрашивают о самых ярких событиях, впечатлениях, он говорит, что ничего более яркого, чем карнавал на Кубе во время Всемирного фестиваля молодежи в Гаване, в жизни не видел. Но если речь идет о таких событиях и впечатлениях, которые оставили наиболее глубокий след в сознании, повлияли на его отношение к жизни, он прежде всего называет шефство комсомола над «Атоммашем». Об «Атоммаше» дейст-

вительно, академик Велихов говорит с особой теплотой.

...Главное впечатление, которое я выношу из этой зеленой комнаты: нет какой-то резко очерченной линии, у которой кончается научный поиск и за которой начинается «зона внедрения». В самой первопричине познания уже заложена цель: знать — чтобы действовать. И в личности настоящего ученого, а не клерка от науки жажда знать и осмыслить познанное неотделима от жажды при помощи знаний изменить мир к лучшему.

Да, современная наука срослась с экономикой, сама стала производительной силой. И это требует от исследователя определенных моральных качеств. Ему приходится соединять в своей нравственной основе «лед и пламень» — быть динамичным, упорным в доведении своих идей до конца, до их внедрения. И в то же время как раз сила воздействия науки на жизнь диктует ученому особую осторожность, щепетильность и нравственную твердость в час внедрения. Словом, борьбу за осуществление своих идей на практике он воспринимает как нравственный долг. Науке нужны такие качества. Но она сама их и формирует. Она втягивает исследователя в неумолимое стремление к конечной цели, к воплощению его замыслов в металле, в опытных, а затем и промышленных установках, в новых станках и ЭВМ, поездах и орбитальных станциях. Она ведет человека от слова, мысли к делу, для которого еще достаточен и всегда будет достаточен широкий мир земной.

Ты отдал в пользование мне природу,
Дал силу восхищаться ей. Мой глаз
Не гостя дружелюбный взгляд без страсти,—
Но я могу до самого нутра
Заглядывать в нее, как в сердце друга.
Ты предо мной проводишь череду
Живых существ и учишь видеть братьев
Во всем: в зверях, в кустарнике, в траве.

Гёте, «Фауст»

ЛЕСОРУБ ИЛИ ЛЕСОВОД?

Когда я вглядывался в черты этого человека, самого молодого из легендарной полярной четверки, что-то очень дорогое, связанное со светлой, еще довоенной полоской детства, пробуждалось в памяти. В минуты, когда их встречает Москва, осыпая праздничными листовками, в Ленинграде, на полу комнаты, окнами выходящей на площадь Урицкого, мальчишки играют в папанинцев. И большая книга из отцовской библиотеки — льдина, а другие, поменьше, пробивающиеся к ней ледоколы...

Хотя в жизни этого человека, который в 28 лет стал Героем Советского Союза, а в 29 — членом-корреспондентом Академии наук СССР, было немало взятых высот, он и через 40 лет после той знаменитой зимовки напишет: «...имея некоторые почетные, ценные каждым советским человеком звания, горжусь не менее, чем ими, тем, которое дал нашей четверке народ, — званием «папанинца»¹.

¹ Послесловие к книге: *Папанин И. Д. Жизнь на льдине*. М., 1977, с. 310.

И невольно я начал разговор с «полярного» вопроса:

— Сейчас много говорят о том, что загрязнения окружающей среды стали глобальными, что ДДТ находят даже в Антарктиде. Скажите, сильно ли загрязнена Арктика по сравнению с временами дрейфа первого «Северного полюса»?

Академик Евгений Константинович Федоров нахмурился:

— Ну, не надо уж вовсе сгущать краски. Арктика — одна из тех областей планеты, которой преобразовательная деятельность человека за последние 40—45 лет коснулась в небольшой степени. Относительно, конечно. Ибо и освоение Арктики идет высокими темпами. Другое дело — трансграничные и трансконтинентальные переносы загрязнений. Их «дыхание» доходит и до Антарктиды, и до Арктики.

С вопросами читателей, касающимися охраны природы и некоторых моральных ее аспектов, я пришел к Евгению Константиновичу не случайно¹. Взаимодействие человека и окружающей среды представляет важную часть тех проблем, которые исследует созданный и возглавлявшийся им Институт прикладной геофизики. Долгое время он был начальником Главного управления гидрометеослужбы при Совете Министров СССР. Являлся членом коллегии Государственного Комитета СССР по гидрометеоро-

¹ Когда книга готовилась к печати, пришла печальная весть о кончине академика Е. К. Федорова. Текст этой главы Евгений Константинович просмотрел за несколько дней до смерти.

логии и контролю природной среды. Членом Президиума Верховного Совета СССР. Возглавлял Советский комитет защиты мира. Был вице-президентом Всемирного Совета Мира. Его книга «Экологический кризис и социальный прогресс» вызвала большой интерес и у нас в стране, и за рубежом.

Вопрос 26: «Сейчас ученые многих специализаций исследуют рациональное использование и охрану природных ресурсов. Само это понятие связано с ответственностью за будущую жизнь. Что же такое моральная ответственность ученого за природу Земли? Когда речь идет о разрушительной силе научно-технического прогресса по отношению к природе — это происходит буквально на наших глазах. А как заходит речь о совести и ответственности, тут выслушиваешь и читаешь нечто вроде абстрактных библейских заповедей».

— Почему же? — сказал ученый. — Совесть, ответственность — очень осязаемые понятия. Они не существуют отдельно от жизни общества. Откроем Конституцию СССР. В ней прямо говорится об ответственности за природу и со стороны государства, и со стороны каждого его гражданина, личности. Единая ответственность.

Такое единство — неременная особенность социализма. И одновременно наше, социалистическое понимание ответственности за природу близко людям во всех странах, на всех континентах. Оно совпадает с чаяниями человечества. В этом смысле да, совершенно правильно: разработка природных богатств и их охрана от истощения связаны с моральной ответственностью за природу Земли. И это не

абстрактные понятия. О том, что такое ответственность, лучше всего судить по воплощению этих понятий в реальной жизни.

Напомню, что именно по инициативе СССР достигнуто международное соглашение о запрещении использования средств изменения природной среды в военных и иных целях. Именно наша страна внесла на XXV сессию Генеральной Ассамблеи ООН проект резолюции об исторической ответственности государств за сохранение природы Земли для настоящего и будущих поколений. Сессия согласилась с этой резолюцией и поручила генеральному секретарю ООН подготовить к очередной сессии доклад о пагубном влиянии гонки вооружений на природу земли.

Но в вопросе говорится и о разрушительной силе научно-технического прогресса по отношению к природе. Вот с этим нельзя согласиться. Практически любое достижение науки и техники можно использовать как для созидательных целей, для повышения благосостояния людей, так и для целей разрушительных. Ни наука, ни техника сами по себе не виноваты в том, что их используют для разрушения. Виноватыми могут быть только люди, общественный строй, социально-экономические условия. Это важно подчеркнуть, ибо разговоры о разрушительной силе научно-технического прогресса «самого по себе» как бы снимают с человека и гражданскую, и нравственную ответственность.

На самом деле люди многое могут. И воспитывать в них «экологическую совесть» очень важно. Научно-технический прогресс, создавая возможность для крупных преобра-

зований окружающей среды, в некоторых случаях приводит к негативным для человека последствиям. Но он же дает такие средства защиты природы, которые позволяют не вносить дезорганизации в ее естественное развитие. Достаточно напомнить о рождении безотходного производства, таких технологических процессов, при которых сводится к минимуму или вообще исчезает загрязнение окружающей среды, о все более широком внедрении оборотного водоснабжения.

Моральная ответственность ученого за природу заключается в том, чтобы сознательно усиливать природосберегающие тенденции научно-технического прогресса и свести на нет те тенденции, которые угрожают экологическому равновесию. Если говорить о природе всей земли, то к сказанному выше прибавляется моральная ответственность передовых ученых разных стран за единство действий, за сотрудничество в масштабе всей планеты.

Вопрос 27: «В некоторых книгах утверждается, что можно в десять раз сильнее воздействовать на природу и в десять раз лучше ее охранять. Не становится ли наука в данном случае в неблагоприятную позицию «утешителя» Луки из горьковской пьесы «На дне»? Он там много чего наобещал. Люди поверили и за это поплатились».

— Ну конечно же,— ответил Е. К. Федоров,— в книгах правильно это утверждается. Можно гораздо полнее, разумнее использовать природные ресурсы и в то же время принимать меры, которые исключают негативное влияние на природные процессы. Например,

при добыче полезных ископаемых мы сегодня еще неполно используем все содержащееся в рудах. Новые технологические решения (а их появление — не только благие наши с вами пожелания, но и просто закономерный путь научно-технического прогресса), которые помогут более полно извлекать из природных конгломератов отдельные нужные человеку вещества, комплексно использовать все компоненты, составляющие конгломераты, как раз и дадут нам возможность интенсивнее разрабатывать природные ресурсы и при этом лучше охранять природу.

Не преобразовывать природу, не использовать ее богатства человек не может. Но надо иметь в виду, что не один человек — любая форма жизни преобразует природу. Скажем, кислород стал важнейшим элементом атмосферы в результате жизнедеятельности бактерий и растений. Отложения известняка являются продуктом жизнедеятельности мелких морских организмов.

Дело не в том, чтобы исключить всякое преобразование. Это невозможно. Это и есть как раз «несбыточная мечта». А в том дело, чтобы, воздействуя на окружающую среду, опираться на строгий научный расчет. В силах ли мы делать такие расчеты? Да, в силах. Правда, в настоящее время экология и совокупность наук, которые занимаются экологическими проблемами, развиты недостаточно, и поэтому зачастую наши действия плохо рассчитаны, вызывают непредвиденные, нежелательные для нас изменения в природной среде. Но это не какая-то закономерность природы или неизбежная особенность челове-

ческой деятельности. Это просто недостаточное — на данном этапе — умение рассчитать последствия, это определенный уровень развития науки, определенный технологический уровень экономики. Но уровень не останется неизменным. В последние десятилетия и годы соответствующие области науки быстро развиваются. Их надо развивать еще быстрее, так чтобы научиться рассчитывать не только прямые последствия, но и косвенные, более отдаленные, заранее компенсировать те из них, которые нам нежелательны.

Вопрос 28: «Мы знаем, что медицина во многих случаях бессильна. И тем не менее никто из нас, захворав, не откажется от услуг врача лишь на том основании, что он не владеет панацеей от всех болезней. Почему же от тех, кто охраняет и «лечит» природу, требуют сиюминутного решения всех проблем, некой тотальной защиты окружающей среды? Почему так мало людей, понимающих, что есть экологические проблемы, перед которыми люди пока бессильны? Что есть, наконец, очередность в решении природоохранных вопросов?»

— Верно. Но с одной поправкой. В медицине есть некоторые проблемы, которые действительно пока еще представляются неразрешимыми или трудноразрешимыми. Но если говорить об охране природы, о расчетах нашего взаимодействия с ней, то здесь иная картина. Это не принципиальные трудности науки, а результат того, что долгое время не обращалось достаточного внимания на эту сторону ее развития.

Что же касается требований «тотальной

защиты окружающей среды», то они, на первый взгляд говоря об обостренной, до предела развитой «экологической совести», на самом деле нередко свидетельствуют о недостаточном уровне и гражданского, и экологического воспитания. Требовать «тотальной защиты», делая вид, что экономика, нужды людей тебя не касаются, куда проще, чем решать реальные задачи.

*Вопрос 29: «Почему профессии, связанные с разработкой природных богатств, общественное мнение нередко рассматривает как «злые», «жестокие», а связанные с их охраной — как «добрые»? Почему над лесорубом маячит знак «минус», а над лесником — «плюс»? Почему первый — «злой», а второй — «добрый»? Почему, начиная еще с не-
красовской Саши, привыкли мы плакать, «как лес вырубают»? А вот попробовали бы жить эти «плакальщики», если бы леса не вырубали!»*

— Надо рубить лес? Надо. Он — важный источник многих необходимых современному человеку вещей. Но надо ли рубить так, чтобы лесные пространства уменьшались, рубить, не думая о завтрашнем дне, о наших потомках? Нет, это не только неразумно, но и экономически невыгодно. Так же как и такой подход, когда лес вообще не трогают и он гниет на корню. Значит, выход один: лесоруб и лесник должны протянуть друг другу руки и вместе разумно вести лесное хозяйство страны. Сейчас, кстати, ученые очень много думают и спорят о том, как это лучше сделать.

«Добротой» одной профессии и «жестокостью» другой мало что объяснишь. В любой

профессии есть своя «доброта» и своя «жестокость». Когда единство экономической целесообразности и бережливости по отношению к природе станет повсеместно реальной практикой, понятие доброты перестанет связываться в нашем представлении только со стороной, противоположной той, где «лес рубят — щепки летят».

Конечно, академик Е. К. Федоров был прав, говоря, что дело не в «злом» лесорубе и «добром» лесоводе или леснике. Само их противопоставление является неким заостренным символом. Подразумеваются вообще человек, осваивающий природные богатства, и тот, кто их защищает. Но само противостояние этих двух начал, которые по сути своей должны находиться в единстве, не выдуманно. Веками частная собственность отчуждала друг от друга экономику и экологию. Социализм, упразднив частную собственность, устранил первооснову противоречия, заложил фундамент новых взаимоотношений между обществом и окружающей средой, при которых, по словам К. Маркса, «коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют... свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль... совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы...»¹.

В словах этих содержится и нравственная программа того, какими должны быть взаимоотношения человеческой личности и окружающей среды в социалистическом и комму-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 387.

нистическом обществе. Они должны быть наиболее достойными человеческой природы.

Но, конечно, на практике понадобится еще не один год, чтобы «противостояние» лесника и лесоруба полностью сошло на нет и в экономической реальности, и в сознании людей, чтобы было достигнуто единство *Homo sapiens* и *Homo habilis* — человека мыслящего и человека действующего, человека, в котором гармонично соединены и активный работник в мастерской природы, и хранитель сокровищ ее храма.

Становление такой личности — знамение нашего времени, нашего общества. Но задача эта не простая, требующая и времени, и терпеливого экологического воспитания в единстве с практикой социалистического природопользования. Ибо веками до этого человека приучали к мысли: единство невозможно. Или храм — или мастерская.

Когда известного советского прозаика В. Распутина спросили: «Кем бы Вы хотели быть, если бы не были писателем?», он вот что ответил: «Лесником. Прекрасная профессия, чистая, добрая и радостная, одна из тех, совсем ныне редких, где все от начала и до конца полезно и оправданно, все служит человеку и красоте окружающего его мира, нравственному и физическому здоровью, не только нас с вами, но и наших детей и внуков»¹.

Той же самой мечтой пронизана от начала до конца «Повесть о лесах» К. Паустовского. Невозможно отделить духовный потенциал

¹ Литературная газета, 1980, 26 марта, с. 5.

отечественной литературы от чащоб, полян, далей, родников Русского леса. Она всегда была на стороне защитника природы. Но именно тогда, когда повсеместно, в каждом члене общества, соединятся человек, черпающий из природы полной чашей, и человек, защищающий, берегущий ее, можно будет сказать, что охрана окружающей среды обеспечена достоянием человеческой личности, приведена в соответствие с условиями, наиболее достойными человеческой природы.

Вопрос 30: «Почему современного человека так легко убедить в важности охраны природы в глобальном масштабе и так трудно приучить к элементарной культуре по отношению к природе рядом с собой?»

Вопрос 31: «Почему часто люди, соблюдающие моральные нормы по отношению к другим людям, считающиеся хорошими работниками и добрыми товарищами, так бесчеловечны бывают к зверям и цветам, к живой природе, когда выезжают за город и освобождаются от всяких моральных норм?»

Евгений Константинович считает, что это недостатки воспитания:

— Проявляются они не только по отношению к природе. Как известно, очень многие люди умеют правильно рассуждать о хороших и плохих поступках, но гораздо менее способны в своей жизни воздержаться от плохих поступков и совершать хорошие. Наверное, определенную роль играет и то, что поведение человека по отношению к природе лишь сейчас становится предметом особого внимания. Долгое время этим просто не занимались.

У нас до сих пор бытует представление о неограниченности природных ресурсов и пространств нашей страны. Оно в общем-то правильное. По сравнению с другими странами мы располагаем богатейшими природными ресурсами, колоссальными пространствами. Но многие годы это порождало и небрежное отношение к окружающей среде. В сознании это отпечатывалось. В привычку входило. Так что есть и некоторые объективные причины. Сейчас, однако, хотя страна по-прежнему сказочно богата природными ресурсами, мы уже при нынешних наших потребностях и масштабах производства не можем рассматривать и наши ресурсы, и наши пространства как неограниченные. Это требует от человека нового отношения к природе, в том числе и когда речь идет о «бытовой» экологической культуре.

А вообще-то «освободиться» от нравственных начал в самом себе невозможно. Или они есть — и тогда они проявляются во всем: в отношении к труду, к людям, к природе. Или их нет — и тогда жестокость к природе является выражением холодного отношения и к людям. Словом, я не вижу повода отделять «нравственное» отношение к природе от общей моральной основы человека, от его нравственного лица, обращенного к людям.

Другое дело, что в круг обостренного внимания общества, а значит, и в круг моральных взаимоотношений в нем со временем входят такие области, которые ранее этим кругом не охватывались или почти не охватывались. Экологические проблемы в этом смысле

в последнее время стали острыми нравственными проблемами.

Вопрос 32: «Может, стоит создать моральный экологический кодекс или по крайней мере включить в существующие моральные кодексы, профессиональные клятвы и т. п. новую заповедь — о защите окружающей среды?»

Вопрос 33: «Этика всегда была наукой, исследовавшей взаимоотношения между людьми. Не требует ли наше время создания новой, экологической этики, определяющей «добро» и «зло» во взаимоотношениях человека и природы?»

— Мне кажется,— говорит ученый,— в идее специальных экологических кодексов много излишнего и надуманного. В любом парке написано: не ломай деревья. Это и писать не надо. Понятно каждому. Какой тут кодекс создавать? Не ломай, не сори, не кури... Это же элементарные правила поведения человека, которые должны, конечно, распространяться и на окружающую среду. Не столько нам нужны новые кодексы, сколько исполнение простых и ясных положений. Каждый знает и понимает, что ломать те же ветви на деревьях нехорошо, что это приносит вред. Но многие не считаются с этим и продолжают ломать себе в удовольствие. Таким не экологический, а другой кодекс нужен.

Все-таки вред, наносимый природе отдельными людьми по незнанию,— явление редкое. Развивать природоохранное просвещение, конечно, надо, но наивно уповать на то, что вот просветили человека, и он сразу же бережнее станет относиться к животным и растениям,

к природе вокруг себя. Если бережное отношение не воспитано в нем с детства, не стало привычкой, то вполне может случиться так, что практическое поведение и знание, понимание окажутся в двух непересекающихся плоскостях.

Я уже говорил, что нет какой-то особой морали в отношении человека к природе, отличной от отношения человека к человеку. Сами понятия: нравственность, добро и зло, гуманизм и антигуманизм — немыслимы без соотношения с человеком. А следовательно, не должно быть и особой экологической этики.

Вопрос 34: «Чего больше надо бояться земному шару — атомного или экологического конца света?»

— Конечно, прежде всего надо опасаться мирового термоядерного конфликта. Как известно, политика мира, проводимая нашей партией, нашим государством, направлена на предотвращение такого конфликта. Он ведь нанес бы природе непоправимый ущерб, изменил бы ее коренным и конечно же вредным для человека образом. Но, разумеется, это были бы не главные последствия термоядерного конфликта. Потому что после него проблема охраны окружающей среды вряд ли вообще имела бы сколько-нибудь актуальное значение.

Не следует ожидать экологического «конца света». Но в настоящее время уже нельзя рассматривать природу земли как нечто безграничное, неисчерпаемое и неизменно стабильное. Воздействие человека на окружающую среду усилилось до такой степени, что уже не-

обходимо строго рассчитывать это воздействие, чтобы оно не стало неуправляемым.

Карл Маркс еще более ста лет назад писал, что культура, если она развивается стихийно, а не направляется сознательно, оставляет после себя пустыню. В пример он привел гибель ряда древних цивилизаций. Но мысль его была конечно же обращена в будущее. И это был очень дальновидный взгляд на развитие взаимоотношений цивилизации и природной среды. Сегодня наступил тот период, когда в интересах человечества его культуру, развитие всей цивилизации требуется направлять сознательно. Ибо сейчас действия по отношению к природе в одной стране могут иметь далеко идущие последствия для благополучия населения соседних стран, а то и целых континентов.

Возьмите такой пример. Нефтяная пленка покрывает поверхность Мирового океана, и это оказывает определенное влияние на кругооборот воды в природе, а следовательно, и на климат. Этот «вклад» в загрязнение вносят отдельные, хотя и не единичные, страны, а нежелательные его последствия касаются всего человечества. Очень высокими темпами вырубаются тропические леса. А они являются основным элементом природы, поставляющим кислород в атмосферу.

Таким образом, в настоящее время существует очень сильная взаимозависимость между странами в отношении их воздействия на природу. И именно поэтому чрезвычайную опасность для защиты природы представляет собой курс нынешней администрации США на достижение одностороннего военного превос-

ходства, на подрыв международного сотрудничества в различных областях. Если будет отсутствовать сотрудничество между странами, возможность объединить и усилия, и значительные средства для осуществления серьезных природоохранных проектов планетарного масштаба, человечество может столкнуться с очень серьезными неприятностями. Причем в ближайшие десятилетия.

Для того чтобы защитить природу земли, надо прежде всего обеспечить мир, воплотить в действительность ту Программу мира на 80-е годы, которая была провозглашена XXVI съездом КПСС.

Слушая слова академика Федорова о борьбе, которую ведет наша страна за мир на планете, а следовательно, и за жизнь в ее биосфере, я думал о том, что во все времена понятия «природа» и «родина» были неразделимы и любовь к родине начиналась с любви к родному дому и природе окрест него. Но сегодня человек может уже не мысленным взором окинуть, но буквально — с космической орбиты — увидеть всю Землю. «Угол зрения» на мир и у человека, и у человечества резко расширился. И современный человек все чаще ощущает всю планету Земля своим отечеством в бесконечных пространствах и мирах Вселенной.

Да, с выходом человека в космос в нашей жизни утвердилось «чувство планетарности». Но не надо забывать, что оно было подготовлено всем духовным опытом человечества. Уже во «вселенских» пейзажах Александра Иванова есть чувство природы как вместилища всего человечества. Уже Лер-

монтов в «Демоне» охватил единым взглядом (как будто бы с орбиты!) весь Кавказ, и это в те годы действительно было гениальным прозрением. Уже в полотнах Чюрлениса звучала космическая симфония умирающих и рождающихся солнц.

А каким глубоким, новым содержанием обогатилось «чувство планетарности» в советской действительности! Мальчишки 30-х годов играли в челюскинцев и папанинцев, в Чкалова и Громова, в защитников Испанской республики и зачитывались книжками Беляева и Жюль Верна о полетах в космическое пространство. Уже тогда сама советская действительность формировала важную черту людей социалистического общества — единство чувства родины, патриотизма и чувства интернационализма, причастности ко всем болям и радостям человечества. И именно этим единством порождается наша сегодняшняя тревога за судьбу мира на планете Земля.

Война вообще противостоит нормальным, естественным взаимоотношениям человека и природы. Всегда, во все века.

Об этом писал во «Фронтовом дневнике» в 1941 году, во время Смоленского сражения, Евгений Петров: «Вот опять наступил новый день, и в артиллерийском громе, никогда не прекращающемся, взошло солнце, восход был необыкновенно красив. Но я поймал себя на том, что красоту эту я воспринимал только умом. «Вероятно, это красиво», — подумал я. Но сердце ничего не говорило мне. Во время войны красоты нет. В день, когда Гитлер будет побежден, — в

первый день мира — люди снова поймут, как красива природа, которая их окружает. А сейчас этот голый продолговатый холм, который только что был сиреневым в сумерках рассвета и сразу осветился солнцем и стал лимонным и сверкающим,— в сущности говоря, даже и не холм. Это высота номер такой. С нее виден Смоленск, и за обладание этой высотой уже недели две идет упорный бой. А эта русская березка, что стоит у дороги,— не березка вовсе, а отдельное дерево. Так оно и обозначено на карте. И речка — не речка, а рубеж. И опушка леса — не опушка, а отличная позиция для огневой точки.

Война отняла у природы все»¹.

Эту книгу, изданную еще в войну, четыре десятилетия назад, и случайно откопанную мной на библиотечной полке, я читал в летний день на берегу Пахры. Березы на горе, за рекой, шевелили под ветром зелеными мизинцами вершин. У самого берега сквозь листву пробивался солнечный луч, достигал дна, и оно светилось сквозь туманную воду тусклым, коричневым золотом.

Вокруг была объемная, стереофоническая природа срединной России. Клубились до горизонта пронизанные солнцем леса, все в душных медовых запахах. Бледно, по-северному, синел цикорий у обочин проселочных дорог. На полянах в то лето земляники было так много, что люди, засыпая, видели перед глазами ее алые россыпи в зеленой траве. Вокруг был мир.

¹ Петров Е. Фронтвой дневник. М., 1942, с. 29—30.

7

И яркой радуге окрестность рада,
Которая игрою семицветной
Изменчивость возводит в постоянство...
В ней — наше зеркало. Смотри, как схожи
Душевный мир и радуги убранство!
Та радуга и жизнь — одно и то же...
Потребуется сила знания вся,
Чтоб чудо красоты представить свету.

Гёте. «Фауст»

**ПО ТУ СТОРОНУ
РАДУГИ**

Неожиданная радуга среди переплетений проводов, нагромождения приборов и датчиков. Ее семицветие как бы противостоит миру формул, интегралов, графиков. Но на самом деле радуга на плакате (его я вижу в одной из лабораторий Института физики Академии наук Эстонской ССР) — это просто шкала, где отмечены участки светового спектра, в которых работают различные типы лазеров.

Со стороны подобные столкновения красоты и чернового исследовательского труда могут показаться символичными. Здесь же их просто не замечают. Хотя в физических лабораториях и горят, поражая воображение дилетантов, прекрасные разноцветные лучи, все же свет для тех, кто здесь трудится, — это кванты, энергетические уровни атомов, всплески графиков и цепочки формул. Работа «по ту сторону радуги» — их быт.

Впрочем, повседневное дело, которым занимается Пеэтер Саари и руководимый им сектор института, — оптика, взаимодействие света с веществом — это все-таки область физики, ближе всего соприкасающаяся с поэзи-

ей и многокрасочностью окрестного мира. Не ставя такой задачи непосредственно, она тем не менее объясняет физическую первопричину красоты.

Возьмите люминесценцию, с которой, начиная со студенческих лет, имеет дело Саари. У нее есть точное научное определение. Но разве может оно полностью выразить тревожное мерцание светлячков в ночном лесу и неясных огней на болотах или фантастическое свечение теплых южных морей? Разве менее убедительно поэтическое определение люминесценции, которое подарил нам в своем «Черном море» Константин Паустовский: «Море горело. Казалось, его дно состояло из хрусталя, освещенного снизу лунным огнем...

Белый огонь набегал на пляж, и было видно все дно. Камни и жестянки, валявшиеся под водой, покрылись тонкой огненной росой.

Сметанина зачерпнула воду в ладонь. Сквозь пальцы полились с плеском струи жидкого магического света»¹.

Правда, то, что непосредственно исследует Пеэтер Саари, действительно находится уже на такой далекой от нашего обычного восприятия грани, которая трудно поддается зримым аналогиям. В 1981 году он вместе со своим учителем, президентом АН Эстонской ССР, членом-корреспондентом АН СССР Карлом Карловичем Ребане, и членом-корреспондентом АН Эстонии Владимиром Ва-

¹ Паустовский К. Г. Собр. соч. В 6-ти т. М., 1957, т. 2, с. 89, 90.

сильевичем Хижняковым получил диплом об открытии нового природного явления — «горячей люминесценции». Еще ранее за цикл опытов в этой же области он стал лауреатом премии Ленинского комсомола. К нашим бытовым представлениям («холодно», «горячо») это прямого отношения не имеет. Речь идет об излучении, которое выплескивается из недр еще «не успокоившегося» вещества...

Но не буду утомлять тебя, читатель, рассказом обо всех тонкостях этой поистине ювелирной работы. Скажу только, что если еще не так давно единственным способом получить информацию о сверхбыстрых процессах, протекающих в молекулах, были косвенные методы, то теперь лазерная техника позволяет применять и прямые методы. И, к примеру, сама регистрация горячей люминесценции в свое время была связана с экспериментами на грани фантастики, а теперь в секторе, которым руководит Саари, занимаются тем, чтобы дать ей временную развертку, проследить ее изменение во времени.

Спокойное, неторопливое течение веков над холмами древнего Тарту. И рядом, в каком-нибудь получасе езды автобусом, в Институте физики, работают пикосекундные лазеры, рождающие немислимо короткие по времени импульсы.

Что для нас самое короткое время? Секунда. Если менее определенно — мгновение, миг. А физики уже создали лазеры, которые излучают импульсы света в течение пикосекунд и их долей. Пикосекунда — это секунда, разделенная на 1 000 000 000 000 частей. Представьте: за секунду световой луч мог

бы совершить семь с половиной кругосветных путешествий. А за пикосекунду он проходит всего 0,3 миллиметра.

Пикосекундная спектроскопия как новое научное направление рождается и самоутверждается буквально на наших глазах. Первые посвященные ей международные научные конференции состоялись в 1978 году: весной — в США и осенью — в Таллине (кстати, на последней заместителем председателя оргкомитета был Пеэтер Саари).

Итак, дело жизни, каждый новый трудовой день связаны для Пеэтера с фундаментальными исследованиями вещества и энергии на молекулярном и атомарном уровнях, которые, в свою очередь, имеют прямое отношение к созданию новых материалов, особенно для тех областей экономики, науки, техники, где работают полупроводники и квантовые генераторы, к изучению механизма фотосинтеза. Вот главное, чему отдает он свое время и чем прежде всего известен в научных кругах. Но мы беседовали с ним не о «горячей люминесценции» и не о пикосекундных лазерах.

Вопрос 35: «Умозрительно я понимаю, что мои знакомые из гуманитарного мира ничем не хуже меня. Но не могу, не погрешив против истины, трезво не отметить, что отсутствие в их образовании таких фундаментальных начал, как матанализ, квантовая механика, теория относительности, делает их мировосприятие, их мышление более приблизительным, метафизичным, менее диалектичным. Словом, я, рядовой МНС, чувствую себя в силах, если потребуется, разобраться в гу-

манитарных премудростях, в искусстве например. А вот под силу моим гуманитарным собратьям освоить азы (не школьные, конечно) современной физики или математики?»

Вопрос 36: «Эйнштейн играл на скрипке. Бородин писал оперы. Но среди обыкновенных исследователей, инженеров сколько я встречал людей, бравирующих своей «физической», «математической», «биологической» односторонностью и ставящих художника или актера на несколько ступенек ниже себя. Не слишком ли многое теряет человек в формировании своей личности от той саморазорванности интеллектуального и художественного начал, которую несет с собой современная НТР?»

Из читательских вопросов, которые я хочу задать Пеэтеру Саари, первыми выбираю эти, уже хотя бы потому, что, по рассказам друзей и коллег, искусство — область особых его интересов. На философских семинарах для молодых физиков, которые он ведет, часто обсуждаются темы, связанные с соотношением художественного и научного творчества. Позже, побывав у него в гостях, познакомившись с его коллекцией экслибрисов, с собранными им изданиями «Калевалы» из разных стран, слушая его суждения о живописи, я отмечу для себя не только интерес к искусству, но и тонкий, сказал бы даже — изысканный вкус. Но это — потом. А сейчас Пеэтер, мягко улыбаясь, трогает русую бороду:

— Знаете, мне, наверное, повезло. Тарту — город с богатой историей, с богатыми культурными традициями. И как же мы, физики, можем поставить, положим, актеров

ниже себя, когда мы гордимся своим театром — одним из интереснейших в стране, когда воспитаны в уважении к нему еще с университетской скамьи?! К тому же город небольшой, и связи между научной и художественной интеллигенцией у нас весьма тесные, правда, как нам думается, все же не совсем еще достаточные. Да и так уж получилось: в институте собрались люди, любящие искусство, хотя, естественно, собирали их не по этому признаку.

Но я понимаю, что и автор вопроса не выдумал людей, о которых пишет.

Когда молодой физик или математик неплохо ориентируется в музыке, живописи, литературе и на этом основании берет на себя право профессионально судить об искусстве, в силу того, что и образование, и сам характер работы в естественных науках действительно неплохо оттачивают аналитическое мышление, суждения этого физика или математика могут показаться непривычными, оригинальными, свежими и даже новаторскими по сравнению с «традиционными» суждениями специалистов.

Но все-таки между читательским или зрительским мнением, даже если оно обнаруживает оригинальность мышления автора, и подлинным проникновением в тайны художественного творчества пролегает дистанция огромного размера. Во всяком случае, у «первой скрипки» физической науки в XX веке — Альберта Эйнштейна — хватало чувства такта не считать себя первой скрипкой даже в скромном музыкальном коллективе, хотя, по отзывам, играл он на скрипке хорошо.

Конечно, бывают и счастливые симбиозы художественного и исследовательского таланта. Не знаю, например, как точнее будет сказать: «Химик Бородин писал оперы» или «Композитор Бородин открывал новые химические закономерности». Но все-таки это скорее исключение, а не правило. И поэтому очень важно, любя искусство, увлекаясь им, даже любительски занимаясь им, в то же время понимать, что это сложный мир со своими глубинами, законами, секретами. Освоение их требует и особой направленности таланта, отличной от направленности его в науке, и большого опыта, приобретаемого многолетним изнурительным трудом.

Люди искусства обычно к специфике науки относятся с пиететом и даже побаиваются ее. А вот представители естественных наук специфику искусства понять порой не хотят, ибо внешне язык живописи или литературы такой «простой» и «понятный». Но, честно говоря, еще вопрос, что труднее осознать во всей глубине — идеи теории относительности или философско-художественные концепции «Божественной комедии», «Фауста», «Евгения Онегина».

Многим работникам науки, овладевшим высотами логического мышления, еще надо подниматься до уважения к художественному мышлению. Это проблема не только «образовательная», но и моральная, ибо излишнее самомнение, обращенное, казалось бы, своим острием за границы науки, не может не сказаться на нравственном климате и в самой науке.

Научный подход может лишь дополнять,

но не подменять истинное восприятие искусства (думаю, это относится и к гуманитарным наукам). Ученый, если это настоящий ученый, понимает, что новые знания делают нашу жизнь ярче, многоцветнее и что знания, в широком смысле этого слова, добываются не только в научных лабораториях, но и — пусть отличными от математических и физических методами — на театральных репетициях, за столом писателя, за мольбертом художника. Однако это совсем не значит, что науку как форму общественного сознания можно отождествить с искусством. Уже хотя бы потому, что искусство в гораздо большей степени срослось с нравственными проблемами. И как раз в отчуждении внутреннего мира ученого от искусства или в попытке свести искусство к научным формулам таится большая опасность невосполнимых нравственных потерь для личности.

Вопрос 37: «Нужны ли нашему веку энциклопедисты, да и реальны ли они сегодня?»

Вопрос 38: «Есть в науке сверкающие, яркие личности и есть современные скромные Дымовы. Чехов отдает свои симпатии последним. А Вы?»

— А я согласен с Чеховым, — говорит Пеэтер. — Только с добавлением, что современным Дымовым может оказаться и очень яркая личность. Водораздел определяется не замкнутостью или общительностью, а отношением к делу наедине с ним, нравственной ответственностью за свое дело.

Специализация в науке достигла предельных рубежей. Но и сегодняшняя ее интегра-

ция тоже не имеет прецедентов в прошлом. Каждый новый шаг в тайны природы оплачивается большой концентрацией интеллектуальных сил. Несмотря на то что такую концентрацию являют собой обычно коллективы, а не личности, все же время энциклопедистов, мне кажется, еще не минуло. Во всяком случае, я определенно могу, например, назвать несколько энциклопедически образованных людей, живших в XX веке: Владимир Ильич Ленин, Норберт Винер, Максим Горький. О ныне живущих говорить не будем. Но такие люди есть и сегодня.

Точка зрения Пеэтера Саари может показаться небесспорной. Однако она опирается на довольно прочное основание. У нас нередко вспоминают слова Ф. Энгельса из «Диалектики природы»: «Это было время, нуждавшееся в гигантах и породившее гигантов, гигантов учености, духа и характера»¹. Но при этом обычно подчеркивают, что относятся они к эпохе Возрождения, а в наши дни, мол, на смену энциклопедистам пришли «коллективные энциклопедисты» — большие исследовательские организации.

Между тем слова эти могут быть обращены не только в прошлое, но и в будущее. Более того (и тут, я думаю, Пеэтер Саари прав), они вполне могут быть соотнесены с нашим XX веком. Он тоже нуждался в гигантах и породил гигантов учености, духа и характера. Эту очевидность — по крайней мере в отношении наших современников — мы не всегда склонны признавать то ли в силу разных

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 508.

сиюминутных предрассудков, то ли потому, что «большое видится на расстоянии».

Никогда еще личность не сливалась так неразделимо с коллективом, как в нашем веке. Но никогда прежде она и не получала таких возможностей для разностороннего раскрытия своих способностей, талантов, для удовлетворения своей жажды знать и действовать. Никогда ранее не воспринимал человек так остро невыносимость противоречия между бесконечными горизонтами познания и конечными сроками человеческой жизни.

И пока существует это противоречие — а оно будет существовать всегда, пока существует род человеческий, — будут и почва для энциклопедизма, и сами энциклопедисты. Только, естественно, изменится смысл этих понятий. Многие из того, что раньше являлось признаком энциклопедически образованной личности, станет заботой блоков памяти электронно-вычислительных машин п-х поколений. А человек освободит свой мозг для познания и осмысления наиболее общих связей и процессов мироздания, для проникновения к самым отдаленным его горизонтам.

Для того, кто ограничивает свои интересы окрестностями своего «я», нередко весь другой, бесконечный мир рассыпается хаосом несвязуемых вещей, фактов, явлений, и человек барахтается в «потоке сознания». Тот же, кто с доверием и интересом впитывает в себя весь мир, не обожествляя, но и не недооценивая при этом свое «я», стремясь найти общие связи, соединяющие мир в единое целое, — тот уже в самом своем взгляде на мир содержит противоядие и против догматиче-

ского возвышения своей личности надо всем и вся, неприятия того, что выходит за рамки твоей узкой специализации, и против всеядного приятия мира в виде некой окрошки из разнородных идей, фактов, впечатлений.

Вопрос 39: «Кажется, к настоящему времени уже разобрались в том, что моральный и образовательный уровни личности не находятся в прямо пропорциональной зависимости. Но, может, тут обратно пропорциональная зависимость? Ведь именно люди старшего поколения, менее образованные, сегодня часто оказываются проповедниками морали, в то время как многие молодые люди с дипломами смотрят на моральные нормы как на некую условность?»

— Это очень сложный вопрос,— говорит Пеэтер.— Однако в таком виде он поставлен слишком упрощенно. Ведь подкрепленный дипломом образовательный уровень еще не есть образованность. Мне кажется, моральный уровень личности подвергается опасности всегда, когда нарушаются пропорции между нравственным и интеллектуальным ее развитием.

Люди старшего поколения, наши учителя (во всяком случае, я могу это утверждать о своих учителях) — личности, до образованности в подлинном смысле этого слова, до глубины и широты знаний которых многим из молодых еще расти и расти, учиться и учиться, работать и работать. Кстати, являясь людьми высоких моральных принципов, они не любят проповедей. Благодаря таким людям рост образовательного уровня нового поколения сопровождается развитием его

моральных качеств. Так укрепляются от поколения к поколению нравственные устои науки, хотя одновременно и быстро умножаются добытые ею знания.

Сама попытка поместить на одном полюсе, связав его с людьми старшего поколения, более строгие моральные нормы, а на другом, связав его с молодыми людьми, более высокий уровень знаний, представляется мне в корне неверной. Уже хотя бы потому, что от поколения к поколению передается не только эстафета знаний и умений, но и нравственная эстафета. Главным же образом потому, что в нашем обществе людей разных возрастов объединяют общие принципы социалистической морали. И они полярно противоположны морали буржуазной. Вот здесь действительно принципиальное противостояние. И возраст при этом роли не играет.

Мне думается, в этом с Пеэтером Саари нельзя не согласиться. Как связаны между собой образовательный и моральный уровни личности, как эта связь изменяется во времени, от поколения к поколению? Здесь существует много различных аспектов. Известный советский архитектор А. К. Буров, например, задумывался над тем, почему некоторые современные зодчие, которые по уровню, по объему знаний конечно же ушли далеко вперед от древних мастеров, не в силах подняться в своем творчестве до таких вершин, как Парфенон, храм Покрова на Нерли, Дмитриевский собор во Владимире. «Художественная ценность произведения любой эпохи, — писал он, — определяется не столько абсолютным уровнем знаний, сколько единст-

вом знаний, воплотившихся в произведении, будь то дом или поэма.

Уровень знаний народного мастера может быть невысок, но все, что его окружает как творение его рук, как искусство, — прекрасно, потому что находится в единстве. ...Произведения человеческих рук были прекрасны тогда, когда они были суммой всех знаний своего времени и были на уровне своего времени»¹.

Дело не в объеме знаний, а в том, насколько разумно и целенаправленно человек распорядился знаниями своего времени, насколько сильны в нем жажда цельности и умение привести знания своего века в гармонию. И не просто в теории, а на практике, в воплощении своих замыслов.

Конечно, сегодня приводить в гармонию знания куда сложнее, чем во времена Древней Греции или Владимиро-Суздальского княжества. Конечно, сама гармония воплощается в совсем иных строениях и ансамблях. Но именно по этой линии и могут идти сопоставления, по этой линии передаются традиции и в научном, и в художественном творчестве от века к веку, от поколения к поколению.

В известном смысле можно говорить и о приведении в гармонию, в единство нравственных принципов личности. Но при этом ни на минуту не следует забывать, что мораль носит исторический и на данном этапе истории классовый характер. К примеру, в каких целях — гуманных или антигуманных — бу-

¹ Буров А. К. Об архитектуре. М., 1960, с. 76.

дуг применены личностью новые знания, зависит не столько от уровня знаний, сколько от того, мораль какого класса добровольно или невольно, а может быть и подневольно, осуществляет на практике эта личность.

Более того, важно, с каким этапом развития моральных воззрений того или иного класса мы имеем дело. Многие принципы, которые когда-то проповедовала молодая, идущая к власти буржуазия, сегодня, духовно одряхлев, она же выбрасывает за борт. И если в свое время «Робинзон Крузо» Дефо явил собою гимн безграничным возможностям человеческой личности, которая отождествлялась автором именно со становлением личности буржуазной, то сегодня современная идеологическая продукция капиталистического класса во всем ее диапазоне — от философских трактатов до газетной уголовной хроники — становится апофеозом разрушения личности, обесценивания человеческой жизни.

И не случайно в США и других развитых капиталистических странах появилось сейчас немало «исследователей» — самоучек и «вольных художников», экспериментирующих над жизнью своих сограждан, занимающихся, так сказать, «познанием со взломом» и отбрасывающих при этом всякие моральные нормы. В Лос-Анджелесе один из таких «исследователей» открыл огонь по самолету на взлетной полосе. Состав преступления в совершенном он не находил. Он, видите ли, на практике изучал «эстетику соотношения движения и пространства». Другой «вольный художник» подложил бомбу под знаменитый

Бруклинский мост в Нью-Йорке (она не взорвалась лишь случайно: отказал взрыватель). Но, по его мнению, это была не бомба, а «кинетическая скульптура», и сам он — не террорист, а «скульптор-инвайронменталист» (от английского «инвайронмент» — «окружающая среда») ¹.

Если бы это были отдельные случаи отклонений от нормальной психики у отдельных людей, о них можно было бы и не вспоминать. К сожалению, зачастую они являются лишь экстремальным, крайним, но в то же время и наиболее последовательным выражением той аморальной политики, которую проповедают и проводят на практике «хозяева жизни» в капиталистическом обществе.

Этот процесс разрушения морали, разрушения личности касается и мира ученых. Голландское телевидение взяло интервью у американского физика, изобретателя нейтронной бомбы Сэмюэла Коэна. Его ответы, полные циничного геростратовского самодовольства, обнаруживают у этого человека, конечно же владеющего новейшими физическими знаниями, полное отсутствие элементарных зачатков совести, представлений о гуманности.

В течение двух десятилетий он работал над самым бесчеловечным в истории оружием массового уничтожения. Тележурналист спросил: «Неужели вам в связи со всем этим за последние 20 лет никогда не приходила мысль: что же я изобрел?» Коэн ответил: «Нет, никогда. Это оружие гораздо более

¹ См.: Комсомольская правда, 1981, 20 августа.

точное, чем любое из изобретенных когда бы то ни было. Это звучит как похвальба, но, кстати сказать, это действительно так»¹.

Сам капиталистический образ жизни порождает такие чудовищные, опасные для человечества отклонения от элементарных нравственных норм.

Иная картина в социалистическом обществе. Современный человек, живущий в условиях социализма, получил в наследство, берет на вооружение и развивает дальше и знания, и нравственный опыт, который накапливался многими поколениями. Та жажда цельности, что зовет человека привести в гармонию и употребить в дело, на благо всех, знания о мире, зовет его и упорядочить, привести в гармонию свои представления о добре и зле, о том, что такое хорошо и что такое плохо, опираясь на весь нравственный опыт человечества.

Наша мораль, как говорил, обращаясь к делегатам III съезда комсомола, В. И. Ленин, «служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда»². Она провозглашает активную борьбу против всего, что сковывает и разрушает личность трудящегося человека, отчуждает ее от общества.

Принципы, заложенные в фундамент морального кодекса строителя коммунизма, выражают мораль победившего пролетариата. Но эти принципы выражают и представления о нравственности всего советского народа, и те этические идеалы, к которым веками

¹ Литературная газета, 1981, 19 августа.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 313.

стремилось трудящееся большинство человечества. Именно поэтому они являются этическими маяками на пути в будущее для всех народов.

И вот здесь, пожалуй, сходятся и подают друг другу руку на дружбу наука, искусство, нравственность. Их объединяет стремление освобожденной социализмом человеческой личности к бесконечному познанию и совершенствованию себя и мира во имя счастья людей на планете Земля и во всех уголках Вселенной, которых со временем люди достигнут. Их объединяет жажда цельности, жажда привести в гармонию, в соответствие с гуманными ориентирами все, что познает человек...

Существует притча о человеке, который узнал, почему небо синее и как рождается радуга, и после этого уже не мог восхищаться ими, а видел лишь «сухие» законы физики. Но Пеэтер Саари, человек, самым главным началом в котором, бесспорно, является любовь к физике, навряд ли был бы счастлив в мире, где ничего нет, кроме физики. Мне нравится его ответ на вопрос корреспондента тартуской городской газеты: «Не считаете ли вы, что для ученого все, не связанное с его наукой, должно отойти на второй план?» Он сказал: «Отнюдь нет. Если бы физика была для меня единственным в жизни, я бы чувствовал себя внутренне несвободным в своем жизненном выборе. Хорошо утром переступить порог лаборатории. Но и хорошо вечером переступить порог своего дома».

Для человека, знающего, как дорог любому эстонцу круг своего дома, своей семьи, ясно,

что уже за одним этим уравниванием в правах физики и уюта родного очага стоит определенное отношение к миру, неподвластное ограничению его только стенами лаборатории или только стенами своей квартиры.

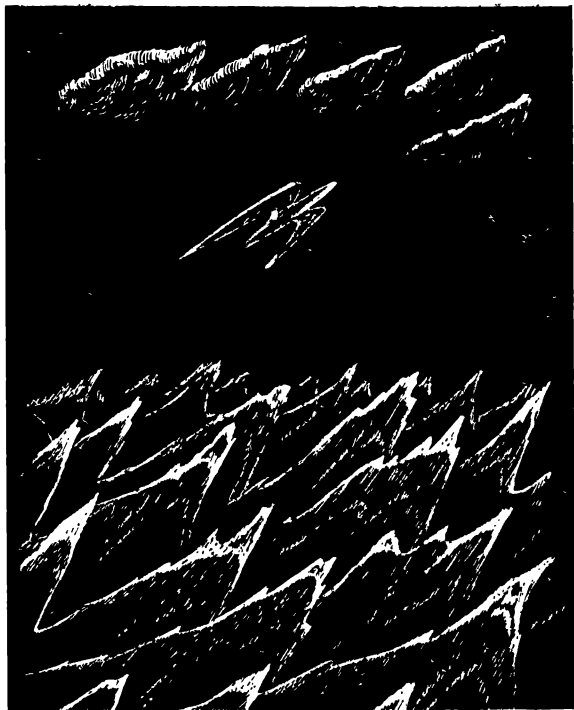
Летом, на отдыхе, он любит рано встать, чтобы увидеть восход. Давайте, положив руку на сердце, вспомним: много ли раз мы с вами в жизни наблюдали восходы, особенно ранние, летние? Дело, казалось бы, такое привычное. А вот большинство из нас просто просыпает свои рассветы.

На рассвете приходят утренние мысли. О главном.

У литовского художника Стасиса Красаускаса есть триптих «Стремление». На каждом из графических листов всего три элемента — человек, птица и линия горизонта. Но говорят они о многом. Пока человек не помышляет о выходе из замкнутого круга привычного течения жизни, покорно сгибаясь по форме этого круга, он очень далек не только от идеала, но и от черты, где проходит граница между мечтой и действительностью. И более того — мечта тоже далека от этой черты. Когда человек начинает действовать, работать, бороться во имя идеала, он сам приближается к горизонту и приближает к нему мечту. И, наконец, когда человек разрывает тяготение привычного, переходит в мир новизны, открытий, когда он пересекает линию горизонта, действительность становится прекрасной и, может быть, превосходит мечту.

Брось вечность утверждать за облаками!
Нам здешний мир так много говорит!
Что надо знать, то можно взять руками.
Так и живи, так к цели и шагай,
Не глядя вспять, спиною к привиденьям,
В движенье находя свой ад и рай,
Не утоленный ни одним мгновеньем!

Гёте. «Фауст»

**АУДИТОРИЯ
РЕМА ХОХЛОВА**

«Не утоленный ни одним мгновеньем» — такими словами завершает свой последний монолог еще не ослепленный, еще ясно видящий мир Фауст. «Повремени, мгновенье!» — такую возможность он признаёт позже, уже в ослеплении. И этот гимн вечному движению, вечной жажде познания представляется мне очень созвучным нравственному кредо современного советского ученого.

Вопрос 40: «Сегодня, чтобы что-то серьезное сделать, надо с головой уйти в глубину. Ни на что другое времени не остается. Насстоящие ученые — такие. Так зачем «декорации», разговоры об их якобы разносторонности?»

Вопрос 41: «Мы даем молодежи в качестве идеала личность ученого, которому приписываем энциклопедизм, универсализм. А потом молодые люди встречаются в лабораториях далеко не Эйнштейнов и Ландау. И под вопрос ставится сам такой идеал. Не теряем ли мы многое в нравственном воспитании молодого исследователя, ставя планку выше потолка его моральных возможностей?»

Вопрос 42: «Сталкиваясь с учеными, проявляющими большую широту знаний, чувст-

вующими гораздо больше, чем их коллеги, градации в науке, искусстве, жизни, я задаюсь вопросом: что ими движет кроме естественной для каждого из нас любознательности? Долг? Но они никому ничего не должны, зная в своей области гораздо больше других. Моральная ответственность? Но перед кем и за что?»

По сути, разговор об этих вопросах уже шел выше. Для его продолжения я выбрал иную, чем в предыдущих главах, форму. Здесь я расскажу о личности реального ученого, нашего современника.

В славном своими традициями Московском университете не так уж много именных аудиторий. Этой чести удостоены ученые, которые не только оставили яркий след в науке, но и были особенно любимы в стенах МГУ, в стране, в мире. Одна из самых больших университетских аудиторий носит имя Рема Викторовича Хохлова.

Мне очень хотелось бы пригласить его в собеседники с читателями. Но в этой главе не будет диалога. Можно было бы, конечно, следом за читательскими вопросами поместить его подлинные слова — из опубликованных статей, интервью, бесед, из моих блокнотов. Они, по сути, отвечали бы на эти вопросы. Но некорректность такого решения не столько в том, что с формальной точки зрения в реальности эти вопросы Хохлову не задавались и он непосредственно на них не отвечал. Дело еще в том, что, будучи человеком несловоохотливым, он отвечал на подобные вопросы не столько словами, сколько действиями, поступками, своими граждан-

скими позициями, обаянием своей личности. Всей своей жизнью.

Да, действительно, властителями душ и умов на протяжении столетий были полководцы и художники, общественные деятели и поэты. И как-то резко, сразу, с середины XX века в их круг вошли ученые. На самом деле, конечно, не так уж резко и не так уж сразу. Ибо и в античные века, и в эпоху Возрождения, и в Новое время авторитет ученого был довольно высок. Но уже Сен-Симон полагал, что «счастливой будет та эпоха, когда честолюбие начнет видеть величие и славу только в приобретении новых знаний и покинет нечистые источники, которыми оно пыталось утолить свою жажду. То были источники бедствий и тщеславия, утолявшие жажду только невежд, героев, завоевателей и истребителей человеческого рода»¹. А посему: «Пусть они иссякнут всеми покинутые и пусть более не дурманят этих надменных смертных. Довольно почестей Александрам! Да здравствуют Архимеды!»²

Почему именно в наши дни молодые люди все чаще сверяют свои жизненные цели по ориентирам таких личностей, как Курчатов, Келдыш, Королев,— это даже не требует особых объяснений. Однако в феномене резкого возрастания авторитета ученых заключено не только справедливое признание великой роли научно-технической революции. В нем содержится и серьезная опасность, что личность крупного ученого может быть поднята

¹ Сен-Симон А. К. Собр. соч. Москва — Петроград, 1923, с. 8.

² Там же.

на пьедестал вне зависимости от того, какая это личность.

Я этим хочу сказать, как важно для молодых не быть слишком восторженными, нерассуждающими, слепыми, когда они сотворяют себе кумиров в мире вообще и в мире науки в частности. Но хочу я сказать и другое: как важно — и для мира науки, и вообще для мира — нравственное наполнение личности ученого. Как важно не спутать с чистой совестью закономерную в исследованиях добросовестность, соблюдение общепринятых в научной среде элементарных правил, относящихся скорее к чистоте экспериментов и обнародования их результатов.

Из неких, общих для науки принципов порядочности, из некоего ее «рыцарского кодекса чести» еще совсем не следует автоматическое и неизбежное произрастание личности с высокими моральными достоинствами. Для этого кроме любых профессиональных кодексов необходима и определенная общественная почва. Важно, чтобы сама личность ученого формировалась в мире, четко ориентированном на служение людям, на противостояние злу и насилию.

Не поняв этого, трудно объяснить секрет того, как Рем Хохлов, будучи для многих исследователей мира эталоном большого, новаторски мыслящего ученого, будучи сильной, добивающейся своих целей личностью, получил и иное, куда более трудное признание — он был нравственным эталоном для молодежи, идущей в науку, и нравственным камертоном для зрелых людей, работающих в ней. Причем, по натуре своей глубоко чуждый

всякого рода кумиротворению и идолопочитанию, он ни шагу не сделал навстречу легендам о самом себе. Он просто жил. Работал. Оставался самим собой. Точнее, становился, ибо во многом он сам себя сформировал таким, каким, по его понятиям, должен быть обыкновенный, уважающий себя и других человек.

Друг юности спросил его: «Зачем тебе горы? Что тебя туда тянет?» Однажды, когда летели над Памиром, этот же вопрос задал пилот. Тогда Хохлов отшутился: «А зачем вам высший пилотаж?» Другу он ответил иначе:

— Вот видишь, стена?

— Ну, вижу.

— Залезешь по ней на крышу?

— За кого ты меня принимаешь?

Улыбнулся:

— Нормальная человеческая реакция. Это невозможно. Но ведь есть же едва заметные выступы, карнизы. Можно найти путь, где на первый взгляд его нет. И это чертовски интересно!

Он любил и в жизни, и в науке искать и находить эти, невидимые многим «выступы».

Есть в физике такое понятие: нелинейность. Если взять, например, обыкновенный маятник, то при малых колебаниях зависимость между отклонением от положения равновесия и возвращающей силой прямо пропорциональная. Линейная — скажет физик. Но если колебания усиливаются, если мы имеем дело с большими энергиями, зависимость становится гораздо сложнее. Рема Хохлова интересовали именно такие — нелинейные —

явления. С ними связаны работы, принесшие ему мировую известность. Но и сам он как личность не поддается прямолинейным аналогиям.

Он привык работать под большими перегрузками. Но иногда перегрузки переходили земные пределы. В последние годы это случалось не так уж редко. И тогда на лице его обозначались резкие, жесткие морщины, под глазами — мешки. И обычная хохловская улыбка, доброжелательная улыбка понимания и собеседника, и мира, пробивалась сквозь свинцовую усталость. Лицо космонавта под перегрузками ракетного старта. Лицо ученого, задумывающегося над фундаментальными проблемами бытия. Лицо человека, который за последние 15 лет, сжимая время и успевая за годы сделать то, на что другим не хватает и жизни, прошел путь от кандидата наук, одного из тысяч в нашей стране, до лауреата Ленинской премии, ректора Московского университета, академика, исполняющего обязанности вице-президента Академии наук СССР, члена Центральной ревизионной комиссии ЦК КПСС, депутата Верховного Совета СССР, вице-президента Международной Ассоциации университетов.

Но в эти же годы его можно было увидеть и другим. 15 июля 1976 года на утренней линейке в альпинистском лагере на леднике Фортамбек первым в шеренге стоял атлетически сложенный, стройный, загорелый человек в шортах, кедах, ковбойке. Удивительно молод был он в эти минуты — никак не дашь больше тридцати. Таким был Рем Хохлов в день своего пятидесятилетия. И доб-

ратся до юбиляра было нелегко. Для этого надо было подняться на четырехкилометровую высоту, до исходной точки подъема к самому высокому пику страны.

На счету у Хохлова были четыре восхождения на семитысячники и медаль первенства СССР. Купался зимой в проруби. Увлекался горными лыжами. Бегал по 20 километров. И не трусцой, в профилактических целях, — это был настоящий стайерский бег. Однажды, когда пробежал мимо площадки, на которой студенты играли в футбол, какой-то первокурсник крикнул: «Эй, парень, подай мячик!» Его одернули: «Чудак, это же ректор!»

В его домашнем кабинете спорят между собой фолианты научных книг на стеллажах и штанга в углу, фотография горного пика с тревожно клубящимися на его ребрах облаками и «Дон Кихот» Пикассо.

Соблазнительно было бы воспользоваться известным журналистским приемом, когда рисуют портрет человека, потом другой, совершенно противоположный первому, а в конце объявляют, что речь идет об одном и том же лице. И все-таки что-то мешает мне просто расположить два портрета рядом — пусть работает контраст. Ибо в первооснове своей Рем Викторович Хохлов — очень цельный человек.

У него было планетарное, вселенское ощущение пейзажа, которое дают человеку открытые, пронизанные светом пространства, фиолетовое небо над вершинами, океаны, смелая, стремительная архитектура, неотделимая от напряженного темпа жизни больших городов. Может быть, поэтому самым

красивым городом в мире он считал Ванкувер: скалы, солнце, живописно изрезанный океанский берег. Может быть, поэтому самым дорогим местом на земле были для него Ленинские горы.

Не любил камерности, замкнутости людей в «личных норах», с занавесочками на окнах, с миром, втиснутым в экран личного телевизора, и потому глубоко не прав будет тот, кто попытается подвести Рема Хохлова под стереотип этакой «современной личности», которая «спешит жить», смотрится очень эффектно, но под броским динамизмом таит уход в сверхскорости и «в себя» от сложностей жизни.

Не в традициях Хохлова было что-либо собирать и копить. Он любил дарить. Буквально раздаривал оттиски приходивших к нему как к ректору статей по самым разным областям науки. Но дарил обычно тем, кому они были необходимы для работы.

Спешил давать старты новым идеям, новым делам, новым людям. И хотя впереди были еще десятилетия четко, отлично работающего мозга (обрыв этой жизни всего в 51 год трагически нелеп и неожидан), но все же идей было больше, чем можно воплотить за одну человеческую жизнь. И он спешил дарить идеи ученикам. У него была поразительная интуиция на «точки роста» в науке и в людях.

В старом здании МГУ, в аудитории, где Рем Хохлов в студенческие годы слушал лекции, висел над доской большой плакат. Шкала электромагнитных волн — от радиоволн до гамма-лучей. Многим тогда казалось:

у каждой области шкалы есть такие специфические особенности, методы их изучения так разнятся, что между этими областями появляются перегородки, перешагнуть которые невозможно.

В те годы его друзья бредили атомной физикой и даже создали шуточное научное общество «ЛЭМС». Четыре греческие буквы символизировали для них четыре великие проблемы физики: лямбда — длина волны де Бройля, «квинт-эссенция» квантовой механики; эpsilon — заряд; мю — масса; сигма — спин.

Так вот. Рем Хохлов ни одной из этих проблем не выбрал, хотя и считался надеждой кафедры. Он занимался скучной, сугубо практической и приземленной, как казалось кое-кому из однокурсников, радиофизикой. На одном из вечеров в студенческом кукольном театре в уста его научного руководителя даже вложили частушку:

Нам с Хохловым горя мало,
Ой люли, ой люли,
Мы не брали интегралов —
Табулировали.

Но, уже будучи дипломником, а потом аспирантом, он начал разрабатывать и разработал метод приближенного, однако с достаточной степенью точности, решения уравнений, описывающих нелинейные процессы и применимых в различных участках волнового диапазона. Когда он, имея дело с радиодиапазоном, с квантами относительно низких энергий, чисто теоретически занимался нелинейными задачами, уже наступало вре-

мя мазеров и лазеров. И Хохлов оказался больше, чем многие другие, готов к тому, чтобы работать в этой области не как последователь, а как лидер. Оказалось, что еще в юности он выбрал такой путь, который раньше других вывел его к вершине.

Перенеся разработанные в радиофизике методы в область видимого света, более высоких энергий квантов, в окрестности атома, Рем Хохлов, Сергей Ахманов и их сотрудники теоретически показали: если пропустить лазерный луч сквозь кристалл особого строения, взаимодействие сильного когерентного излучения с веществом может дать удвоение частоты и даже увеличение ее в три раза. И создали в МГУ первый параметрический генератор света. И красный луч, пройдя сквозь нелинейный кристалл, изменил свой цвет на зеленый, что еще вчера казалось невозможным. Из этого следовало огромное количество практических приложений.

Его называют одним из отцов нелинейной оптики. Вместе с С. А. Ахмановым он написал первую в мире монографию по ее основам. Это так. Но диапазон его интересов распространялся фактически на всю современную физику — от атомного ядра до выхода на стыки с биологией, от фундаментальных законов до новых технологических задач — и охватывал большой круг наиболее актуальных ее проблем. Я спросил: «Если бы Вам вернули первый курс, что бы Вы выбрали?» Он сказал, что пошел бы на физфак МГУ, но выбрал бы биофизику.

Он был яркой, цельной личностью, искавшей всеобщие связи не только между раз-

ными областями физики, не только между разными науками, но и между гуманитарными и естественными началами в жизни. И поэтому так органично входят в его рационально организованный мир ученого и концерты Софроницкого, и полотна импрессионистов на Волхонке, и Надя Павлова в «Дон Кихоте».

Вопрос 43: «Сейчас как-то больше принято говорить о смелости научной мысли. А есть ученые, наделенные смелостью в мужском, первородном значении этого слова?»

Во время одного из восхождений группа альпинистов, в которую входил Рем Хохлов, попала в сильную непогоду. Дождь. Гроза. Мосты на горных реках снесены. Альпинистские лагеря закрываются...

Кое-как добрались до крохотного плоского пятка, над которым нависала скала. Долго не решались лечь: во сне шквальный ветер мог сбросить всех в пропасть. А потом Хохлов сказал: «Чего нам жалеть? Мы пережили славно и достаточно. Давайте ложиться». И улегся первый. Его спросили: «Рем, ты вообще чего-нибудь боишься на свете?» Усмехнулся только: «Нет, ничего не боюсь».

Среди альпинистов много ученых. Интересно наблюдать превращение, которое происходит с ними в горах. Многие резко меняются. Как бы «раскрепощаются», с остервенением сбрасывают с себя цивилизацию. Совсем другими людьми становятся. И это ведь так естественно!

Хохлов не менялся. На Ленинских горах, в кабинете ректора, и в памирских горах, на ночевках перед штурмом вершин, в альпи-

нистских связках он был один и тот же. Корректный, сдержанный, внимательный к людям. Казалось, нет в мире таких сил, которые могут лишить его спокойствия.

В статье одного писателя я прочел в общем-то справедливые слова о том, что есть много разновидностей смелости: гражданская, научная, трудовая, смелость мысли и поступка. Рем Хохлов был наделен смелостью во всех ее ипостасях.

Очень многие люди благодарны ему за то, что в трудные минуты, когда некоторые предпочитали промолчать и когда слово уже есть поступок, этот, в общем-то скупой на слова человек не промолчал ни разу. Так был приучен с детства. Таким — в атмосфере высокой нравственности, духовности, ответственности перед людьми — воспитали его родители. Они принадлежали к первому поколению советской технической интеллигенции, вступили в партию в 20-е годы и дали сыну имя, в котором точно отразилось время: Рэм — революция и электрификация мира (при обмене паспорта паспортистка ошиблась, написала: «Рем»). Такую же атмосферу Рем и Елена Хохловы сумели потом создать в своей семье. Принцип Хохлова: будь таким, каким хочешь видеть своих сыновей.

Да, он сполна был наделен личным мужеством в первородном, мужском понимании этого слова. На него можно было положиться всегда, во всем, при любых обстоятельствах.

Когда — это было во время учебы в аспирантуре — в электричке за несколько рядов

до него вспыхнула ссора, блеснул нож, многие в вагоне инстинктивно шарахнулись к дверям. Рем Хохлов так же инстинктивно бросился к человеку с ножом, схватил его за руку. Это не был еще физически сильный человек, каким он позже сделал себя и каким привыкли видеть его все в последние годы. Но уже тогда это был Рем Хохлов.

Спокойно прошел по бревну туда и обратно над горным потоком. Прыгнул с парашютом безо всякой подготовки. Подбивал даже компанию для охоты на тигров, но оказалось: охота на тигров запрещена... Что это было? Одни считают, что слишком уж часто испытывал он судьбу. Другие говорят: любил опробовать новое, смело подставлял себя под эксперимент.

Если кто-нибудь из его учеников начинал усовершенствовать установку, которая уже ответила на главные вопросы, Хохлов удивлялся: «Вы же смелый человек. Зачем вылизывать? Есть люди, которые займутся этим специально и сделают это лучше нас. Да и жизнь — она сама зализает острые углы. А мы с вами как раз должны их искать». Когда раскалывается скала, сначала все осколки — острые. Он любил эти мгновения в науке.

Хохлов и Ахманов взялись за создание параметрического генератора света, когда это еще казалось технически невозможным. Не было ни достаточно мощных лазеров, ни хороших нелинейных кристаллов. Нужна была смелость, чтобы начать. Но еще большая научная смелость понадобилась Хохлову позже, когда он приступил к исследова-

ниям по гамма-лазеру. Ни один ученый не решился сделать первый шаг, понимая, что для подхода к этой проблеме нет не только инженерных, но и чисто теоретических расчетов, что на пути к ней надо сделать по крайней мере несколько открытий и массу изобретений. Рем Хохлов решился на первый шаг. И вот уже в СССР и США ведутся серьезные исследования, и одно из направлений возглавляет он сам.

Когда гамма-лазер будет создан — а проблема эта, конечно, не легкая, требующая времени, — и мы, возможно, научимся в промышленных масштабах превращать одни химические элементы в другие, будем проводить немыслимые сегодня по точности операции пучком гамма-лучей (такой «скальпель» сможет проникнуть в недра не только клетки, но и отдельной молекулы), увидим, наконец, голографическое изображение молекул и атомов, тогда люди еще не раз с благодарностью вспомнят имя Рема Хохлова, дальновидно давшего старт и этой идее, проложившего ей дорогу из области полуфантастических гипотез в русло глубокого теоретического и экспериментального поиска.

Вопрос 44: «Многие ученые сверхосторожны в высказывании своей точки зрения. Что это? Щепетильная боязнь неточности, некорректности? Или удобная «поза умолчания», при которой можно остаться в стороне от борьбы мнений и в то же время остаться при своем мнении?»

Если говорить о настоящих исследователях, а не о тех псевдоученых, у которых за

категоричным, резким, «смелым» вмешательством в спор по любому поводу порой не стоит на деле никакой своей, выстраданной, веренной экспериментом точки зрения, то, действительно, для ученого характерна обычно сдержанность, равновесность в суждениях и изложении выводов. Это, кстати, совсем не исключает смелости, дерзости самих выводов. Такая сдержанность вытекает из сути исследовательского поиска. И она в высшей степени гармонировала с характером Рема Хохлова.

Мне рассказывали, что во время отдыха на Иссык-Куле Хохлов встречался с одним из космонавтов. И говорил с ним о возможности своего полета в космос. И космонавт сказал: «А вы приезжайте в Звездный к Береговому и обо всем переговорите». Мне рассказывали, что Хохлов действительно ездил в Звездный городок и говорил с Береговым.

Я находился в сложном положении. Ибо это были лишь рассказы. Ни одного документального подтверждения. Когда представился случай побывать в Звездном городке, я прямо спросил об этом у Георгия Тимофеевича Берегового.

Нет, Рем Хохлов никаких разговоров о своем личном космическом полете с Береговым не вел. Он приезжал в Звездный городок дважды. Но — в качестве ректора МГУ. Решать конкретные вопросы. С Шониным и с инженерами Центра подготовки космонавтов осмотрел здешние ЭВМ. Советовал, на какие машины лучше ориентироваться. О многом расспрашивал. И все время переводил разговор в практический план: «Чем вам мо-

жет быть полезен МГУ?» Береговой заметил, что Звездному очень могли бы помочь университетские математики. Хохлов пообещал: «Хорошо. Мы решим этот вопрос».

«Хотя, конечно,— припоминает Георгий Тимофеевич,— меня несколько удивило, как подробно интересовался он подготовкой к полетам. Расспрашивал космонавтов о многих тонкостях, которые бывают при адаптации организма к невесомости и к обычным земным условиям после возвращения на Землю.

Теперь, когда я знаю, что он был спортсменом, первоклассным альпинистом, я вполне допускаю, что Хохлов мечтал о полете в космос. Более того, целенаправленность его вопросов убеждает меня, что дело обстояло именно так. И основания для этого у него, конечно, были. Ведь альпинистская закалка помогает успешно пройти и барокамеру, и многие другие испытания на пути к старту.

В вопросах Хохлова о подготовке космонавтов, как я теперь это понимаю, прослеживается четкая логическая нить. У меня такое сложилось впечатление, что при внешней мягкости он жесткий в решениях и в достижении целей человек. Но, повторяю, никакого конкретного разговора о возможности его полета у нас тогда с Хохловым не было».

Больше всего опасался я содействовать печатным словом рождению очередной легенды. И поэтому сомневался, стоит ли писать об этой встрече в Звездном городке. Но все же решил написать. После беседы с другом Хохлова, членом-корреспондентом АН СССР Дмитрием Васильевичем Ширковым.

Осторожно подступаю к теме. Но он понимает, к чему я клоню: «Да, Рем мне говорил, что не отказался бы слетать в космос. И даже показывал космонавтские упражнения для тренировки вестибулярного аппарата, которые он включил в свою зарядку. Но идея была у него только в зародыше. А он привык в себе переварить замысел, тысячу раз все взвесить, получить полную информацию и только потом принять решение: браться за дело или нет. Поэтому не стоит говорить об этом его замысле категорично. Он еще не принял решения. Он только примеривался к задаче. Это была все-таки дальняя мечта.

Рем не мог предложить собеседнику еще не «просчитанную», не увязанную с реальными возможностями идею. Но в то же время не исключено, что первые прикидки, первое опробование своих возможностей в качестве ученого-космонавта входили в планы Хохлова. У него была четко выраженная мужская черта: задумать, все выверить наедине с собой. И — сделать».

Вопрос 45: «Можно восхищаться тем, какой гармоничной личностью был академик Хохлов. Но имел ли он моральное право, став ученым с мировым именем, не боюсь громких слов — государственным достоянием, ходить на вершины, рисковать, понимая, что он для молодых служит примером и что за ним пойдут многие?»

Представляю ироническую улыбку Рема Викторовича при соотнесении таких «громких слов» с его личностью. Но все же вопрос сам по себе серьезный.

Когда о Хохлове говорят, что он был прекрасным спортсменом, это в общем-то правда. Он действительно любил спорт, любил дух спортивных состязаний, всегда тянулся к среде спортсменов. С удовольствием вспоминал время, проведенное в клинике Зои Федоровой, где ему делали операцию мениска (результат участия в одной из многочисленных футбольных баталий) и где он познакомился со многими известными спортсменами. Болел за «Спартак». Но больше любил спорт как действие, участие, а не как зрелище.

Уже в титулах ректора и академика побывал однажды в Таманской дивизии, над которой шефствует МГУ. Ему показали учения, военно-спортивную подготовку. В конце студенты и солдаты стали азартно соревноваться: кто больше подтянется на перекладине. Командир дивизии застыл от удивления, когда, не выдержав, Хохлов подошел к турнику и подтянулся больше других. Приехав в Горький на научный семинар, где он выступал с докладом о гамма-лазере, Рем Викторович тут же столкнулся с местными «моржами» и искупался в проруби на Волге.

И в то же время, хотя он и не любил уступать в соревнованиях, хотя по натуре был прирожденным лидером, спортсменом с психологией профессионала Хохлов никогда не был. Он был прежде всего человеком высокой культуры, в том числе и физической культуры, и видел в спорте одно из самых сильных средств для формирования, «построения» личности, для преодоления не только физических трудностей.

Зачем ему нужны были горы? Что его туда тянуло? Что ему давали эти ночевки перед последним броском к вершине, с разговорами по душам, с песней «В глухой таверне огонек взметнулся и погас»? Почему ему так легко дышалось на леднике Фортамбек, где поляна Сулоева приподнята, как чаша, над подножиями окрестных семитысячников и лавины срываются куда-то вниз, к краям этой чаши, взметая снежную пыль, пронизанную солнцем?

Все эти вопросы сейчас — задним числом — обрели тревожный смысл, ибо факт остается фактом: смерть настигла его после трудного подъема на высочайший пик страны. Хотя, конечно, после мгновения, когда он почувствовал себя плохо в горах, но, никому не жалуясь, отдавал последние силы спасению другого человека, был еще нелегкий спуск. Были больницы в Душанбе и в Москве. Было еще несколько дней жизни.

Пик Коммунизма подымается на 7495 метров над уровнем моря. В этот раз до вершины ему не хватило около 200 метров. Как раз высоты здания МГУ на Ленинских горах. Если смотреть от подножия университета на шпиль и звезду, расстояние покажется внушительным. Но на фотографии пика Коммунизма это маленький, еле заметный штрих. Такова толщина снежного покрова на том самом фирновом плато на шестикилометровой высоте, откуда в августе 1977 года его снимал вертолет. Летчик поставил мировой рекорд. Никто до него еще не взлетал с такой высоты. Но горький это

был рекорд. Лучше, если бы не пришлось его тогда ставить.

Ему не везло с подъемом на этот пик. В 1970 году у самой вершины остановила длительная пурга. Такая, что телами удерживали палатку. Один Рем Хохлов считал: надо идти к вершине. Но идти физически было невозможно.

В 1976 году ничто не мешало достигнуть цели. Однако по пути встретили зарубежную альпинистскую группу, терпевшую бедствие, и помогли ей спуститься. Интересно, что, когда эта группа обратилась за помощью к своим соотечественникам, шедшим следом, те ответили: «Нет, мы пойдем наверх». И прошли мимо.

Очень хотелось бы, чтобы такие люди, как Рем Хохлов, не ходили на семитысячники. Ибо они действительно являются нашим государственным достоянием и действительно к каждому их слову прислушиваются, к каждому шагу приглядываются молодые. А подъем на любой из семитысячников — не только воля и мужество, но и риск, опасность, случайности, которые невозможно заранее предвидеть. Но, наверное, если бы он не ходил на семитысячники, это был бы не Рем Хохлов, а какой-то другой человек.

Мещанин пожмет плечами: «Зачем ему это? У него же все было! Гор ему только не хватало!» На языке утилитарных цен на вещи, на положение, на славу необъяснимо, зачем человеку вершины в буквальном смысле.

Но это необъяснимо и с точки зрения многих людей, одержимых наукой и считающих:

если человек собирается получить значительные результаты, он не имеет права размениваться на побочные занятия, в том числе и такие, как альпинизм. Хохлов, по их мнению, еще больше сделал бы, если бы не ходил в горы.

Может быть. Но опять-таки это уже был бы не Рем Хохлов, а другой человек.

И все-таки как это прекрасно, что есть на земле такие люди. Что поэты физфака посвящают Рему Хохлову стихи:

Не бойтесь слов — он стал кумиром
За правильность. И в том числе
За то, что был «на ты» с Памиром,
За то, что шел он по Земле
С улыбкой. Чувствуя острее,
Не выбирал теплей пути...
За то, что в гору шел быстрее,
Смелей, чем принято идти.
За то, что, не в ладах с елеем,
От бурных штормов юбилея
Ушел на пик и в прошлый год,
И улыбнулся виновато —
Мол, пятьдесят — еще не дата!
Не скоро дата подойдет...

Загадкой, которую он унес с собой, будет то, чем на самом деле были для него горы: разрядкой, отрешением от напряженных буден, как говорят одни; научной проблемой, как говорят другие (он много сделал для подготовки советских альпинистов к штурму Эвереста, и, когда однажды в Доме кино его попросили выступить на эту тему, он говорил именно о связи альпинизма и науки); утолением жажды риска, как говорят третьи; буквальным выражением его стремления ставить перед собой большие, высокие

задачи и поднимать себя до их уровня, как говорят четвертые. Или сплавом всего этого, вместе взятого. Ибо, наверное, разным людям он приоткрывал в разные минуты жизни разные стороны своей личности.

Может быть, ближе всего к истине или, во всяком случае, к моему ее пониманию слова С. А. Ахманова: «Когда он выезжал в горы с друзьями кататься на горных лыжах, бывало, хорошая погода, солнце, а ему вроде чего-то не хватает. На дворе ветер, снег. У многих людей особого желания кататься уже и нет. А ему — в самый раз. Ему как раз больше нравилось, чтобы снег и ветер. И в горах, и вообще — в жизни. Я редко видел его ослабленным, отдыхающим. Всегда, в любую минуту, ему нужно было преодоление.

Его характер требовал напряжения. Напряжение жило в нем, никогда его не отпускало. Он задавал и себе и окружающим не только уровень проблемы, но и уровень мышления. Не одной волей он себя сделал, а и тем, что все время держал свой мозг в напряжении, мыслил на уровне века».

Не пойдя он тем летом снова с упрямым упорством штурмовать вершину, он, безусловно, многое свершил бы еще для нашего общества, для нас с вами. Это самое главное «если бы» из всех предположений, которые сейчас, задним числом, можно построить в большом количестве. Как не пойдя Гагарин в тот свой последний полет, его живая, а не с фотографии улыбка и сегодня была бы с нами. Но разве могло что-либо на свете заставить Гагарина не летать, а Хохлова — не штурмовать вершины? Говорят, он был дис-

циплинированным спортсменом и подчинился бы приказу. Может быть. Даже навверное. Но не было такого приказа на свете, который мог отвратить его от вершин навсегда.

Ему тесно и пресно было в мире сидячей работы. Он не мог не расширять горизонты своей жизни, не мог не тянуться к вершинам и сверхскоростям. Между его устремлениями и размеренным, медленным ходом жизни был диссонанс где-то в глубине, в первооснове. Но в то же время каждый его жест, каждое душевное движение были точно скоординированы и с ближним к нему кругом людей и событий, и вообще — с миром. Ему нравилось это: в мире больших скоростей, ускорений, стрессов полностью контролировать свои действия, быть хозяином положения, а не рабом текучки, потока жизни.

Что он прекрасно водил машину, любил большие скорости — об этом говорят многие. Но, может быть, не это самое важное. Он умел, разогнав машину, виртуозно затормозить. И гордился этим: «Главное — молниеносная реакция на тормоз». Говорят, Рем Хохлов любил рисковать. Но его риск — не есть ли это величайшее внутреннее спокойствие, когда человек полностью владеет собой, полностью контролирует любую сложную, быстро меняющуюся обстановку и чувствует в себе силу для этого? И вообще, в его поступках, действиях, решениях трудно порой определить, где риск, а где смелость взять на себя решение.

В смелости своей, как и во всем, Рем Хохлов — цельный, неделимый на ипостаси человек. Смелость действия соединена у него с

мужеством познания, жаждой цельности и жаждой нового, с этической основой его личности — его принципом «Беру на себя». Он брал на себя решения и всю полноту ответственности. Умел работать сам и сделать так, что другие рядом с ним работали в режиме полного напряжения сил. Но при этом был далек от организации труда американского типа, хотя и говорил, что у американских ученых есть чему поучиться. Считал, что нельзя превращать ученого в машину, что нужны человеческие принципы организации науки, что не надо давать человеку задачи, которые деформируют его личность. И человек сам тоже не должен взваливать на себя такие задачи.

Вопрос 46: «Зачем большому организатору науки чеховская деликатность? Я лично готова внутренне оправдать грубость и даже жестокость людей, делающих работу государственного масштаба. Все равно в них гуманизма куда больше, чем в тех, кто разыгрывает из себя Чехова и Руссо, но при этом только сетует и вздыхает со стороны. Я не очень-то верю в деликатность таких людей, как Курчатов и Королев. И при этом мое уважение к ним не уменьшается. По роду работы они должны были быть людьми с твердыми характеристиками».

Вопрос 47: «Об академике Хохлове пишут, что он был сверхвнимательным к людям, сверхпорядочным человеком. Как это ему удавалось в наше сверхнапряженное, сверхделовое время?»

Сомнение в деликатности Курчатова можно оставить на совести автора вопроса, поче-

му-то противопоставившего друг другу твердость характера и деликатность по отношению к людям. О «жесткости» характера Королева бытует немало рассказов и легенд. Между тем как часто легенды бывают односторонними, схватывающими лишь внешний рисунок характера! Прислушаемся к мнению человека, хорошо знавшего Королева: «Он очень дорожил своим временем. Обсуждая деловые вопросы, был предельно сух, лаконичен и четок. Не терпел размусоливания и у коллег. И могло создаться впечатление, будто он вообще отрешен от мирской жизни, не испытывает к людям обычных человеческих чувств. Но это совершенно не так.

В МВТУ Сергей Павлович читал курс лекций и всегда с большим вниманием относился к студентам, подолгу беседовал с ними. Он мог прерваться в работе и уделить время хорошему, доброму разговору с человеком, который ушел на пенсию с его предприятия. Он принимал участие в судьбах этих людей. Наконец, главный конструктор умел тонко понять состояние своих подчиненных, в трудную минуту подбодрить, успокоить их. Я был свидетелем полета Беляева и Леонова, когда впервые осуществлялась ручная посадка и космонавты приземлились не в расчетном районе. Шли поиски, мы все волновались. Сидели в одном из залов, а Сергей Павлович находился в аппаратной, откуда поддерживалась связь с поисковой службой. И в этой очень острой обстановке он оставил архиважные дела, пришел к нам, рядовым сотрудникам, и сказал: «Товарищи, не беспокойтесь.

Корабль сел нормально. Вертолетчики обнаружили местонахождение экипажа...»¹

Это слова космонавта, дважды Героя Советского Союза Алексея Елисеева.

То, что пишут об академике Хохлове как об «эталоне порядочности», — правда. И то, как это ему удавалось, — конечно же повод для серьезных размышлений о нравственных основах личности крупного организатора науки в наши дни.

Однажды по поводу спора, каким должен быть руководитель, жестким или мягким, он заметил: «Я против коллективного размахивания руками в разные стороны. Руководитель должен быть разумным диктатором. Если нет царя в голове, то, как свой характер ни показывай, какими жесткими мерами ни пользуйся, дело все равно развалится. А если человек неглупый, то он и дело сделает, и без бюрократической жесткости обойдется. За последней, кстати, нередко прячется просто умственное бессилие».

Слушать собеседника он умел удивительно. С одинаковым, причем искренним, а не дипломатичным вниманием слушал и академика, и студента, словно бы поощряя: «Ну, давай, давай, выкладывай! Это же очень интересно!» В свое время я в полной мере испытал на себе это его обаяние. Говорить красивее его, наверное, умели многие. Но вот слушателем он был незабываемым.

Его сотрудники даже упрекали его: «Вы не имеете права тратить свое время в одинаковой степени и на тех, кто приходит с делом,

¹ Комсомольская правда, 1981, 21 марта.

и на тех, кто приходит с чепухой». Он улыбался, разводил руками, но продолжал делать по-своему. Как видно, что-то важное, понятное ему одному, непривычное работающим в его жестком временном режиме людям, было в этих бесконечных, внимательно выслушиваемых исповедях, просьбах о совете или поддержке, предложениях об усовершенствовании тех или иных сторон жизни университета. Он глубоко понимал в людях жажду доброго слова и соучастия.

Ни разу, даже в самых драматических ситуациях, он не повысил голоса. И только родные, может быть, знали, что по четвергам, в депутатский день, поздно вечером он возвращался домой абсолютно обессиленным. Никакая другая работа его так не выматывала. Слишком близко принимал он к сердцу человеческие судьбы, человеческие беды. Не щадя себя. Активность, энергия, действие сочетались у Рема Хохлова с каким-то сверхбережным, действительно по-чеховски интеллигентным, до щепетильности порядочным отношением к людям.

Довольно привычная ситуация на современных конференциях и симпозиумах: с сообщением о совместной работе академика и научного сотрудника выступает последний, а сам академик отсутствует по очень уважительным, очень государственным причинам. С Хохловым случалось наоборот. На научной встрече довольно скромного ранга с докладом об общей с Ремом Викторовичем работе должен был выступить его аспирант Юрий Маков. Но не смог: пришлось уехать из Москвы к заболевшей матери. Зная, как важно для

его ученика это выступление, Хохлов принял участие во встрече и прочел доклад сам.

Как резко ускорить течение жизни, но при этом не деформировать человеческие души, личности, а дать ускорение и им, втянуть их в активное преобразование мира? Он много душевных сил отдал практическому ответу на этот вопрос. И, может быть, поэтому так прислушивались к его подчеркнуто лишенным всякого внешнего блеска словам и студенческие, и научные аудитории, что в годы, когда по миру бурно прокатываются дискуссии о знаниях и нравственности, его жизнь есть убедительный довод в пользу высокой нравственности, гуманизма нашей науки, связанной с передовыми идеями и идеалами. Он принадлежит к молодому поколению наших академиков и — неповторимый как личность — прекрасно выражает лучшие черты этого поколения, сформированные в магнитном поле живых традиций советской науки.

Вопрос 48: «Научная молодежь часто бывает жестока по отношению к предшественникам, обязательно стремится все переиначить. Как разрешить противоречие, как сполна использовать опыт старших, но и не закрыть дорогу молодым?»

Я не раз бывал в кабинете академика Петровского на Ленинских горах. Потом я побывал в этом кабинете без Петровского и беседовал здесь с ректором Хохловым. Непривычно молодой человек, встретивший меня в дверях, севший рядом и с приветливой улыбкой посмотревший прямо в глаза, невольно заставил оглядеть комнату. По внешнему виду ему как-то больше подходил со-

временный, обнаженный, жесткий интерьер. Но все, абсолютно все, начиная со светлого осеннего пейзажа с датой «1940» и автографом «Нестеровъ» (этого художника Иван Георгиевич очень любил), осталось здесь, как при Петровском.

Став ректором, Хохлов по-сыновьему бережно относился к тому, чтобы в МГУ поддерживались и развивались традиции его предшественника. И это не было просто данью уважения. Он в полную силу утверждал свои принципы: фундаментальные знания и близость к сегодняшнему переднему краю науки как основа университетского образования, развитие комплексных исследований, непрерывность обучения в течение всей жизни человека. Он считал, что в перспективе вузы будут охватывать своей деятельностью не только молодежь — они превратятся в центры культуры и образования всего народа. Но это были и принципы академика Петровского. Они были единомышленники.

Когда-то на меня произвела сильное впечатление мысль академика П. С. Александрова о том, что человек, работающий в университете, наделен вечной молодостью. Каждый год он встречает в аудитории новое студенческое поколение, и все время продолжается для него «эта вечная весна, имя которой двадцать лет». Но ведь и у человека должны быть качества, которые дают возможность выдерживать из года в год повторяющийся экзамен перед лицом новых, все более молодых (ибо — увы — счет твоих личных годов нарастает!) поколений. Рем Хохлов прекрасно чувствовал себя среди моло-

дых. И молодые прекрасно чувствовали себя рядом с ним.

С необыкновенной легкостью «обрастал» он молодежью, причем талантливой молодежью. Не хотел, да и просто не умел ждать, когда молодые «дорастут» до его уровня. Сам, встав рано на рассвете, шел к ним на встречу, встречал на полпути к большой науке и вел за собой. Те, с кем он когда-то начинал в науке, даже немного ревновали «своего Рема» к дипломникам его кафедры, когда он подолгу беседовал с ними о вещах, едва маячивших в дальней перспективе, хотя хорошо понимали, что он увлекал за собой людей, с которыми вместе ему предстояло решать научные проблемы восьмидесятого, девяностого, двухтысячного годов.

Поэтому лучшая память о нем — именно университетская аудитория, где свершается связь времен, куда, бесконечно сменяя друг друга, будут приходить все новые и новые студенческие поколения и искать здесь ответы не только на задачи по физике и математике, но и на вечные вопросы о том, каким быть, чтобы быть, а не казаться.

Мне дорога эта аудитория. Здесь когда-то записал я свою первую лекцию по физике. И потом еще много лекций. И на одной из них понял, как рождается лазерный луч. И узнал о празднике Архимеда раньше, чем увидел его потом на ступеньках физфака. И обрел новых друзей. И впервые услышал от них с любовью произнесенное это имя: Рем Хохлов. Оно тогда еще не входило в учебники и энциклопедии. Просто — был такой хороший человек на физфаке.

9

И верность наша, а не только подвиги
Нам придают навек значение личности.

Гёте. «Фауст»

**„ЛИШЬ ТОТ,
КЕМ БОЙ
ЗА ЖИЗНЬ
ИЗВЕДАН...“**

В Берлине было уже предзимье, и в воздухе чувствовался запах сжигаемого котельными угля. Он, кажется, проникал даже сюда, в зал театра, созданного Брехтом, где сегодня давали «Жизнь Галилея». Он сопровождал меня и потом, когда я возвращался пешком в гостиницу «Нева» по ночному, рано уснувшему городу. Путь лежал мимо витрины магазинчика с книгами и портретом Брехта, мимо ограды кладбища, за которой его могила. И хотя я с каждым шагом удалялся от мгновения, когда опустился занавес, эти аккорды возвращали меня в зрительный зал, и в моем сознании все еще звучали голоса актеров. Я и сейчас, наверное, не смог бы толком объяснить, почему именно в эти минуты в обезлюдевшем ночном Берлине произошло мое окончательное возвращение к языку любимых мною Гёте и Гейне, Манна и Брехта. Возвращение было долгим. Идти было далеко — от тех времен, когда мы в войну отказывались учить в школе немецкий, потому что на нем разговаривал Гитлер.

В ту берлинскую ночь я вдруг осязаемо почувствовал, какое непреодолимое духовное, нравственное сопротивление фашизму всех времен и народов спрессовано в этой, может быть, самой антифашистской и самой философской пьесе великого немца. И совсем не случайно пробным камнем для своей непримиримости Брехт выбрал личность ученого...

К звездам люди идут через тернии. Всегда, во все века. Сегодня — тоже. Выбрать новаторство — значит выбрать жизнь в полную силу, обрести счастье творчества. Но это значит и обречь себя на нелегкую судьбу. У нового никогда не было проторенных путей. И нередко люди, идущие по новым путям, выглядят в зеркале бытового «здорового смысла» этакими неприкаянными чудаками, которые сами себе «портят жизнь».

Для благопристойного филистера чужак всегда был антиподом, ибо он бросал камни в застойные мещанские болота, «возмущал спокойствие» там, где, казалось бы, неподвижность поселилась навечно. Но если уйти от норм этого самого «здорового смысла», глубже заглянуть в сокровенные тайны жизни, в ее развитие от низших форм к высшим, в закономерности, по которым развивается на земле социальный и научно-технический прогресс, на поверку оказывается: «чужаки», изобретатели, новаторы, донкихоты — очень важная пружина в механизме прогресса. Они не только «украшают мир», но и продвигают его вперед. И тысячу раз прав И. С. Тургенев, сказавший: «А все-таки без этих смешных Дон-Кихотов, без этих чуда-

ков-изобретателей не подвигалось бы вперед человечество — и не над чем было бы размышлять Гамлетам»¹.

Но при этом очень важно, что настоящие пути в будущее прокладываются от реального, сегодняшнего состояния науки и сопряжены с мощным сгущением ее силовых линий. Понимание этой объективной реальности есть водораздел, который отделяет пророчества науки от псевдопророчеств, от спекуляции на науке. Водораздел, за которым, собственно, кончается наука и начинается, извините за прозаизм, просто чепуха.

Впрочем, находятся люди, которые объявляют ее чуть ли не обязательным элементом человеческой культуры. В свое время журнал «Америка» поместил статью Э. Отмана «Неугомонная молодежь: ее черты, кумиры и идеалы». В ней, между прочим, говорилось: «...а когда есть такие книги, как «Повелитель колец», трилогия английского писателя Д. Толкина, кому нужна история или «Гамлет»? Эта сказка для взрослых о войне и шпионаже, охвативших вымышленную страну «Среднеземье», содержит материал на много лет псевдоисследовательской деятельности...»

Поначалу может показаться, что автор пишет все это с плохо скрываемым сарказмом, посмеивается вместе с читателем над подобными бестселлерами, после которых «кому нужна история или «Гамлет». Но, оказыва-

¹ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. В 30-ти т., т. 5, с. 346.

ется, клонит он к другому и между делом подкидывает читателю мысль: послушайте, а может, все это и не так уж бессмысленно? Раз это есть, раз кому-то нравится, значит, в этом есть какой-то смысл? И действительно, вот как заканчивается пересказ содержания трилогии Д. Толкина: «...этот вымышленный мир весьма занимателен для студентов, желающих, хотя бы временно, отвлечься от утомительных реальностей». И далее, признав, что все это, может быть, и чепуха, автор уже вполне серьезно ссылается на мнение американского философа Алана Уоттса: «Культура, которая не смеет отвести у себя уголок для чистой чепухи,— это мертвая культура».

Вот в чем, оказывается, дело: без чепухи культура (а наука — важная ее составляющая) омертвляется. И вроде бы многие ученые с их «сумасшедшими», «донкихотскими» идеями жизнью своей это подтверждают. Но какая пропасть лежит на самом деле между этой чепухой, между ее торгашескими лавочками у подножия Эвереста науки, и «странной» картиной мира, открывающейся с его вершины. «Странность» науки закономерна. Как точно выразил Д. Данин эту мысль названием своей книги: «Неизбежность странного мира»!

Известен рассказ о даме, которая после долгого объяснения, как работает только что изобретенный автомобиль, промолвила: «Теперь мне все ясно. Но куда здесь впрягают лошадь?» В науке до таких анекдотов дело, как правило, не доходит. Однако сколько мы знаем открытий, которые первоначально

встречались даже научной аудиторией по такому же принципу!

И все же подлинная наука, какими бы необычными ни казались добытые ею новые сведения о мире, ничего общего не имеет ни с разного рода химерами, ни с «подперчивающей» культуру чепухой, ибо всегда исходит из реальных закономерностей и опирается на них.

Применение учения Маркса, Энгельса, Ленина к социальной практике породило такие преобразования действительности, которые на разных этапах истории нашей страны возводились и друзьями ее, и врагами в ранг «чуда». Чудом называли то, что скованная голодом и разрухой Республика Советов выстояла против интервенции четырнадцати держав. И первую пятилетку. И разгром фашизма, перед которым капитулировала Европа. И полет Гагарина...

Но не слишком ли много чудес? Не в закономерности ли, неизбежности «странного», а на самом деле нового мира заключена их разгадка? Закономерность эта давно уже откровенно и просто, с наглядностью и неопровержимостью математической формулы выражена В. И. Лениным: «...борьба классов, а не мои наилучшие пожелания, определит построение новой России. Мои идеалы построения новой России будут нехимеричны лишь тогда, когда они выражают интересы действительно существующего класса, которого условия жизни заставляют действовать в определенном направлении. Становясь на эту точку зрения объективизма классовой борьбы, я нисколько не оправды-

ваю действительности, а напротив указываю в *самой* этой действительности самые глубокие (хотя бы и невидные с первого взгляда) источники и силы ее преобразования»¹. Эти слова, рожденные не в полемике о знаниях и нравственности, а в раздумьях о судьбах и будущем своей родины, тем не менее являются и образцом высокоморальной позиции в науке, дают ключ к построению нравственного кодекса ученого.

Попытки создать подобный кодекс в истории предпринимались неоднократно. Л. Фейербах, например, предписывал исследователю такие заповеди: 1) ученый — мужественный борец за истину, но сам он обладает миролюбивым характером; 2) ученый также и уступчив, для него важнее учиться, чем всегда оказываться правым; 3) ученый идет своим путем, углубляется в свой предмет, не глядя ни направо, ни налево; 4) ученый не знает большего наслаждения, чем работать и быть деятельным; 5) ученый прост и доступен, бесконечно далек от гордости, сомнения; 6) у ученого нет времени для дурных, недоверчивых мыслей; 7) ученый не гонится за мирскими почестями и богатствами, он находит счастье в науке; 8) честность является основной добродетелью ученого; 9) ученый — объективный человек; 10) ученый — это свободный от самого себя человек².

Согласитесь: в этом кодексе предопределено многое из того, чем должна руководство-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 101.

² См.: Марксистская этика. М., 1980, с. 274.

ваться и руководствуется в своей реальной практике наука наших дней. В этих заповедях говорится, что ученый должен быть мужественным борцом за истину. Но рядом сказано столько смягчающих слов об уступчивости, что невольно рождается мысль: не вступает ли в спор с фейербаховской добротой брехтовская непримиримость?..

Сегодня на планете есть мир социализма и мир капитализма. Есть противостояние их политических и философских позиций, их нравственных принципов. И доброту, справедливость, истину приходится отстаивать в жестокой борьбе идей.

Когда при Гильберте упомянули о недостаточной твердости Галилея (речь шла о его знаменитом отречении от согласия с Коперником), тот возразил: «Но он не был идиотом! Только идиот может считать, что научная истина нуждается в мученичестве; оно, возможно, необходимо в религии, но научные результаты в свое время сами доказывают свою истинность»¹. Макс Борн, бывший свидетелем этого разговора, писал: «Такого рода высказывания направляли мой путь в жизни и науке»². И не только его, но и путь многих западных ученых. Фашизм на его родине, атомные взрывы в Хиросиме и Нагасаки стали для ученого горьким уроком. В конце жизни, объективно противореча выбранному некогда пути, Макс Борн активно включился в борьбу за мир.

¹ См.: *Борн Макс. Размышления и воспоминания физика*. М., 1977, с. 6.

² Там же.

И сегодня продолжается спор: если рассматривать знаменитое отречение Галилея не как заботу о спасении собственной жизни, а как один из путей борьбы за научную истину (более гибкий, более дипломатичный по сравнению с непреклонностью Джордано Бруно), то насколько правомерен этот путь? Что лучше: фанатично стоять на своем или идти на компромиссы, твердо зная, что будущее за твоей точкой зрения, что на нее работает время, что она все равно победит?

Но жизнь в этом отношении безжалостна. Она не терпит двойственности и требует единственного выбора. Если выбор честный, он требует мужества. И порождает мужество. Вот суть. И не надо уходить от нее в разговоры о «компромиссах ради истины». Естественно, в научной работе, когда учитываются реальные возможности, когда принимаются и осуществляются коллективные решения, приходится от чего-то отказываться, идти на уступки. Но идеи, даже если за ними будущее, сами собой не утверждаются. Их утверждают люди. И кто-то должен подняться первым, принимая огонь на себя. И важно — ты или не ты. Есть понятие о чести. Есть долг.

Мне вспоминается герой повести Н. М. Амосова «Мысли и сердце». Врач и ученый, он применяет новые методы, новую технику при операциях на сердце. И уже выживают семьдесят процентов больных, ранее считавшихся безнадежными. Но безжалостен его счет к самому себе: «Умирает около тридцати процентов.

Вот он, этот процент. И вообще жизнь и смерть в процентах... Как в бухгалтерии. А куда денешься? Нужно искать утешение. Все-таки семьдесят девочек из ста пойдут в школу, вырастут и выйдут замуж. После такой операции можно.

Но не эта»¹.

Он мог бы, конечно, не экспериментировать, не рисковать, смириться с неизбежностью и ждать, когда придет кто-то другой и перечеркнет эти самые тридцать процентов. Но в том-то и дело, что он сам выбрал свою судьбу. Это не на роду у него было написано. Это его личный нравственный выбор.

И так всегда в науке. Можно, конечно, формально отказаться от идеи о бесконечности звездных миров или от «ереси» о вращении Земли вокруг Солнца и ждать, когда придет кто-то другой и... Но как отказаться от самого себя? Если вернуться к Брехту, то, собственно, и не о Галилее даже говорил он со своими современниками и продолжает говорить с нами сегодня. О моральном выборе. И ответ писателя бескомпромиссен до жестокости к памяти реально жившего на земле великого итальянского ученого. Компромисс исследователя со своей совестью даже не ради спасения своей жизни, а как «один из путей борьбы за научную истину» разрушает его личность и затрудняет путь людей к истине.

Научное открытие часто не имеет прямого отношения к моральным критериям эпохи, когда оно было сделано. Но те же открытия

¹ Амосов Н. М. Мысли и сердце. М., 1969, с. 8.

Коперника, Галилея, Бруно не могли не вызвать острых идеологических и нравственных коллизий. Ибо совершались эти открытия не в изолированных от мира условиях, совершались людьми, которые жили в обществе и не были абсолютно свободны от его воздействия. Если объективная истина «равнодушна» по отношению к тому, как ее воспримет общество, то само общество не равнодушно и не может быть равнодушным к рождающимся в его недрах новым истинам.

Положим то, что Земля вращается вокруг Солнца, — это факт, не зависящий от существования святой инквизиции на грани XVI и XVII веков. Но сама святая инквизиция, бывшая «сторожевым псом», который охранял идеологические устои тогдашнего общества, не могла воспринять такую истину иначе как посягательство на эти устои. Почему? Да потому, что «истина может завести куда угодно», как говорит один из героев брехтовской «Жизни Галилея». Этим страхом перед истиной, перед познанием пропитана любая религиозная вера.

Но это — история. А как в наши дни? Цепная ядерная реакция могла с одинаковой вероятностью быть получена к середине нашего века в лабораториях и на полигонах как социалистической, так и капиталистической страны. Сам факт спонтанного расщепления атомных ядер «равнодушен» по отношению к обществу. Но общество не равнодушно к этому факту. И именно буржуазное общество, его руководители сразу же протянули руки к великому открытию и сразу же применили его в антигуманных целях.

В этом была своя «логика» — «логика» мира, построенного на эксплуатации труда и на частной собственности (разве что речь идет о разных исторических ступенях этого мира). Инквизиция не могла не сжечь Джордано Бруно и не принудить к отречению (или — в случае несогласия — тоже сжечь) Галилео Галилея. Самое богатое государство капиталистического мира уже в этом, XX столетии, полагая, что оно является монополистом, полагая, что оно может действовать безнаказанно, пошло на преступление против человечества и гуманизма, сбросив атомные бомбы.

К сегодняшнему дню всем, кроме совсем уж наивных в политическом отношении людей, ясно, что атомные взрывы, уничтожившие Хиросиму и Нагасаки, были не столько ударом по уже обреченной на скорую капитуляцию милитаристской Японии, сколько началом атомного шантажа против нашей страны, против общества, явившего миру новые истины.

Потребовалось доказать, что подобные угрозы в адрес социалистического государства бессмысленны и бесполезны. Потребовалось противопоставить американской бомбе советское атомное оружие. И большой коллектив ученых, возглавляемый Игорем Васильевичем Курчатовым, справился с этой задачей. Об этом уже так много написано и пьес, и киносценариев, и воспоминаний, что еще раз напоминать историю советского атомного проекта было бы, наверное, тривиальностью.

Но вот почему это подвиг, почему это выс-

шее проявление не только гражданского долга ученых, но и их морального долга перед человечеством, напомнить стоит. Именно потому, что речь шла об обуздании агрессивных планов самых реакционных, самых темных сил на планете, о том, чтобы выбить из их рук атомный факел. Не соверши этот подвиг наше государство, наш народ, наша наука, кто знает, смогла ли бы планета после второй мировой войны сохранить мирное небо над большей частью своей территории вот уже в течение почти четырех десятилетий.

Урок Хиросимы — жестокий урок. Он показал, что капитализм может бросать в атомный костер целые города с таким же бездумием, как когда-то инквизиция бросала в костер отдельных еретиков. Этот урок показал, что капитализм присвоил себе право «карать» целые народы, как когда-то церковь присваивала право лишать жизни своих оппонентов.

Но есть и иные уроки. Один из них является собой притча о Галилее, адресованная Бертольдом Брехтом современникам по столетию, нам с вами. И смысл этого урока тоже жесток и однозначен: нет такой цены, ради которой ученый может предать истину и преклонить колени перед силами зла. Есть лишь один честный ответ на зло в мире — сопротивление злу. Есть один путь борьбы за научную истину — отстаивание ее до конца.

Нравственных проблем науки не существует отдельно от самой науки, вне дела жизни ученого. Их нельзя выделить как некий

«сухой остаток». И поэтому наивно представлять ученых людьми, которые — в свободное от работы время — сидят около своих синхрофазотронов и философствуют о драме Галилея и трагедии Фауста.

Конечно, поскольку «теория, мой друг, суха, но зеленеет жизни дерево»¹, в частных случаях вероятно и такое. И все же нравственное начало пронизывает всю науку, ее редкие «звездные часы» и ее ежедневную нелегкую черновую работу. Как раз в связи с основным делом жизни ученых, в связи с их трудом идет в этой книге разговор о моральных проблемах в мире исследований и исследователей. Поэтому неизбежны переходы такого разговора от моральных аспектов применения тех или иных научных результатов к сути самих результатов, от нравственного лица ученого к личности ученого и к созвездию личностей — современному исследовательскому коллективу.

Да, наука сегодня, за редкими исключениями, — не удел гениальных одиночек, а творчество больших коллективов. Такова ее характерная черта во всем мире. И во всем мире эта черта порождает ряд новых моральных требований к взаимоотношениям личности ученого и исследовательской организации, в которой он трудится. Но именно социалистическое общество по природе своей, по своим принципам создает реальные условия для того, чтобы при этом личность и коллектив находились в непротиворечивом единстве.

¹ Гёте. Фауст, с. 118.

Было бы упрощением утверждать, что исследовательские содружества, основывающиеся на взаимном доверии и уважении, не могут возникнуть и в буржуазном мире. Достаточно вспомнить интернациональную семью ученых в Кавендишской лаборатории в те времена, когда ее возглавлял Резерфорд. Но мы ушли бы от реальности, если бы не понимали, что в целом капиталистическое общество порождает отчуждение личности от решения общих проблем, культивирует индивидуализм, одиночество человека. И объединение ученых для решения значительных научно-исследовательских задач — как закономерность — происходит при капитализме не на основе коллективизма, содружества, взаимопомощи, а на той основе, на которой работает обычное капиталистическое предприятие. Это создает немало острых нравственных противоречий между личностью исследователя и той научно-производственной машиной, более или менее значительной деталью которой он является.

Для науки буржуазных государств характерно довольно частое несоответствие между благими намерениями ученых, ведущих исследования, и антигуманным применением их результатов, не зависящим от самих ученых и диктуемым интересами монополий. Со стороны наиболее честных западных ученых такое положение вызывает протесты. Некоторые из них даже демонстративно отходят от активной научной работы. Некоторые, как было, например, с Максом Борном, обостряют свое внимание к социальным аспектам исследовательской деятельности.

Но, признавая важную роль таких протестов в формировании моральных принципов современной науки, мы тем не менее должны ясно понимать, что конфликт между личностью честного, исповедующего гуманистические идеалы исследователя и организацией науки в капиталистическом государстве предопределен самими устоями этого государства.

Спор о том, разрушает познание цельность человеческой личности или, наоборот, обеспечивает ее, теряет свою конкретность вне координат общества, к которому адресован этот вопрос. Веками лучшие сыны человечества, отдавая свои силы науке, веровали в доброту знания. Но веками господствующие классы обращали знания во зло, во вред человеку, держали их под спудом, не допуская к ним народные массы. Поэтому за позицией многих из тех скептиков, которые и сегодня, опираясь на новейшие знания, пользуясь языком современной науки, проповедуют вслед за Экклезиастом мысль о том, что в умножении знаний «запрограммировано» умножение печали, стоит, конечно, и горький исторический опыт, и нынешняя практика использования научных достижений в капиталистическом мире.

Советская наука противопоставляет этой позиции иную нравственную заповедь. Человек будущего, который уже сейчас формируется в недрах социалистического общества, гармонично объединит в своей личности интеллектуальные, нравственные, эстетические начала. Он превратит познание в одну из главных своих потребностей, соединит его с

производительным трудом, преображающим лик Земли, навсегда повернет компас науки в сторону добра. И это не некий абстрактный идеал, к которому мы стремимся, а он все удаляется от нас, как линия горизонта. Это уже сегодня реальность, воплощенная в судьбах многих наших современников, означенная в летописи науки именами известных ученых, которыми гордится советский народ и которыми всегда будет гордиться человечество.

На место заповедей — запретов, диктующих границы, рамки, за которые нельзя переступать человеку, наше время, наше общество выдвинули и утверждают в жизни моральный кодекс строителя коммунизма. Он являет собой не ограничительные рамки, а стержень личности, живущей в полную силу, излучающей все свои знания, умения, таланты в мир людей и получающей от служения людям высокое моральное удовлетворение. По верному замечанию академика Т. И. Ойзермана, «современный человек... прежде всего личность. Он воспринимает мораль не как систему прописей, аналогичных правилам уличного движения, предписанным свыше, а как внутреннюю потребность, которую он стремится сознательно усвоить, понять»¹.

Нравственные запреты общества, построенного на классовом неравенстве, уходят в прошлое. Но уходят не мирно — с жестокими арьергардными боями. И наука в этих сражениях — один из сильнейших разрушите-

¹ Литературная газета, 1968, 10 апреля, с. 13.

лей морали эксплуататорского общества, которая держит в узде повиновения народные массы, в то время как жрецы этой морали, по словам Г. Гейне, «тайком лакают вино, проповедуя воду публично».

Да, социализм уничтожает такую мораль. Да, наука является союзником социализма в ниспровержении лицемерных капиталистических моральных «заповедей». Да, союз этот взаимен, ибо именно социализм снимает с науки «дьявольское клеймо» и предоставляет ей реальную возможность стать нравственной, служить подлинно гуманным интересам.

К. Маркс, Ф.Энгельс, В. И. Ленин не раз давали отповедь тем, кто в связи с отрицанием коммунистами буржуазной морали обвинял их в отрицании морали вообще. В «Анти-Дюринге», анализируя вопрос об относительном и абсолютном началах в человеческих представлениях о добре и зле, разбирая современные ему теории морали, Ф. Энгельс писал: «Какая же из них является истинной? Ни одна, если прилагать мерку абсолютной окончательности; но, конечно, наибольшим количеством элементов, обещающих ей долговечное существование, обладает та мораль, которая в настоящем выступает за его ниспровержение, которая в настоящем представляет интересы будущего, следовательно — мораль пролетарская»¹.

Сегодня эта мораль утверждается в многообразных проявлениях советского образа жизни. «Мы накопили,— говорил Леонид

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 94—95.

Ильич Брежнев, выступая на XVII съезде ВЛКСМ,— огромное духовное богатство, которого не знала история. В нашем обществе сложилась самая передовая, самая гуманная система нравственных норм и общественных ценностей... Наша коммунистическая мораль по праву наследует и развивает гуманистические нормы нравственности, выработанные человечеством»¹.

В нашей стране мораль победившего пролетариата стала нравственным кодексом всего народа, всех его слоев, в том числе и многочисленного отряда работников науки. Именно социалистическое общество предоставляет ученому реальную возможность, трудясь на ниве науки, не вступать в конфликты со своей совестью, ибо исследования и их результаты в этом обществе служат гуманным идеалам и гуманным целям. Отсюда вытекает, может быть, самая главная моральная заповедь нашей науки: сознательное служение общественным интересам, единство в личности ученого профессиональных и гражданских начал, стремление отдать свои силы и знания на благо людей, понимание своего труда как выполнения гражданского долга перед народом, Коммунистической партией, Советским государством.

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М., 1976, т. 5, с. 49.

ЭПИЛОГ

Два великих процесса преобразуют в нашем веке лик планеты, жизнь населяющих ее народов. Начатое Октябрьской революцией социальное и национальное освобождение трудящихся и научно-техническая революция. Процессы эти неразделимо взаимосвязаны и неизбежно вызывают к совести ученого, ставят его перед выбором, требуют недвусмысленного ответа на вопрос о том, ради чего он вырывает у природы новые тайны.

И если он искренен перед своей совестью, если он осознает свою ответственность перед современниками и потомками, то его личный опыт и опыт поколений до него, века поисков истины, блужданий в лабиринтах незнания и выход из них к свету неизбежно приведут его к той позиции, к которой как к своей нравственной вершине пришел Фауст и которую ученые нашей страны исповедуют открыто и честно — и в науке, и в сложных общественно-политических реалиях XX века:

Лишь тот, кем бой за жизнь изведен,
Жизнь и свободу заслужил ¹.

¹ Гёте. Фауст, с. 554.

Вечный бой. Вечный поиск и вечное утверждение истины и добра, их единства...

Эти последние строки, по странному совпадению, я дописываю в Ленинграде, где когда-то родился и замысел книги. До поезда остается полтора часа. Иду к сфинксам — прощаться. Сжимая негритянские губы, расширяя зрачки, они вглядываются во мглу, словно люди, забывшие и мучительно вспоминающие свое прошлое. И чем-то связаны их взгляды с беспокойным колыханием Невы у гранитных ступеней. Станным и таинственным кажется в полутьме это движение без видимых, по привычным стереотипам объяснимых причин. Его трудно передать словами, но вот остановись мир, а невиская вода все еще будет колыхаться. Вечное движение — как предупреждение тем, кто успокоился, как напоминание, что не будет человеку покоя ни в мире тишины, ни в мире формул, ни в мире больших городов, где стоят сейчас ясные студеные дни между листопадом и первым снегом.

Смирнов К. Н.

С50 Фауст против Мефистофеля?: Диалоги и размышления о нравственных проблемах в мире науки.— М.: Политиздат, 1982.— 206 с., ил.— (Личность. Мораль. Воспитание).

Чему служит познание — благу человека или его гибели? Этот спор между Фаустом и Мефистофелем в «Фаусте» Гёте стал образным ключом к книге журналиста-известинца Кима Смирнова. Размышляя о взаимосвязи общественно-политических и нравственных позиций исследователя, о допустимых и недопустимых путях к истине, о мужестве познания, автор ведет диалоги по читательским письмам с академиками В. А. Амбарцумяном, Е. П. Велиховым, Б. М. Кедровым, Ю. А. Овчинниковым, Е. К. Федоровым, с лауреатом премии Ленинского комсомола П. М. Саари, рассказывает о личности академика Р. В. Хохлова.

Книга адресована широкому кругу читателей, и прежде всего молодым ученым, преподавателям, студентам.

0302050000—171
С $\frac{079(02)-82}{137-82}$

87.7
ІМІ7

Ким Николаевич Смирнов

**ФАУСТ
ПРОТИВ
МЕФИСТОФЕЛЯ?**

При оформлении
использованы гравюры
С. Красаускаса

Заведующий редакцией
В. М. Михкалев

Редактор
Т. С. Хажилова

Младший редактор
В. В. Калина

Художник
А. О. Семенов

Художественный редактор
С. И. Сергеев

Технический редактор
М. И. Токменина

ИБ № 3309

Сдано в набор 18. 01. 82. Подписано в печать 05. 05. 82.
А00092. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гар-
нитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн.
печ. л. 7,61. Условн. кр.-отт. 7,9. Учетно-изд. л. 6,83.
Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 1311. Цена 35 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.
Ордена Трудового Красного Знамени типография изд-ва
«Звезда», г. Пермь, ул. Дружбы, 34.

ЛИЧНОСТЬ МОРАЛЬ ВОСПИТАНИЕ

Серия художественно-публицистических
и научно-популярных изданий

Нет ничего более ценного в мире, чем сам человек. Но что нужно для того, чтобы каждый человек мог проявить себя как личность? Какие нравственные черты характеризуют человека новой формации, личность социалистического типа? Как формируется духовно богатая, душевно щедрая, творческая, обладающая активной жизненной позицией личность, способная принимать самостоятельные нравственные решения в сложных жизненных ситуациях и нести ответственность за совершенные поступки? Обо всем этом рассказывают книги и брошюры серии «Личность, мораль, воспитание».

Издательство
политической литературы
1982